

ГЕНИАЛЬНО, НЕОТРАЗИМО И УВЛЕКАТЕЛЬНО.

NEW YORK TIMES

МАЙКЛ
КОННЕЛЛИ

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 74 000 000 КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

ПОЭТ, или
ОХОТА НА ПРИЗРАКА

Звезды мирового детектива

Майкл Коннелли

Поэт, или Охота на призрака

«Азбука-Аттикус»

1996

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коннелли М.

Поэт, или Охота на призрака / М. Коннелли — «Азбука-Аттикус», 1996 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-18193-9

«Смерть – вот за чем я охочусь. Именно она помогает мне зарабатывать на жизнь...» Джек Макэвой вовсе не рисуется; он криминальный репортер, и броня цинизма ему необходима, но трагическая гибель брата, полицейского детектива, пробивает в ней брешь. Согласно официальной версии, брат застрелился из-за нераскрытого дела. Но Джек не верит в версию самоубийства, хотя все улики налицо, даже предсмертная записка. Он начинает собственное расследование и вскоре обнаруживает целую серию случаев, когда полицейский пустил себе пулю в лоб по причине фатальной неудачи на службе. И каждый оставил записку – с цитатой из стихов поэта-мистика Эдгара Аллана По...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18193-9

© Коннелли М., 1996

© Азбука-Аттикус, 1996

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	54
Глава 9	65
Глава 10	75
Глава 11	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Майкл Коннелли

Поэт, или Охота на призрака

*Посвящается Филиппу Шнитцеру и Джозелу Готлеру – моим
литературным агентам и друзьям*

Michael Connelly

THE POET

Copyright © 1996 by Michael Connelly

All rights reserved

© В. А. Гришечкин, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Смерть – вот за чем я охочусь. Именно она помогает мне зарабатывать себе на жизнь и служит фундаментом, на котором зиждется моя профессиональная слава. К каждому такому случаю я подхожу с трепетом и тайной радостью, достойными владельца похоронного бюро, но, оказываясь в обществе тех, кого смерть лишила родных и близких, я умею быть торжественно печальным и исполненным видимого сочувствия. Лишь наедине с собой я обращаюсь со смертью хладнокровно, как опытный и умелый мастер, ибо мне известен секрет, – во всяком случае, я всегда считал, что знаю основополагающую истину: держи смерть на расстоянии вытянутой руки и не позволяй ей дышать тебе в лицо.

Но это «золотое правило» не смогло защитить меня самого. Когда однажды появились два детектива и рассказали, что случилось с Шоном, мое тело и душу как будто сковало льдом. Я ощущал себя словно рыба, которая тупо взирает на происходящее за стенами аквариума. Да и двигался я будто под водой – туда и обратно, туда и обратно, – глядя на мир сквозь толстое мутное стекло.

Сидя на заднем сиденье полицейской машины, я видел в зеркале свои глаза; когда мы проезжали под уличным фонарем, в них вспыхивал мертвенный синеватый свет, и я узнавал выражение нездешней отстраненности, какое и сам прежде не раз наблюдал у свежее испеченных вдов, у которых мне доводилось брать интервью.

Из двух детективов я знал только одного – Гарольда Векслера. Мне приходилось встречаться с ним несколькими месяцами раньше, когда я заезжал в бар «Пуля», чтобы пообщаться со своим братом Шоном. Они с Векслером вместе работали в Управлении полиции Денвера, в отделе преступлений против личности. Помнится, брат называл своего товарища Вексом, а тот его – Маком; копы отчего-то испытывают пристрастие к прозвищам. Вероятно, в такой форме проявляется их профессиональная солидарность, которая, как мне кажется, сильно смахивает на первобытный союз мужчин одного племени. Правда, далеко не все прозвища оказываются столь безобидными. Помнится, в Колорадо-Спрингс я знал одного полицейского, чья фамилия была Скригс; так сослуживцы быстро переделали ее в Скрыгс, а некоторые называли его попросту Скрыгой, однако парень не обижался. Впрочем, использовать подобные обращения могут лишь самые близкие друзья, так что какие уж тут обиды.

Своим телосложением Векслер напоминал небольшого крепенького бычка, достаточно сильного, но широкого в кости и оттого слегка тяжеловатого. Когда мы в прошлый раз сидели в баре, голос его звучал спокойно и размеренно, словно купаясь в табачном дыму и запахах спиртного, медленно сгущавшихся под потолком заведения. Продолговатое лицо с острыми чертами казалось мне излишне красным всякий раз, когда я бросал взгляд в его сторону. Еще я запомнил, что в тот вечер, когда мы познакомились, Векслер заказал себе виски «Джим Бим» со льдом. Я всегда интересуюсь тем, что пьют копы: напиток, стоящий на барной стойке, порой говорит о характере человека гораздо больше, чем ему хотелось бы. Например, если я вижу полицейского, который глушит почти чистое виски, мне всегда кажется, будто передо мной парень, который слишком часто сталкивается с такими вещами, с какими обычные люди могут не встретиться за целую жизнь. Что касается Шона, то он в тот раз предпочел некрепкое пиво; впрочем, мой брат был еще молод – как минимум лет на десять моложе Векслера, хотя и сумел подняться выше его по служебной лестнице. Возможно, по прошествии лет он, как и его напарник, стал бы пить свое лекарство неразбавленным и сильно охлажденным.

Об этом последнем вечере в «Пуле» я думал большую часть времени, что мы ехали по шоссе, ведущему из Денвера. Вряд ли теперь мне удастся разобраться, что к чему. Тогда, похоже, ничего важного не произошло; просто мы с братом встретились в баре для полицейских, чтобы пропустить пару стаканчиков. Насколько я помнил, это был последний раз, когда

мы с ним так хорошо посидели. Потом Шон занялся делом Терезы Лофтон, между нами возникла размолвка, и теперь уже ничего не исправишь...

При мысли об этом я снова почувствовал себя в холодном и сыром аквариуме. Иногда, впрочем, реальность все же проникала сквозь толстое зеленоватое стекло, достигала самого сердца, и тогда меня охватывали печаль и горькое осознание собственного провала. За тридцать четыре года это был, пожалуй, первый случай, когда моя собственная душа рвалась в клочья, хотя еще раньше мне довелось пережить гибель сестры Сары. Тогда, впрочем, я был слишком юн, чтобы в полной мере осознать, как может быть больно, когда рядом с тобой внезапно и трагично обрывается чья-то молодая жизнь. Теперь же обрушившееся на меня горе казалось особенно страшным оттого, что я и понятия не имел, как близко подошел Шон к последней черте. В моих представлениях он все еще пил легкое пиво, в то время как остальные копы – я знал это – давно прирастились к виски со льдом.

Разумеется, я понимал, насколько мое горе продиктовано банальной жалостью к себе. Правда состояла в том, что мы уже довольно долгое время почти не прислушивались друг к другу. Фактически мы с братом давно шли по разным дорогам, и каждый из нас выбрал для себя свой путь. Все это было совершенно правильно и справедливо, но мне от этого становилось только тяжелее.

Как-то в минуту откровенности Шон выложил мне свою теорию предела. Он считал, что каждый коп, который занимается расследованием убийств, обладает собственным лимитом, однако где именно проходит эта ограничительная черта, можно узнать, только когда уже подойдешь к ней вплотную. Собственно говоря, Шон имел в виду трупы и считал, что их максимальное количество для каждого копа выражается вполне конкретным числом. Некоторые полицейские выполняют свою норму довольно быстро, тогда как другие могут прослужить в отделе по расследованию убийств двадцать лет, да так и не приблизиться к своему пределу; но он тем не менее есть у каждого. Когда в один прекрасный день полицейский упирается в него, ему остается либо перевестись в более спокойное место, либо сдать значок и попробовать заняться чем-нибудь другим, потому что он просто физически не в состоянии и дальше смотреть на мертвые тела. Если же, после того как ты исчерпал свой лимит, подобное все же случается – вот тогда ты в серьезной беде. Дело может кончиться тем, что ты вставишь в рот ствол пистолета и нажмешь на курок.

Так сказал Шон.

Внезапно я осознал, что напарник Векслера, Рэй Сент-Луис, вот уже некоторое время что-то говорит, обращаясь ко мне. Развернувшись на сиденье, он смотрел на меня в упор, и я подумал, что Рэй выглядит намного крупнее Векса. Даже в полутемном салоне полицейской машины я мог отчетливо рассмотреть его грубое лицо и изъеденные оспинами щеки. До сегодняшнего дня мы не были знакомы лично, однако я знал Сент-Луиса по рассказам других полицейских и помнил, что они называли его Большим Псом. Когда я увидел эту парочку в вестибюле нашей газеты «Роки-Маунтин ньюс», где они ожидали меня, то сразу подумал, что Векслер и Сент-Луис очень напоминают Мьюта и Джеффа, героев небезызвестных комиксов. Оба были в длинных темных накидках и надвинутых на глаза шляпах, однако общее мрачное впечатление несколько скрадывалось тем обстоятельством, что окружающая обстановка не была выдержана в черно-белой гамме.

– Сделаем так, Джек, – говорил сейчас Сент-Луис. – Мы сами все ей расскажем. Это часть нашей работы, но мы хотели бы, чтобы ты был рядом и помог нам в случае каких-нибудь осложнений. Например, остался бы с ней на ночь. Сам понимаешь – подобные вещи, особенно в первое время, переносятся гораздо легче, если рядом есть кто-то из родственников.

– Ладно.

– Вот и хорошо.

Мы ехали в Боулдер, домой к Шону, и я отлично понимал, что никому из нас не придется рассказывать страшные новости его жене. Рили догадается обо всем в тот же миг, когда откроет дверь и увидит нас троих. Да любая супруга полицейского в такой ситуации сразу поймет все без слов, ибо подспудно готовится к этому всю свою жизнь, хотя и предпочитает не думать о том, что может случиться. Каждый раз, когда в дверь стучится кто-то посторонний, жены копов вздрагивают от страха, боясь увидеть на пороге сослуживцев мужа с дурными вестями. Что ж, на этот раз все будет именно так, как в самом кошмарном сне.

– Ты ведь и сам знаешь, что объяснять ничего не понадобится, – сказал я в пространство.

– Наверное. – Векслер пожал плечами. – Обычно так и бывает.

Я понял, что оба детектива рассчитывают на то, что Рили интуитивно угадает правду, как только откроет нам дверь. Это, несомненно, облегчило бы их задачу.

Я опустил голову и, упершись подбородком в грудь, потер двумя пальцами переносицу под очками. Не счесть, сколько я за свою журналистскую карьеру состряпал репортажей, где, в подробностях описывая проявление горя и переживания родственников, вызванные невосполнимой потерей, прилагал все усилия, чтобы материал на четыреста двадцать строк выглядел максимально глубокомысленным и значимым. Теперь, по иронии судьбы, я сам мог стать одним из действующих лиц подобной статьи.

Волна обжигающего стыда захлестнула меня при воспоминании о назойливых телефонных звонках, о моих настойчивых попытках взять интервью у вдовы или у родителей, потерявших ребенка. И даже у брата самоубийцы. Да, мне приходилось проделывать и такое тоже. Наверное, не было ни одной разновидности смерти, о какой мне еще не доводилось писать, и всякий раз я непрошеным гостем вторгался в чужую боль.

«Что вы сейчас чувствуете?»

Это коронный репортерский вопрос, его всегда задаешь одним из первых. Не всегда он столь незатейлив и прям, порой облечен в слова, призванные замаскировать его суть и создать видимость сострадания и понимания – эмоций, которых я, готовя материал для газеты, никогда не испытывал. Кстати, на моем лице есть отметина, этакое напоминание о собственной бессердечности – тонкий белый шрам, пересекающий левую скулу как раз над тем местом, откуда растет борода. Это след от кольца с бриллиантом, принадлежавшего женщине, чей жених погиб под лавиной в районе Брекенриджа. Коронный вопрос был у меня наготове, я задал его, и она ответила мне ударом наотмашь, врезала тыльной стороной ладони. Тогда я еще только начинал работать журналистом и считал, что со мной обошлись несправедливо. Сейчас я горжусь этим шрамом, словно орденом.

– Останови-ка, – попросил я. – Меня сейчас стошнит.

Векслер круто свернул на обочину. Асфальт заледенел, и машину занесло, однако уже в следующий момент водитель справился с управлением и начал тормозить. Еще до того, как автомобиль полностью остановился, я попытался открыть дверцу, однако ручки почему-то не работали. Наконец я сообразил, что нахожусь в полицейской машине, заднее сиденье которой предназначено главным образом для арестованных и подозреваемых. На дверцах в целях безопасности были установлены специальные замки с дистанционным управлением.

– Дверь... – с трудом выдавил я.

Машина наконец остановилась, и Векслер разблокировал замок. Я распахнул дверцу, свесился наружу, и меня вырвало в грязный, полурастаявший снег. Трижды я ощущал, как из желудка поднимается могучий очистительный спазм, а потом все прекратилось. Примерно минуту я не двигался, ожидая нового приступа, но его не последовало. Внутри меня было пусто, и не только в физическом смысле. Выпрямляясь, я подумал о заднем сиденье, предназначенном для подозреваемых и задержанных. Я сейчас был и тем и другим – возможным

виновником смерти брата, узником собственного тщеславия. В обоих случаях приговор мог быть только один – жизнь.

Но эти мысли быстро оставили меня, изгнанные облегчением, которое принесла с собой рвота. Я даже решился выбраться из салона и сделать несколько шагов к самому краю асфальтированного шоссе, где свет фар проносящихся мимо машин вспыхивал на февральском снегу, покрытом тончайшей нефтяной пленкой, тусклыми радугами-разводами. Похоже, мы остановились возле какого-то пастбища, но я никак не мог сообразить, где именно: погрузившись в свои невеселые размышления, я не заметил, как далеко от Денвера мы успели отъехать.

Я снял очки и перчатки и положил их в карман куртки. Затем наклонился и сунул руки в сугроб, стараясь добраться до самой глубины, где обжигающий снег под серой коркой еще оставался неиспорченным и чистым. Набрав полные пригоршни белого порошка, я принялся растирать лицо и делал это до тех пор, пока кожу не начало покалывать.

– Эй, ты в порядке? – окликнул меня Сент-Луис.

А я и не заметил, как он подошел. Проигнорировав его вопрос, столь же дурацкий, как и мое излюбленное «Что вы сейчас чувствуете?», я лишь сказал:

– Поехали. – И стряхнул с рук талую воду.

Мы забрались обратно в машину, и Векслер без слов вырулил на шоссе. Вскоре я заметил указатель поворота на Брумфилд и понял, что половина пути осталась позади. Я сам вырос в Боулдере, и мне приходилось преодолевать расстояние между ним и Денвером, наверное, тысячу раз, однако сейчас этот отрезок шоссе казался каким-то незнакомым и чужим.

Неожиданно я задумался о том, как воспримут известие о смерти Шона наши родители. «Стоически», – решил я в конце концов. На моей памяти отец с матерью именно так реагировали на все беды и превратности судьбы. Они никогда ничего не обсуждали, а просто шли дальше и не позволяли себе оборачиваться. Так было, когда утонула Сара. Так будет и теперь, с Шоном.

– Почему он сделал это? – спросил я несколько минут спустя.

Ни Векслер, ни Сент-Луис не ответили.

– Я его брат, – настаивал я. – Не просто брат, а близнец.

– И репортер, – отозвался Сент-Луис. – Мы взяли тебя только затем, чтобы в случае надобности рядом с Рили оказался кто-нибудь из родственников. Ты – единственный, кого...

– Мой брат покончил с собой, черт вас побери!

Я сказал это чересчур громко. В моем голосе прозвучали истерические нотки, а я лучше многих знал, что истерикой копов не проймешь. Когда ты начинаешь орать, они закрываются, как моллюски, становятся холодными и невосприимчивыми, словно камни.

И я заговорил спокойнее:

– Мне кажется, я имею право знать, как это случилось и почему Шон так поступил. Никаких репортажей, никаких дурацких статей. Господи, неужели вы не можете...

Я не закончил фразу и затряс головой. Мне казалось, что если я попробую договорить до конца, то лишусь последнего шанса. Вместо этого я высунулся из окна и стал смотреть, как несутся навстречу все еще далекие огни Боулдера. И впервые подумал, что с тех пор, как я был ребенком, их стало гораздо больше.

– Мы не знаем – почему, – откликнулся Векслер минуты через полторы. – Я могу только сказать, что подобное случается. Иногда полицейские смертельно устают от всего того дерьма, что стекает в городскую канализацию. Мак мог просто устать, вот и все. Кто знает? Следствие уже началось, и, если ребята разберутся, я тебе обязательно обо всем расскажу. Можешь считать это обещанием.

– Кто ведет дело?

– Линейное отделение парка передало следствие нашему управлению. Им занялся спецотдел.

– Спецотдел? Но спецотдел не занимается самоубийствами полицейских.

– Обычно нет. Как правило, такие дела тянем на горбу мы, отдел ППЛ. Но в данном случае никто не даст нам расследовать смерть одного из своих. Так называемый конфликт интересов...

«ППЛ – преступления против личности, – подумал я. – Насильственная смерть, разбойные нападения, изнасилования, самоубийства. Интересно, чье имя будет вписано в графу „Потерпевший“? Против кого совершено это преступление? Против Рили? Меня? наших родителей? Против моего брата?»

– Это все из-за Терезы Лофтон? – напрямик спросил я, хотя, строго говоря, это не было вопросом. Я не нуждался ни в отрицательном ответе, ни в подтверждении с их стороны. Просто я высказал вслух то, что, как мне казалось, было очевидным.

– Мы не знаем, Джек, – отозвался Сент-Луис. – Давай покамест не будем об этом говорить.

Смерть Терезы Лофтон была из разряда преступлений, узнав о которых большинство людей хоть ненадолго, но задумывается. И не только у нас в Денвере, но и повсюду. Каждый, кто услышал о подобном или прочел в газетах, застыл бы на месте по крайней мере на несколько мгновений, чтобы справиться с чередой страшных видений, которую подобное известие способно вызвать к жизни в мозгу любого человека, и преодолеть возникший в душе холод.

Большинство случаев насильственной смерти являются «малыми убийствами», как называем их мы, журналисты, да и все прочие, кто имеет отношение к газетному бизнесу. Они имеют довольно ограниченное влияние на умы и сердца читателей и, если и подстегивают воображение обывателей, то совсем немного. Как правило, подобные случаи попадают в раздел криминальной хроники и занимают всего несколько строк на внутреннем развороте. Выражаясь высоким штилем, сообщения о них похоронены в газетной бумаге так же, как жертвы – в земле.

Однако, когда расчлененный труп юной симпатичной студентки университета оказывается однажды утром в таком сугубо мирном месте, как Вашингтон-парк, в газетах обычно не хватает места, чтобы опубликовать все детали и версии события. Убийство Терезы Лофтон к разряду «малых» отнести было совершенно невозможно. Больше того, оно, словно мощный магнит, притягивало репортеров со всех концов страны. Труп Лофтон был разрезан пополам, что стало той самой «изюминкой», которая отличала это преступление от многих других, и в Денвер как мухи на мед слетелись журналисты, хлынули борзописцы из разного рода бульварных листков и телевизионщики из Нью-Йорка, Чикаго и Лос-Анджелеса. Целую неделю они заполняли лучшие отели и прочесывали улицы Денвера и университетский городок, задавая дурацкие вопросы и получая бессмысленные ответы. Некоторые даже наведывались в детский сад, где Лофтон подрабатывала в свободное от учебы время, а другие отправились в Монтану – в тот городишко, откуда погибшая была родом. Но куда бы репортеры ни забирались, повсюду они находили подтверждения того, чего им больше всего хотелось, а именно: Тереза Лофтон прекрасно соответствовала прессой же созданному идеальному образу Типичной Американской Девушки.

Неоднократно это убийство сравнивали – просто не могли не сравнить! – с делом Черной Делии, которое расследовалось полсотни лет назад в Лос-Анджелесе. Тогда разрубленный пополам труп, принадлежавший, правда, девушке, которая гораздо меньше подходила под стандарт типичной американки, был обнаружен на безлюдной автомобильной стоянке. Наскоро состряпанное шоу, прошедшее по каналам кабельного телевидения, сравнивало эти два случая и называло Лофтон Белой Делией, неуклюже обыгрывая тот факт, что труп молодой белокожей студентки был найден на заснеженном пустыре неподалеку от озера Грассмер.

И все же, несмотря на поднявшуюся шумиху, нельзя было не признать, что случай действительно вопиющий, да и подробности говорили сами за себя. На протяжении двух с лишним недель денверское убийство оставалось животрепещущей новостью, о которой все только и говорили. Однако, хотя дело это и находилось на особом контроле у местных властей, никто так и не был арестован, а вскоре внимание средств массовой информации отвлекли другие преступления. Текущие сообщения об убийстве Лофтон переключались на внутренние развороты колорадских газет, превратившись в коротенькие, в несколько строчек, заметки, и дело Терезы Лофтон заняло свое место среди «малых убийств». В конце концов это страшное преступление было похоронено и перестало занимать умы читающей публики.

Все это время полиция вообще и мой брат в частности хранили абсолютное молчание, как краснокожие под пытками, отказываясь даже подтвердить тот факт, что обнаруженное тело было расчленено. Сообщение об этом попало в газеты по чистой случайности, благодаря Игги Гомесу, фотографу из «Роки-Маунтин ньюс». Он в то утро как раз прогуливался в парке, надеясь сделать несколько фото «первозданной природы» – снимков, что заполняют собой страницы газет в дни, небогатые чрезвычайными событиями, – когда неожиданно набрел на место происшествия, опередив всех других корреспондентов. (Полицейские связались с коронером по телефону, так как знали, что «Роки-Маунтин ньюс» и «Денвер пост» прослушивают их радиочастоты.) Гомес успел сделать снимки носилок, где лежали два пластиковых мешка, в которых обычно перевозят трупы, а затем позвонил дежурному редактору в отдел городских новостей и сообщил, что копы расследуют двойное убийство, причем, судя по размеру мешков, тела, вероятно, принадлежат детям.

Несколько позднее Ван Джексон, хроникер «Роки-Маунтин ньюс», связался со своим источником в аппарате помощников коронера и узнал мрачные подробности этого дела, которые заключались в том, что жертва была одна, но в морг попала в двух пластиковых мешках. На следующее утро эта история уже красовалась на первой полосе нашей газеты, что и послужило сигналом общего сбора для журналистов со всей страны.

Мой брат и его следственная группа держались так, словно вовсе не чувствовали себя обязанными сообщать что-либо широкой общественности. Пресс-отдел Управления полиции Денвера ежедневно выпускал кратенький релиз, где в нескольких скупых строках извещал репортеров о том, что расследование идет своим чередом и никаких арестов пока не произведено. Будучи загнанным в угол, полицейское начальство поклялось, что журналистского расследования дела Лофтон стопроцентно не будет, но это заявление само по себе выглядело смехотворно: пресса, которую официальные власти снабжали минимумом информации, поступала так, как поступала всегда в подобных случаях, начав свое собственное расследование, и принялась обрушивать на читателей и телезрителей множество самых различных подробностей, касающихся личной жизни жертвы и не имеющих ни малейшего отношения к обстоятельствам ее гибели.

Между тем из полицейского управления по-прежнему не поступало никаких сведений; фактически за пределами штаб-квартиры полиции на Делавар-стрит мало кто знал, как обстоят дела в действительности, и потому спустя пару недель активность прессы, не получавшей свежей информации, которая для пишущей братии являлась тем же, чем являются для обычного человека воздух и хлеб, пошла на убыль.

Сам я ничего не писал об убийстве Терезы Лофтон, но отнюдь не потому, что мне этого не хотелось. Столь громкое дело встречается в наших краях слишком редко, чтобы его можно было проигнорировать, и любой репортер на моем месте отдал бы что угодно за возможность приложить к нему руку. Однако в нашей газете в данном случае с этой темой с самого начала работали Ван Джексон и Лаура Фицгibbonс, признанный специалист по сенсационным разоблачениям. Поэтому мне оставалось только терпеливо ждать своего часа. Я знал, что до тех

пор, пока картина хоть чуть-чуть не прояснится, мои шансы остаются вполне реальными, и не торопил события. Именно поэтому, когда в первые дни после происшествия Джексон попросил меня попытаться разузнать какие-нибудь подробности у моего брата – хотя бы неофициально, – я обещал попробовать, но так ничего и не предпринял. Мне самому нужна была эта золотая жила, и я не собирался помогать Джексону разрабатывать ее, да еще используя для этого свои собственные контакты.

В конце января, когда делу Лофтон исполнился месяц с небольшим, а сообщения о ходе расследования почти исчезли из печати, я сделал первый шаг в этом направлении. И, как оказалось, совершил ошибку.

Одним январским утром я явился к Грегу Гленну, главному редактору отдела городских новостей, и сообщил ему, что хотел бы попробовать сделать большой материал по делу Лофтон. Собственно говоря, подобные вещи были моей специализацией, в которой я успел достичь значительных высот; мои статьи, посвященные самым громким убийствам, сделанные как бы вдогонку событиям, занимали далеко не последнее место в империи новостей «Роки-Маунтин ньюс». Говоря языком штампов, принятых в нашем газетном мире, эти статьи следовали за сенсационными заголовками, чтобы рассказать читателям, как все было на самом деле.

Итак, я пошел к Гленну и напомнил ему, что у меня есть что сказать об этом интересном деле. Я объяснил ему, что расследование ведет мой брат, который вряд ли станет говорить на данную тему с кем-нибудь, кроме меня. Гленн не колебался ни минуты, хотя и знал, сколько времени и сил уже потратил на Лофтон Ван Джексон. Я, впрочем, с самого начала знал, что это его не остановит. Единственное, что интересовало редактора, так это возможность раздобыть для нашей газеты материал, которого нет у конкурентов из «Денвер пост», и через несколько минут я уже выходил из кабинета главного, получив его полное одобрение.

Ошибка моя заключалась в том, что я объявил Гленну об имеющемся у меня доступе к любопытным материалам до того, как поговорил с Шоном. Когда на следующий день я прошел два квартала, отделявшие редакцию от здания городского управления полиции, и, пригласив брата на ланч, попробовал завести с ним разговор о задании, над которым работал со вчерашнего дня, Шон неожиданно дал мне, как говорится, от ворот поворот.

– Придется тебе дать задний ход, Джек, – сказал он. – К сожалению, я ничем не могу тебе помочь.

– Почему? – удивился я. – Это же твое дело, ты его ведешь.

– Да, это дело поручено мне, но я не стану сотрудничать ни с тобой, ни с кем-либо другим, кто захочет о нем писать. Некоторые моменты общего характера я уже сообщил нашей пресс-службе. С ними ты можешь ознакомиться. Что же касается подробностей... извини, но их не будет.

Шон отвернулся и уставился куда-то вглубь кафетерия, в котором мы беседовали. Эта его привычка не смотреть мне в лицо, когда между нами возникали разногласия, неизменно действовала на нервы. Когда мы были мальчишками, я бросался на Шона, стоило только ему отвернуться, и принимался дубасить. К сожалению, теперь я не мог поступать, как прежде, хотя порой – не скрою – мне очень этого хотелось.

– Но, Шон, у меня могла бы получиться отличная статья. Ты должен...

– Я ничего никому не должен, и мне плевать, какая из этого может выйти статья. Я знаю только одно: это очень скверное дело, Джек. Ясно? Оно никак не выходит у меня из головы, и я не собираюсь помогать твоей газете увеличивать тиражи...

– Ну, что же ты замолчал? Шон, мне наплевать на тиражи! Да и на саму газету тоже начхать! Но я ведь журналист, черт побери! И не могу упустить такую тему! Ты же отлично понимаешь, насколько это для меня важно! Ты прекрасно знаешь, что я думаю по этому поводу!

В конце концов Шон повернулся ко мне.

– Что же, а теперь ты знаешь, что думаю по поводу этого расследования я сам, – медленно проговорил он.

Некоторое время я молчал, потом вытащил «Кэмел». Тогда я курил мало – не больше половины пачки в день – и вполне мог обойтись без той конкретной сигареты, однако знал, как моя привычка раздражает Шона. Я всегда закуривал, когда мне нужно было воздействовать на него.

– Это зал для некурящих, Джек.

– Тогда позови управляющего. В этом случае ты арестуешь хоть кого-нибудь.

– Почему ты всегда начинаешь брызгать ядом, когда не можешь добиться того, чего тебе хочется?

– А ты? Ты же не можешь довести до конца это дело, верно? Вот где на самом деле собака зарыта! Ты просто не желаешь, чтобы я копался в твоём грязном белье и писал о твоих промахах и неудачах. Ты поднял лапки вверх, дружок.

– Не пытайся ударить меня ниже пояса, Джек. Ты же знаешь, это никогда не срабатывало.

Он был прав. Никогда.

– Тогда в чем дело? Может быть, ты хочешь сохранить эту маленькую историю-страшилку для себя лично? Что, я угадал?

– Ну что же, – ответил Шон. – Можно и так сказать.

Сидя в полицейской машине с Векслером и Сент-Луисом, я скрестил руки на груди. Это было удобно, да и ощущал я себя несколько увереннее, словно такая поза помогала мне успокоиться и собраться с мыслями. Чем больше я думал о смерти брата, тем меньше смысла видел во всем происшедшем. Мне, правда, было известно, насколько дело Терезы Лофтон тяготило его, однако я ни в коем случае не допускал, что оно в состоянии заставить Шона лишить себя жизни. Не такой это был человек.

– Он застрелился из своего пистолета?

Векслер бросил на меня быстрый взгляд в зеркале заднего вида.

«Изучает, – подумалось мне. – Интересно, знает ли он о нашей с Шоном размолвке?»

– Да.

Меня словно бы под дых ударили. Я не понимал, как это могло произойти. Ну не мог Шон так поступить, не мог, и все тут – уж я бы заметил признаки надвигающейся катастрофы, хотя в последнее время мы встречались довольно редко. При чем тут дело Лофтон?! Что бы там ни утверждали Векслер с Сент-Луисом, ситуация представлялась мне невероятной, просто невообразимой.

– Только не Шон, – сказал я вслух.

Сент-Луис повернулся, чтобы посмотреть на меня.

– В смысле?

– Шон не мог так поступить, и точка.

– Послушай, Джек, он...

– Он не мог устать от той дряни, которая, если воспользоваться твоими словами, стекает в городскую канализацию. Он любил свою работу, спросите хоть Рили, хоть кого угодно... Ты же сам хорошо знал Шона, Векс, и не можешь не понимать, что все эти разговоры – дерьмо собачье! Он любил охоту – так Шон называл то, чем ему приходилось заниматься, – и не променял бы свою работу ни на какую другую. Если бы Шон захотел, он уже мог бы, наверное, стать заместителем начальника управления, но он не захотел, а остался в отделе ППЛ. Шону нравилось расследовать убийства!

Векслер не ответил. Мы уже въехали в Боулдер и двигались по Бейслайн, направляясь к гидростанции. Никто не произнес больше ни слова, и я чувствовал себя так, словно проваливался в ватную тишину салона. Потрясение от того, что я узнал – от того, что Шон, по словам

детективов, учинил над собой, – было очень сильным, оно обрушилось на меня всей своей тяжестью, и мне казалось, что я стал таким же грязным и холодным, как снег на обочине шоссе.

– А как насчет предсмертной записки? – осведомился я наконец. – Что-нибудь нашли?

– Записка была. Мы, во всяком случае, думаем, что это была именно записка.

Я заметил, как Сент-Луис метнул на напарника быстрый взгляд, словно предупреждая его: не стоит болтать лишнего.

– Что?! Что Шон написал?

Последовало молчание, которое показалось мне бесконечным. Наконец Векслер решил проигнорировать предостережение Луиса.

– «Вне границ, – сказал он, – и вне времен».

– «Вне границ и вне времен»? – повторил я. – И это все?

– Да, Джек, именно так: это было все, что написал перед смертью Шон.

Улыбка на лице Рили продержалась, быть может, секунды три. Затем в одно мгновение ее сменило выражение беспомощного ужаса, какое можно увидеть только на картинах Мунка. Все-таки человеческий мозг может дать сто очков вперед любому компьютеру – трех секунд наблюдения за нами оказалось вполне достаточно, чтобы Рили поняла: ее муж больше никогда не вернется домой. Никакой IBM это не по плечу.

Губы Рили приоткрылись, и на лице образовался жуткий черный провал, из которого вырвался сдавленный, нечленораздельный звук. Затем она выдохнула неизбежное в таких случаях, но абсолютно бесполезное: «Нет!»

– Рили, – сказал Векслер, – давай присядем на минутку.

– О боже, нет! Нет!!!

– Рили...

Она попятилась от дверей, словно загнанный в угол зверек, который порывается бежать то в одну, то в другую сторону; должно быть, Рили казалось, что она сумеет что-то изменить, если ей удастся уклониться от разговора с нами. В конце концов она скрылась за углом коридора, ведущего в гостиную.

Когда мы последовали за ней в комнату, Рили полулежала на диване в состоянии, близком к кататоническому ступору, что, впрочем, не сильно отличалось от того, что чувствовал сейчас я сам. Слезы только-только показались в уголках ее глаз.

Векслер опустился рядом с Рили на диван. Большой Пес и я остановились поблизости и трусливо молчали.

– Он умер, да? – спросила Рили, прекрасно зная ответ. Тем не менее она испытывала настоящую необходимость покончить с неизбежным.

Векслер кивнул.

– Как все произошло?

Векслер смотрел в пол. Он некоторое время колебался, переводя взгляд с меня на нее и обратно. Но в конце концов сказал:

– Он застрелился, Рили. Мне очень жаль...

Рили не поверила его словам, так же как и я. Векслер, однако, умел убеждать, и через некоторое время она перестала возражать. Именно тогда Рили в первый раз посмотрела на меня. По лицу ее катились слезы, а в глазах застыло выражение мольбы, как будто мы с ней видели один и тот же кошмарный сон, и она спрашивала, не могу ли я что-нибудь с этим сделать. Должно быть, она надеялась, что я в состоянии помочь ей проснуться или, по крайней мере, сказать, что Векслер и Луис – эти два мрачных персонажа из черно-белого детективного кино – все выдумали. Вместо ответа я сел на диван с другой стороны от Рили и обнял ее за

плечи. Именно для этого меня и пригласили – я столько раз видел подобные сцены, что мне не нужно было подсказывать, как себя вести.

– Я побуду с тобой, – прошептал я. – Столько, сколько ты захочешь.

Рили не ответила. Сбросив мою руку, она повернулась к Векслеру:

– Где это случилось?

– В Эстес-парке. Возле самого озера.

– Но он не должен был ехать туда. Что... что Шон там делал?

– Ему позвонили. Кто-то, кто пообещал сообщить ему некую информацию по одному из дел, которые вел Шон. Он собирался встретиться с информатором в гостинице «Стэнли». После... потом он поехал к озеру. Почему – никто не знает. Его нашли в машине: парковый сторож услышал выстрел и...

– По какому делу ему обещали предоставить информацию? – насторожился я.

– Послушай, Джек, нет никакой необходимости вдаваться в...

– По какому делу?! – заорал я, не заботясь более о том, дрожит мой голос или нет. – Это было дело Терезы Лофтон, верно?

Векслер коротко кивнул, а Сент-Луис отошел к дверям, неодобрительно качая головой.

– С кем у него была назначена встреча?

– В этом-то вся проблема, Джек. Но я не уполномочен обсуждать это с вами.

– Я – брат Шона. А Рили – его жена...

– Дело расследуется, но если ты ищешь сомнительные пункты, то их нет. Мы были на месте... происшествия: Шона никто не убивал, это чистой воды суицид. Он воспользовался служебным револьвером, он оставил записку, а на его руках мы нашли следы пороха. Поверь, я очень хотел бы, чтобы твой брат этого не делал... но он сделал это.

Глава 2

У нас в Колорадо, если приходится копать могилу зимой, замерзшая земля уступает неохотно, отваливаясь под киркой крупными твердыми комками. Шона похоронили в Боулдере на мемориальном кладбище Грин-Маунтин, всего в какой-то миле от того места, где прошло наше детство. Еще мальчишками нас каждый день возили мимо этого кладбища в летний лагерь Чатаука-парк, но нам тогда, конечно же, и в голову прийти не могло, что однажды это скопище могил станет и нашим последним приютом. Однако именно здесь все и закончилось, во всяком случае – для Шона.

Гора Боулдер высилась над кладбищем, словно огромный алтарь, рядом с которым наша маленькая группа, копошившаяся у подножия, выглядела просто ничтожной. Рили, ее родители и наши с Шоном отец с матерью, разумеется, пришли на похороны; кроме родственников, на кладбище также присутствовали Векслер с Сент-Луисом, десятка два полицейских из денверского управления и несколько школьных товарищей, с которыми ни Шон, ни я, ни Рили уже давно не поддерживали близких отношений. Иными словами, это не были помпезные полицейские похороны, которые неизменно сопровождаются трубным стоном фанфар и хлопаньем тяжелых знамен на ветру. Подобный торжественный ритуал предназначался только для тех, кто погиб, выполняя служебный долг. Можно, конечно, считать, что смерть Шона явилась следствием исполнения им служебных обязанностей, но в Управлении полиции Денвера так явно не считали. Должно быть, поэтому Шон не удостоился обычного в таких случаях Представления с большой буквы, и большинство полицейских, служивших вместе с ним, оставались в этот день на своих рабочих местах. К тому же у людей в форме суицид считается чем-то вроде заразной болезни.

Я был одним из тех, кто нес гроб. Мы с отцом шли спереди; двое копов, которых я не знал, но догадался, что они были членами следственной группы Шона, подставили плечи под середину; а задний конец подхватили Векслер и Сент-Луис. Этот последний, однако, был слишком высок ростом, а Векс слишком мал – ну и парочка: Длинный и Короткий, черт их побери. Из-за этого гроб плыл в воздухе немного наискось, и мне подумалось, что со стороны наша процессия выглядит довольно-таки странно. Как бы то ни было, но пока мы сражались с неудобным и тяжелым ящиком, мой разум блуждал совершенно свободно, и я несколько раз пытался представить себе, каково сейчас Шону там, внутри.

В день похорон я перекинулся с отцом и матерью едва ли десятком слов, хотя в лимузине мне полагалось сидеть вместе с ними, Рили и ее родителями. Вот уже много лет мы не разговаривали друг с другом ни о чем значительном и важном, и даже смерть Шона не в силах была заставить нас преодолеть этот барьер. После гибели моей сестры Сары – а произошло это два с лишним десятилетия назад – что-то переменялось в отношении родителей ко мне, как будто я отчасти был виноват в том, что уцелел. Подозреваю, что с тех пор я только и делал, что разочаровывал их, принимая как раз те решения и совершая именно те поступки, которые они никогда не смогли бы одобрить. За прошедшие годы эти мелкие разочарования все накапливались и накапливались, словно проценты по вкладу на банковском счете, и под конец их стало столько, что родители могли с чистой совестью махнуть на меня рукой. Теперь мы стали чужими, посторонними людьми. Лично я виделся с отцом и матерью только по большим праздникам, например на Рождество, когда традиция предписывала семьям собираться вместе, но ни тогда, ни сейчас у меня не нашлось ничего, чем я хотел бы с ними поделиться. Им, я думаю, тоже нечего было мне сказать, так что если не считать редких сдавленных рыданий Рили, напоминавших стоны раненого зверя, в салоне лимузина было так же тихо, как и у Шона в гробу.

Сразу после похорон я взял двухнедельный оплачиваемый отпуск и еще неделю за свой счет по семейным обстоятельствам, что предусматривалось условиями моего контракта с газетой. Мне хотелось съездить в Скалистые горы, чья загадочная красота до сих пор еще не утратила в моих глазах очарования. Я надеялся, что именно там мне удастся залечить раны быстрее всего.

Двигаясь на запад по Семидесятому шоссе, я проехал через ущелье Лавленд и, поднявшись по серпантину на значительную высоту, добрался до предгорий Гранд-Джанкшена. Дорога заняла у меня дня три, поскольку я не торопился, время от времени останавливаясь, чтобы отвлечься и покататься на лыжах. Иногда я просто сворачивал на обочину и подолгу сидел за баранкой, размышляя или любуясь открывавшимися моему взору снежными вершинами.

После Гранд-Джанкшена я повернул на юг и через сутки добрался до Теллурайда, хотя для этого мне пришлось почти все время гнать свой «чероки» сломя голову. В Теллурайде я снял номер в отеле «Сильвертон», потому что там оказались самые дешевые комнаты, и целую неделю – день за днем – занимался только тем, что съезжал на лыжах со склонов холмов и пригорков и взбирался обратно. По ночам, запершись в своем номере, сидя у камина в гостиной на первом этаже гостиницы, а то и оставаясь на ночлег в кемпингах для лыжников, я беспрерывно пил ликер «Егермейстер». Мне хотелось, чтобы физическая усталость, от которой понемногу начинало ломить все тело, заставила отключиться разум, однако своей цели я так и не достиг. Мысли о Шоне не покидали меня ни днем ни ночью. *«Вне границ и вне времен»*. Его предсмертная записка была загадкой, которая продолжала терзать мой мозг.

По какой-то причине благородные устремления Шона обернулись против него. Можно сказать, что они-то его и погубили. Горечь, вызванная этим простым умозаключением, не оставляла меня ни на минуту, даже когда я несся вниз по склону и ледяной ветер, проникая под защитные очки, высекал слезы из моих глаз.

Я больше не подвергал сомнению официальное заключение о причинах смерти Шона, однако убедили меня не Векслер и Сент-Луис. Скорее всего, это произошло само собой, а неоспоримые факты и время размыли и ослабили мои упрямство и решимость. По мере того как дни шли за днями, мне становилось все легче примириться с реальностью и принять поступок брата как нечто окончательное, свершившееся. К тому же было еще кое-что, чего пока не знали оба полицейских. На следующий день Рили рассказала мне, что, оказывается, один раз в неделю мой брат отправлялся к психоаналитику, причем отнюдь не к тому, на прием к которому он мог попасть, не выходя из здания управления. Шон предпочел специалиста, никак не связанного с полицией, так как не хотел, чтобы его репутация пострадала из-за неизбежных слухов.

Понемногу я начал сознавать, что, когда я подкатывался к Шону с делом Лофтон, он уже посещал врача. Иногда мне казалось, что брат пытался избавить меня от того, что сам в ту пору испытывал: ощущения растерянности, боли и полной беспомощности. Мысль эта согревала мне душу, поэтому все время, что провел в горах, я стремился возвращаться к ней как можно чаще.

Однажды ночью, стоя перед зеркалом в номере отеля и покачиваясь от выпитого, я всерьез задумался о том, чтобы сбрить бороду и сделать себе короткую стрижку – такую же, как у Шона. Мы были однойцевыми близнецами, и тем не менее, несмотря на одинаковые долговязые фигуры, карие глаза и светло-каштановые волосы, мало кто замечал, насколько мы похожи друг на друга. Каждый из нас положил немало трудов, отстаивая свое право на индивидуальность и выковыывая собственный неповторимый облик. Шон носил контактные линзы и посещал тренажерный зал, тягая железо в надежде накачать мышцы. Я предпочитал очки и еще в колледже отрастил бороду, а к штанге в последний раз подходил в старших классах. Кроме

того, на скуле у меня остался шрам – мое боевое отличие и память о той неуравновешенной женщине из Брекенриджа.

Сразу после школы Шон завербовался в армию, а, отслужив срок, пошел работать в полицию, поэтому я уже не помнил, когда видел его подстриженным не по-солдатски. Несколько позднее брат прослушал сокращенный курс Корнеллского университета и получил диплом юриста, который был ему необходим, чтобы продвигаться по служебной лестнице.

Я же, окончив школу, проболтался пару лет без дела, живя то в Нью-Йорке, то в Париже, и только потом поступил в колледж, отучившись там по полной программе. Мне хотелось стать писателем, но я зацепился в газетном бизнесе, уверяя себя, впрочем, что это лишь временная задержка на моем пути к признанию и славе. К настоящему моменту я твердил это себе уже лет десять, а то и больше.

В ту ночь в номере гостиницы я долго смотрел на свое отражение в зеркале, но так и не сбрил бороду и не тронул волосы. Я пытался представить себе, каково сейчас Шону лежать в промерзлой земле, и от этого меня едва не вывернуло наизнанку. Про себя я решил, что заблаговременно позабочусь о том, чтобы меня кремировали, когда настанет мой срок. Мне не хотелось лежать подо льдом вечно.

Особенно глубоко запала мне в душу предсмертная записка Шона. Официальная версия следствия выглядела следующим образом: после того как мой брат уехал из гостиницы «Стэнли», он повернул к Эстес-парку и остановился у Медвежьего озера. Там он припарковал свою служебную машину и некоторое время гонял двигатель на холостых, добиваясь того, чтобы в салоне стало достаточно тепло. Когда от жары окна в машине запотели, он, действуя рукой в перчатке, написал на ветровом стекле предсмертную записку, причем написал задом наперед – так чтобы ее можно было прочесть, глядя снаружи. Это и было последнее обращение Шона к миру, который включал в себя его родителей, жену и брата-близнеца.

«Вне границ и вне времен».

Я никак не мог этого понять. Вне каких границ? Какие времена Шон имел в виду? Судя по тому, что брат сделал с собой, он пришел к какому-то страшному выводу, однако даже не намекнул на это никому из нас. Он не пытался обратиться за помощью ни ко мне, ни к нашим родителям, ни к Рили. Или это мы должны были первыми протянуть Шону руку, ничего не зная о ранах, которые он столь тщательно скрывал? Одинокое размышление на горных дорогах помогло мне обрести уверенность в том, что это не так. Шон должен был сам поделиться с близкими тем, что его тяготило. Отказавшись от нашей помощи, он лишил нас возможности спасти его. И оставил в тупике, наедине с тяжким горем и чувством собственной вины. Поэтому наряду со скорбью я испытывал также гнев. Я ненавидел его, своего брата-близнеца, за то, что он сделал со мной.

Однако злиться на мертвого – занятие безнадежное и глупое. Я не мог долго сердиться на Шона, хотя, как мне казалось, имел на это полное право. Единственным способом как-то разрешить это противоречие было подвергнуть сомнению правильность выводов следствия, но даже таким образом я не мог разорвать порочный круг, в котором очутился. Утихшие сомнения заставляли меня принять его смерть, а принятие порождало бездумную ярость. И так без конца.

В один из последних дней в Теллурайде я позвонил Векслеру. Готов поклясться, мой звонок его совершенно не обрадовал.

- Вы нашли информатора, который пригласил Шона в «Стэнли»?
- Нет, Джек. Пока нет. Я же обещал, что дам тебе знать, когда дело разъяснится.
- Я помню, просто у меня остались кое-какие вопросы. А у тебя?
- Брось это, Джек. Поверь, нам станет легче, когда все останется позади.
- А что насчет спецотдела? Они уже закрыли дело?
- Почти. Впрочем, на этой неделе я с ними еще не разговаривал.

– Тогда почему ты до сих пор пытаешься найти информатора?

– У меня тоже есть несколько вопросов, как и у тебя. Кое-где концы не сходятся с концами, но это так, по мелочам.

– Ты сомневаешься в том, что имел место суицид?

– Нет, просто собираюсь привести все в порядок. Для этого мне нужно знать, о чем твой брат разговаривал с человеком, который ему звонил. Дело Терезы Лофтон, как ты знаешь, до сих пор не закончено, и мне хотелось бы прижать этого подонка к ногтю. Ради Шона.

Я заметил, что Векслер больше не называет моего брата Маком. Шон уже выпал из обоймы.

В следующий понедельник я вновь приступил к работе в «Роки-Маунтин ньюс». Входя в отдел новостей, я почувствовал на себе взгляды сослуживцев, однако в этом не было ничего необычного. Мне довольно часто приходилось ловить завистливые взгляды, ибо я находился на особом положении, о каком мечтает любой репортер. Никакой ежедневной рутины, никаких новостей из разряда «срочно в номер». Я имел возможность свободно прочесывать всю ту территорию, которую «Роки-Маунтин ньюс» считала своей вотчиной, и писать только об одном – о случаях насильственной смерти. Хорошие статьи об убийствах нравятся всем. Порой я писал об убийце, рассказывая читателям историю о том, при каких трагических обстоятельствах пересеклись пути его и жертвы, порой живописал трагедию в высшем обществе (в квартале Черри-Хилл) или перестрелку в одном из баров Ледвилла. Преступники-интеллектуалы и узколобые мясники, громкие дела и «малые убийства». Мой брат был прав: подобные статьи помогают тиражам расходиться с удивительной скоростью, если только правильно подать материал. А у меня был талант или, если угодно, способность расставлять слова в нужном порядке. Для того чтобы поведать читателям очередную душераздирающую историю и привлечь их внимание, мне требовалось только немного времени.

На моем рабочем столе рядом с компьютером высилась стопка газет толщиной в целый фут, не меньше. Именно оттуда я черпал основной материал для своих опусов. Я подписался на все, в том числе еженедельные и ежемесячные газеты, которые публиковались от Пуэбло до Бозмена. Все эти материалы я просматривал в надежде отыскать коротенькую заметку об убийстве, из которой можно было бы сделать пространный репортаж.

Мне всегда было из чего выбирать. Жители района Скалистых гор, протянувшегося от Аляски до Нью-Мексико, славились своим необузданным нравом со времен золотой лихорадки. Конечно, преступлений здесь совершалось намного меньше, чем в Лос-Анджелесе, Майами или Нью-Йорке, однако исходного материала мне всегда хватало. В описаниях убийств или следственных действий я выискивал что-нибудь новое, необычное, какие-нибудь подробности, поражающие воображение читателей или заставляющие их сердца обливаться кровью. Эксплуатация страстей человеческих стала составной частью моей профессии.

Однако в это утро я не стал разыскивать никакие сообщения, которые могли бы навести меня на мысль о новой статье. Придвинув к себе внушительную стопку газет, я стал просматривать последние выпуски «Роки-Маунтин ньюс» и «Денвер пост» – нашего главного конкурента. Газеты обычно не сообщают о самоубийствах, если только им не сопутствовали какие-то особые, волнующие обстоятельства. Смерть Шона не принадлежала к разряду заурядных, поэтому я был почти уверен, что статья есть.

И не ошибся. Правда, «Роки-Маунтин ньюс», щадя мои чувства, не опубликовала даже короткой заметки, зато в «Денвер пост» я обнаружил репортаж на девяносто четыре строки, помещенный в подвале одной из полос, посвященных местным новостям. Номер был датирован утром следующего после гибели Шона дня.

Я прочел:

В четверг вечером сотрудник Управления полиции Денвера, занимавшийся расследованием убийства студентки университета Терезы Лофтон, был найден мертвым на окраине Национального парка Роки-Маунтин. По заявлению властей, причиной смерти стало огнестрельное ранение в голову, которое погибший, несомненно, нанес себе сам.

Детектив Шон Макэвой, 34 года, был обнаружен сидящим в служебной машине без опознавательных знаков, припаркованной на автостоянке на берегу Медвежьего озера, неподалеку от входа в гористую часть Эстес-парка. Примерно в 17 часов парковый сторож услышал звук, напоминающий выстрел, и поспешил на стоянку, чтобы выяснить, в чем дело.

Службы, ответственные за поддержание порядка на территории парка, обратились в Управление полиции Денвера с просьбой расследовать происшествие, и дело было поручено специальному отделу. Детектив Роберт Скалари, возглавивший эту работу, заявил нашему корреспонденту, что по предварительным данным смерть его коллеги представляет собой классическое самоубийство.

Скалари также отметил, что на месте происшествия была обнаружена предсмертная записка, однако заявил, что не имеет права разглашать ее содержание, поскольку формально следствие еще не закончено. По словам детектива, погибший в последнее время находился в подавленном состоянии, вызванном некоторыми трудностями служебного характера, но, что это были за трудности, нашему корреспонденту выяснить не удалось.

Шон Макэвой вырос и жил в Боулдере. Он был женат, но детей не имел. За двенадцать лет, проведенных в местном полицейском управлении, Макэвой сумел дослужиться до должности руководителя подразделения в отделе преступлений против личности, который занимается всеми противозаконными деяниями, связанными с насилием.

В последнее время Шон Макэвой возглавлял следственную группу, непосредственно расследовавшую убийство девятнадцатилетней Терезы Лофтон, которая была задушена неизвестным преступником. Напомним читателям, что ее расчлененный труп был найден в Вашингтон-парке три месяца назад.

Скалари отказался сообщить, упоминалось ли дело Лофтон, которое остается до сих пор нераскрытым, в предсмертной записке Макэвой и не являлось ли оно одной из тех основных «трудностей служебного характера», что спровоцировали гибель молодого детектива.

Кроме всего прочего, Роберт Скалари заявил, что следствию пока не удалось установить, для чего Шон Макэвой отправился в Эстес-парк, перед тем как совершить самоубийство. Дознание продолжается, и мы будем рады познакомить читателей с его результатами.

Я дважды перечитал заметку. В ней не было ничего такого, чего бы я не знал раньше, однако она странным образом навела меня на некую мысль. Мне показалось, что я начинаю понимать, зачем Шон поехал в Эстес-парк и почему остановился именно у Медвежьего озера. Впрочем, обдумывать причины, которые побудили его к этому, мне не хотелось. Стараясь отвлечься, я вырезал статью, вложил ее в картонную папку и засунул в ящик стола.

Компьютер передо мной пискнул, и на экране монитора появилось сообщение. Меня приглашал к себе главный редактор отдела городских новостей. Ну что же, пора вновь включаться в работу.

Кабинет Грега Гленна располагался в глубине редакции. Одна стена кабинета была прозрачной, благодаря чему главный мог окидывать взглядом ряды столов, за которыми трудились его подчиненные – репортеры. Сквозь выходившие на запад окна в другой стене открывался неплохой вид на заснеженные гряды гор, но видеть их можно было только в те дни, когда над городом не висел смог.

Гленн был из числа тех превосходных редакторов, которые в любой статье больше всего ценят ее читабельность. Это его качество мне особенно нравилось. Вообще, в газетном бизнесе встречается два типа редакторов. Одним подавай факты, чем больше, тем лучше, и в результате материал получается настолько перегруженным, что редко кто сподобится дочитать подобный опус до конца. А у других в приоритете – выразительные слова и изящно построенные фразы; они никогда не позволяют фактам влиять на стройность архитектурного творения, именуемого статьей или обзором. Гленн благоволил ко мне именно за умение писать и по большей части позволял мне самому решать, над чем работать. Он никогда не торопил меня и сроду не вызывал к себе по пустякам, и я давно понял, что если Гленн оставит «Роки-Маунтин ньюс» или даже уйдет с повышением в другой отдел, мое положение в редакции немедленно и коренным образом изменится. Как правило, редакторы отделов городских новостей окружали себя теми, с кем им самим было приятно и надежно работать, и, если бы Гленн нас покинул, то я в лучшем случае вернулся бы к скучной поденщине криминальной хроники, где мне пришлось бы трудолюбиво переписывать сообщения пресс-службы полицейского управления, имея дело с «малыми убийствами» и прочей дребеденью.

Пока главный заканчивал телефонный разговор, я удобно устроился на мягком стуле возле его письменного стола. Гленн был лет на пять старше меня, и, когда я только начинал свою карьеру в «Роки-Маунтин ньюс», он уже был маститым журналистом, работавшим с сенсационными и порой взрывоопасными материалами – с такими, с какими я имел дело сейчас. Однако в конце концов Гленн перешел в управленческий аппарат и теперь ежедневно являлся на службу в костюме и при галстук, держал на столе фарфоровую статуэтку футболиста, кивающего головой (разновидность китайского болванчика), тратил большую часть времени на разговоры по телефону и внимательно принохивался к политическим ветрам, которые дули из штаб-квартиры корпорации в Цинциннати. Короче, передо мной сидел женатый сорокалетний мужчина с начинающим вырисовываться брюшком, отягощенный двумя детьми и задолженностью по банковскому кредиту, которую ему очень хотелось ликвидировать, но ни один банк не давал ему ссуду под залог недвижимости в связи с резким падением цен на последнюю. Все это Гленн сам рассказал мне в «Уинкупе», где мы с ним как-то пропустили по кружке пива. Это была единственная наша встреча в неслужебной обстановке за четыре года.

К одной из стен редакторского кабинета были прикреплены первые полосы нашей газеты за последние семь дней. Каждое утро, приходя на работу, Гленн первым делом снимал полосу недельной давности и заменял ее свежей. Таким образом он следил за эффективностью работы отдела новостей, а также за стилем оформления первой страницы. А может быть, не являясь больше репортером и сам не имея возможности написать ни строчки, Гленн таким оригинальным способом напоминал себе, за что же он здесь отвечает.

Главный положил трубку на рычаг и посмотрел на меня.

– Спасибо, что зашел, Джек, – сказал он. – Я собирался еще раз высказать тебе свои соболезнования по поводу смерти брата. Если тебе нужно еще немного времени, чтобы прийти в себя, – не стесняйся. Я что-нибудь придумаю.

– Спасибо, но я бы хотел вернуться к работе.

Гленн кивнул, но не сделал ни малейшей попытки отпустить меня. Я понял, что у него была еще какая-то причина вызвать меня к себе.

– Хорошо, тогда давай займемся делами. У тебя есть что-нибудь на примете в настоящий момент? Насколько я помню, ты как раз находился в поиске темы, когда... когда случилось это несчастье. Мне представляется, что, если уж ты вернулся к работе, тебе следовало бы чем-нибудь занять себя, чтобы, так сказать, снова окунуться в нашу жизнь.

Именно в этот момент я с отчетливой ясностью понял, чего хочу и каков будет мой следующий шаг. На самом деле это желание подсознательно жило во мне все последнее время, однако до тех пор, пока Гленн не задал мне вопрос, никак не могло проложить себе путь на поверхность. Теперь же оно стало очевидным.

– Я хотел бы написать о своем брате.

Я не знаю наверняка, рассчитывал ли Гленн именно на такой ответ. Скорее всего, да. Не сомневаюсь, что он пристально следил за развитием событий с тех самых пор, когда ему доложили, что в вестибюле меня ожидают два копа, готовых сообщить страшное известие. Гленн был достаточно умен и прозорлив, чтобы не заводить разговор о статье на эту тему самому, надеясь, что подобная идея придет в голову и мне тоже. Его же роль сводилась к тому, чтобы в нужный момент задать мне простенький наводящий вопрос.

В общем, я заглотив наживку, после чего все пошло иначе. Если бы кто-нибудь взялся подробно проследить мою жизнь и подвергнуть ее ретроспективному анализу, он бы ясно увидел, как круто все вдруг изменилось в тот самый момент, когда я сказал Гленну, что именно собираюсь делать. Произнося эту короткую фразу, я с профессиональной самонадеянностью полагал, что могу считаться экспертом в вопросах смерти. Я также думал, что мне известно практически все и о том, что такое зло. Но впоследствии оказалось, что ни о том, ни о другом я не знаю почти ничего.

Глава 3

Внимательный взгляд Уильяма Глэддена скользил по счастливым личикам ребятишек, которые проносились мимо него. Карусель напоминала гигантский торговый автомат: не нравится одно, можешь выбрать другое, третье, четвертое.

На этот раз, однако, никто из детей ему не приглянулся. Да и родители к тому же стояли чересчур близко. Ему придется выждать, пока кто-нибудь из них не сделает ошибку и не отойдет к пирсу, чтобы перекусить или купить немного сладкой ваты, оставив без присмотра свое драгоценное дитя.

Карусель на пляже Санта-Моники очень нравилась Глэддену. Но не потому, что она была сделана в добрые старые времена и, если верить табличке при входе, потребовалось целых шесть лет, чтобы вручную раскрасить несущихся галопом коней и наладить механизм. И не потому, что именно ее показывали во множестве фильмов, а фильмов за свою жизнь Глэдден видел немало, особенно в годы, проведенные в Рейфорде. И наконец, дело было вовсе не в том, что, глядя на карусель, он вспоминал, как они со «старшим товарищем»¹ катались на чертовом колесе на ярмарке в Сарасоте. Глэдден любил эту карусель за звонкий смех и то самозабвенное счастье, которое светилось на лицах детей, круг за кругом проносящихся мимо него под рев каллиопы². Со времени своего приезда из Финикса Глэдден приходил сюда каждый день; он знал, что ему придется потратить некоторое время, но однажды ожидание окупится сторицей, и он сумеет выполнить заказ.

Наблюдая за чехардой ярких красок, он мысленно вернулся назад, в прошлое, как это часто случалось с ним после Рейфорда. Глэдден хорошо помнил своего «старшего товарища», помнил пыльный и темный чулан, куда проникала только узкая полоска света. Скорчившись на полу, он лежал в чулане, поближе к воздуху, сочившемуся из-под двери, и видел, как ноги в больших башмаках направляются прямо к нему. Шаг за шагом, все ближе и ближе. Боже, как ему тогда хотелось быть взрослее и выше, чтобы дотянуться до верхней полки. Если бы только он мог это сделать, то сумел бы устроить своему «старшему товарищу» сюрприз.

Глэдден вернулся в настоящее и огляделся по сторонам. Карусель перестала вращаться, и последние из детей возвращались в объятия родителей, что стояли за калиткой. С противоположной стороны у входа в нетерпении переминалась с ноги на ногу небольшая группа ребятишек, которые ожидали своей очереди броситься вперед и выбрать деревянного скакуна. Глэдден поискал глазами темноволосую шестилетнюю девчушку с гладкой смуглой кожей, но не смог ее найти. Зато он увидел, как внимательно смотрит на него молодая женщина, принимавшая из потных детских ладошек скомканные билетки. Их взгляды встретились, и Глэдден отвернулся, сделав вид, что поправляет ремень спортивной сумки. Тяжесть фотоаппарата и нескольких книг на самом деле чувствительно оттягивала ему плечо, и Глэдден мысленно сделал заметку на память: в следующий раз книги надо будет оставить в машине. Потом он в последний раз бросил взгляд на набирающую обороты карусель и направился к решетчатым воротам, ведущим на мол.

У самого выхода он обернулся. Детишки, восседавшие верхом на деревянных лошадках, радостно вопили. Некоторые из них были с отцом или с матерью, но большинство – без взрослых. Молодая женщина, проверявшая билеты, уже забыла про него. Глэдден почувствовал себя в безопасности.

¹ «Старшие товарищи» – социальная программа по работе с неблагополучными подростками в США, когда к одному или группе несовершеннолетних прикрепляется старший наставник или куратор. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Каллиона – клавишный музыкальный инструмент; паровой орган, использующий локомотивные или пароходные гудки.

Глава 4

Когда я вошел в редакционную библиотеку, Лори Прайн оторвалась от своего компьютера и улыбнулась. Я был рад, что застал Лори на месте, и, ответив улыбкой, обошел вокруг ее рабочего места и уселся рядом на стул, отодвинув его от свободного стола. Все это я проделывал не спеша, стараясь вести себя, как и принято в библиотеке, хотя для сотрудников нашей газеты подобное поведение отнюдь не типично.

– О, только не это! – в притворном испуге воскликнула Лори. – Если ты берешь стул и садишься, значит твое дело займет уйму времени.

Она намекала на те широкомасштабные поиски, которые я предпринимал всякий раз, когда принимался за очередную статью. Все случаи, о которых мне приходилось писать, так или иначе упоминались на страницах самых разных газет и специальных изданий, а мне всегда важно было знать, что еще и где именно написано об интересующем меня предмете.

– Прости, – сказал я, притворяясь удрученным. – Эта работенка может стоить тебе нескольких часов общения с «Лексом» и «Нексом».

– Это если я за нее возьмусь. Ну ладно, чего тебе надо?

Лори считалась привлекательной девушкой, но ее красота была неброской, приглушенной. Черные волосы, длинные и блестящие, были неизменно заплетены в косу, а темно-карие глаза прятались за стеклами очков в тонкой металлической оправе, и я ни разу не видел помады на ее полных красивых губах. Сейчас с этих губ сорвался легкий вздох; Лори придвинула к себе стопку желтых формуляров, поправила на носу очки и взяла карандаш на изготовку, готовясь записать, что именно меня интересует.

«Лексисом» и «Нексисом» назывались компьютерные базы данных, в которых хранились все печатные издания страны – и крупные, и не очень, все копии судебных решений и тому подобная уже сослужившая свою службу шелуха, которая скапливается на обочинах скоростной магистрали газетного бизнеса. Если вам, к примеру, хотелось выяснить, что было написано на определенную тему или же о некоем конкретном случае, то ваши поиски начинались с сети «Лексис-Нексис» и, как правило, ею же и заканчивались.

– Самоубийства полицейских, – сказал я. – Мне нужно, чтобы ты нашла об этом все, что возможно.

Лицо Лори чуть заметно дрогнуло, и я тут же понял, в чем дело. Скорее всего, она заподозрила, что эти сведения нужны мне для себя, а вовсе не для работы. Компьютерное время стоило довольно дорого, и администрация газеты строго следила за тем, чтобы сотрудники пользовались казенными машинами на благо и во имя.

– Можешь не беспокоиться, я на задании. Гленн только что одобрил тему.

Лори кивнула, но я не знал, поверила она мне или нет. Скорее всего, решил я, она спросит у главного, правду ли я говорю.

Глаза девушки тем временем вернулись к желтому бланку.

– Мне, в частности, хотелось бы знать, – продолжил я, – существует ли какая-то государственная статистика по этому вопросу: например, выкладки, в которых количество самоубийств среди копов сравнивается с количеством самоубийств среди представителей других профессий и всего населения в целом. Меня также интересуют любые упоминания о какой-нибудь правительственной комиссии или агентстве, которые бы занимались исследованием этой проблемы. Гм... что еще? Ну и какие-нибудь любопытные случаи.

– В смысле?

– Ну, ищи все статьи, касающиеся самоубийств среди копов, какие только попадали в печать. Скажем, за пять прошедших лет. Мне нужны примеры.

– Такие, как смерть твоего... – И она замолчала, не договорив.

– Да, как смерть моего брата.

– Очень жаль.

Лори ничего больше не прибавила. Я позволил неловкой тишине продлиться еще несколько мгновений, а затем поинтересовался, сколько времени может занять компьютерный поиск: мои заказы часто шли не в первую очередь, так как я не принадлежал к хроникерам, делающим срочные материалы.

– Ну что я могу сказать... Поиск предстоит довольно долгий: мы ведь не ищем ничего конкретного. Но я постараюсь не затягивать. У меня будет сегодня немного свободного времени. В общем, Джек, загляни ближе к вечеру.

– Это мне подходит.

Я поглядел на висящие над дверью часы. Половина двенадцатого: как раз пора позвонить своему источнику в полицейском управлении.

– Эй, капитан, ты будешь на месте?

– Когда?

– В обеденный перерыв. Мне тут кое-что понадобилось, и я хотел бы зайти.

– Ну вот, а я только собрался сходить на ланч. Ладно, буду ждать. А ты давно вернулся?

– Сегодня. Надо поговорить.

Я повесил трубку, надел плащ и быстро выскользнул из редакции. До здания Управления полиции Денвера было всего два квартала, и этот путь я проделал пешком. На входе я взмахнул своим пропуском для прессы, однако дежурный коп за ограждением даже не посмотрел в мою сторону, не в силах оторваться от свежего номера «Пост». Тогда я поднялся в спецотдел на четвертый этаж.

– У меня есть один вопрос, – сказал детектив Роберт Скалари, выслушав, что мне от него нужно. – Ты здесь как брат погибшего или как репортер?

– И то и другое.

– Присядь-ка. – Скалари наклонил голову, должно быть, для того, чтобы я полюбовался, с каким искусством и сноровкой он завил и напоядил свои редкие волосы в надежде прикрыть зарождающуюся лысину. – Видишь ли, Джек, все не так-то просто.

– И в чем же загвоздка?

– Если бы ты пришел сюда как брат, который хочет знать, что случилось, то я, наверное, рассказал бы тебе все, что мне известно. Но в данном случае, зная, что все сказанное мною может оказаться в «Роки-Маунтин ньюс», лучше, пожалуй, воздержусь. Я слишком уважал твоего брата и никогда не пойду на то, чтобы... таким образом увеличивать газетные тиражи. Я считаю это недопустимым, даже если ты сам и придержишься другого мнения.

Мы были вдвоем в маленьком кабинете, куда каким-то чудом втиснулись четыре рабочих стола. Заявление Скалари не на шутку разозлило меня, но я сдержался. Вместо того чтобы ответить резкостью, я только наклонил голову – наверное, для того, чтобы он получше рассмотрел здоровые и густые волосы у меня на макушке.

– Позвольте спросить, детектив Скалари... Моего брата убили?

– Нет.

– Значит, это суицид?

– Совершенно верно.

– И дело закрыто?

– Снова в точку.

Я откинулся на спинку стула.

– Вот именно это меня и напрягает.

– Что именно?

– Да то, что ты сам себе противоречишь! Ты утверждаешь, что дело закрыто, но мне по-прежнему нельзя его посмотреть. Если оно закрыто, то как брат я имею право на него взгля-

нуть. И если оно действительно закрыто, то как репортер я опять-таки не смогу ничем навредить следствию, если увижу записи.

Несколько мгновений детектив переваривал услышанное.

– Итак, – продолжил я, выждав некоторое время, чтобы до него дошли мои аргументы, – если следовать твоей же логике, то нет никаких причин прятать от меня дело.

Скалари в упор смотрел на меня. Теперь я ясно видел, как его щеки розовеют от гнева.

– Послушай, Джек, в этом деле есть некоторые подробности, которые лучше вообще не знать, не говоря уже о том, чтобы их публиковать.

– Полагаю, мне об этом судить. Шон как-никак был моим братом. Причем не просто братом, а близнецом. Я не сделаю ничего такого, что могло бы ему повредить, просто я пытаюсь выяснить кое-что для себя. А если впоследствии и напишу об этом, то только для того, чтобы похоронить таким образом свои последние сомнения. Ну?

Довольно продолжительное время мы сидели, молча уставившись друг на друга. Отвечать должен был Скалари, и в конце концов я все же вынудил его первым нарушить молчание.

– Ничем не могу помочь, – выдал из себя детектив. – Даже если бы хотел. Дело закрыто, документы отправлены на микрофильмирование. Если очень хочешь увидеть их – ступай поговори с ребятами из лаборатории.

Я поднялся:

– Спасибо, что сэкономили мне время и сообщили об этом в самом начале нашей содержательной беседы.

И, не проронив больше ни слова, я вышел из кабинета. Неудача не обескуражила меня; с самого начала я знал, что Скалари попытается меня отфутболить, и пошел к нему лишь затем, чтобы, во-первых, все же испробовать официальный путь, а во-вторых, попытаться разузнать, в чьих руках находится дело.

Спустившись по лестнице, которой обычно пользовались только полицейские, я прошел в приемную заместителя начальника управления по административной части. Часы показывали уже четверть первого, поэтому столик секретаря был пуст. Миновав его, я постучал в дверь кабинета и услышал изнутри голос, приглашавший меня войти.

Капитан Форрест Гролон сидел за своим столом. Он обладал таким могучим телосложением, что по сравнению с ним казенная мебель стандартного размера производила впечатление игрушечной. Капитан был чернокожим – кожа у него была действительно черной, а не какой-нибудь там шоколадной – и имел привычку брить голову наголо. Приветствуя меня, он поднялся из-за стола, протягивая для рукопожатия свою широченную ладонь, и я сразу вспомнил, что рост его превышает шесть с половиной футов. Что касается массы этого огромного тела, то я вполне мог представить, как диск напольных весов зашкаливает за три сотни фунтов, если, конечно, они вообще выдержат его.

Пожав протянутую руку, я улыбнулся. Форрест Гролон стал моим источником информации еще в те времена, когда я вел в газете полицейскую хронику, а он служил патрульным. С тех пор мы оба сумели подняться по служебной лестнице довольно высоко.

– Как дела, Джек? Говоришь, недавно вернулся?

– Да, небольшой отпуск. Сейчас уже все в порядке.

Гролон ни словом не упомянул про моего брата, но он был одним из немногих, кто пришел на похороны, а это само по себе говорило о многом. Выпустив мою руку, он сел в кресло, а я оседлал один из стульев, стоявших перед его столом.

Обязанности заместителя начальника управления по административной работе не имели почти ничего общего с тем, чем занимались полицейские. На широких плечах Гролона лежали теперь проблемы рутинного свойства, например формирование годового бюджета, наем на службу, профессиональная, в том числе стрелковая, подготовка. Несмотря на то что подобная деятельность не была непосредственно связана с оперативной работой, Форрест Гролон наде-

ялся когда-нибудь стать начальником полиции Денвера; пока же он занимался тем, что накапливал самый разнообразный опыт, дабы в нужный момент выглядеть наиболее подходящим кандидатом на освободившуюся вакансию. Этот же план предусматривал и тесные контакты с городскими средствами массовой информации. Гролон рассчитывал на меня и не сомневался, что, когда пробьет его час, «Роки-Маунтин ньюс» осветит его персону с самой выгодной стороны. Так оно и будет, я уж точно не подведу Форреста. Впрочем, и на него самого тоже всегда можно положиться.

– Итак, ради чего я пропускаю свой обед? – проворчал он, поглядывая на часы.

Все это было частью представления, которое мы оба по традиции разыгрывали. Я прекрасно знал, что Гролон предпочитает встречаться со мной именно во время перерыва, в отсутствие помощника, благодаря чему посторонние видели нас вместе исключительно редко.

– Не переживай, голодным ты не останешься. Просто сегодня отправишься на ланч чуть позже обычного. Я хотел бы увидеть дело своего брата. Скалари сказал, что уже отправил документы на микрофильмирование, и я подумал, что ты мог бы взять их на время и дать мне. Я только взгляну, очень-очень быстро.

– Зачем это тебе, Джек? Стоит ли будить спящую собаку?

– Мне нужно посмотреть, капитан. Я ничего не собираюсь оттуда цитировать, просто я должен взглянуть на дело. Если ты достанешь его сейчас, я закончу все еще до того, как техники из лаборатории вернутся с обеда. Никто ничего не узнает, все останется между нами. А уж я не забуду твоей любезности.

Десятью минутами позже Гролон вручил мне папку с материалами следствия. Она оказалась намного тоньше, чем я ожидал. Не знаю почему, но мне казалось, что дело Шона должно было быть толще, тяжелее, внушительнее, словно между размером досье и значимостью той или иной смерти могла существовать прямая зависимость.

Раскрыв папку, я сразу наткнулся на плотный конверт с надписью «ФОТОСЪЕМКА». Не заглядывая внутрь, я отложил его на угол стола. Под конвертом в папке обнаружились акт о вскрытии и несколько скрепленных вместе стандартных протоколов.

Раньше мне приходилось изучать заключения об аутопсии достаточно часто; поэтому я не стал задерживаться на страницах, где подробно живописалось состояние различных внутренних органов, и сразу открыл заключение экспертизы. Но и там меня не ждал никакой сюрприз. Причиной смерти был назван выстрел в голову с близкого расстояния; чуть ниже, обведенное в кружок, стояло слово – «суицид». Исследование крови на предмет наличия самых распространенных наркотиков не обнаружило ничего, кроме следов декстрометорфана гидробромида. Чуть ниже также имелось примечание лаборанта: «средство от кашля, обнаружено в бардачке автомобиля». Все вместе это означало, что, если не считать одного-двух глотков микстуры из бутылочки, мой брат был трезв как стеклышко, когда ему вздумалось засунуть себе в рот ствол револьвера.

К заключению медэксперта прилагался дополнительный рапорт, касающийся следов пороха. Там говорилось, что во время исследования кожаных перчаток пострадавшего методом нейтронной активации материала на правой перчатке были обнаружены частицы не до конца сгоревшего пороха, указывающие на то, что стрелявший пользовался правой рукой. Аналогичные следы пороха и ожоги были обнаружены в носоглотке погибшего. Вывод напрашивался сам собой: во время выстрела ствол оружия находился у самоубийцы во рту.

Следующей в папке лежала подробная опись улик, но и здесь я не нашел ничего необычного. Что действительно привлекло мое внимание, так это показания очевидца, некоего Стивена Пенны, работавшего лесником на подстанции паркового хозяйства возле Медвежьего озера и выполнявшего по совместительству обязанности сторожа, так как второй человек на подстанции не был предусмотрен штатным расписанием.

Свидетель заявил, что во время происшествия находился в помещении подстанции, откуда автомобильная стоянка не просматривается. Примерно в 16:58 он услышал приглушенный хлопок, который, исходя из своего опыта, идентифицировал как звук выстрела. По словам свидетеля, он сразу определил, что стреляли с автомобильной стоянки, и немедленно отправился туда, решив, что имеет дело со случаем браконьерства. В это время на стоянке находился только один автомобиль, сквозь запотевшие стекла которого сторож увидел пострадавшего: тот сидел, откинувшись на спинку водительского сиденья. Подбежав к машине, Пенна попытался открыть дверцу, но не смог этого сделать. Внимательно взглядевшись сквозь запотевшие стекла, свидетель определил, что пострадавший, скорее всего, мертв, так как рана на затылке выглядела довольно большой. После этого Пенна вернулся на подстанцию и незамедлительно известил по телефону власти и свое непосредственное руководство, а затем вернулся к машине и стал ждать прибытия полиции.

Свидетель утверждает, что автомобиль пострадавшего попал в его поле зрения не позднее чем через 5 секунд после того, как он услышал выстрел. Машина была припаркована примерно в 50 ярдах от ближайших деревьев и построек, на основании чего можно заключить: за указанное время никто не смог бы покинуть автомобиль пострадавшего и добраться до укрытия, не будучи замеченным сторожем.

Ознакомившись с показаниями Пенны, я бегло проглядел остальные документы. Среди них мне попался рапорт, в котором в деталях описывался последний день жизни моего брата. На работу Шон прибыл в 7:30 утра, пообедал с Векслером в полдень, а в 14:00 записал в журнале регистрации, что отправляется в гостиницу «Стэнли». С кем у него назначена встреча, он не сказал – ни Векслеру, ни кому-либо еще.

Попытки следствия выяснить, побывал ли Шон в «Стэнли», никаких результатов не дали. Опросили всех официантов из ресторана при гостинице, но никто из них не припомнил моего брата.

Был в досье и еще один листок, где вкратце подводились итоги беседы Скалари с психоаналитиком Шона. Каким-то образом, возможно через Рили, Скалари дознался, что Шон посещает доктора Колина Доршнера, ведущего денверского специалиста в этой области. Если верить рапорту Скалари, врач сообщил ему, что Шон страдал сильной депрессией, вызванной постоянными стрессами, связанными с его профессиональной деятельностью, в частности с неудачными попытками довести до конца дело Терезы Лофтон. Единственное, чего я не обнаружил в рапорте, так это интересовался ли Скалари у доктора, проявлял или нет Шон склонность к суициду. Лично я сомневаюсь, что такой вопрос вообще был задан.

Ну и, наконец, я обнаружил в папке заключение следователя. Последний абзац содержал краткий перечень установленных фактов и окончательные выводы, сделанные Скалари.

Основываясь на имеющихся уликах и свидетельских показаниях, подкрепленных данными экспертизы, следствие установило, что смерть детектива Шона Макэвой наступила в результате огнестрельной раны в голову, которую пострадавший нанес самому себе после того, как написал на запотевшем ветровом стекле прощальную записку. По свидетельству вдовы, коллег пострадавшего (включая дознавателя) и лечащего врача-психоаналитика Колина Доршнера, детектив Шон Макэвой находился в эмоционально подавленном состоянии, вызванном его неудачными попытками найти и арестовать злоумышленника, виновного в убийстве Терезы Лофтон, совершенном 19 декабря прошлого года (дело № 832). Очевидно, именно это и стало одной из побудительных причин самоубийства. Доктор Арманд Григгс, штатный психолог-консультант Управления полиции Денвера, с которым дознаватель также беседовал по указанному поводу 22 февраля сего года, сообщил, что фраза «Вне границ и вне времен», написанная пострадавшим на запотевшем ветровом стекле служеб-

ной машины, может быть расценена как прощальная записка самоубийцы, а ее содержание нисколько не противоречит психическому состоянию, в котором в последнее время пребывал детектив Макэвой.

Таким образом, никаких обстоятельств или улик, которые противоречили бы выводам следствия о суициде, нами не выявлено.

Дело закончено 24.02,

Дознаватель Р. Дж. Скалари.

Складывая документы обратно в папку, я вспомнил, что до сих пор так еще и не ознакомился с фотографиями.

Гролон тактично оставил меня одного, а сам спустился в кафетерий, чтобы выпить чашечку кофе с парой бутербродов. Минут пять я просто рассматривал конверт, не притрагиваясь к нему, зная, что стоит мне увидеть снимки, и запечатленное на них лицо станет моим последним воспоминанием о брате. А этого мне, признаться, хотелось меньше всего. С другой стороны, умом я понимал: посмотреть фотографии необходимо, чтобы рассеять последние сомнения и знать все наверняка.

Наконец я решился и быстрым движением – чтобы не передумать – вскрыл конверт. Из всех снимков – цветных, размером 8 × 10 – первым мне попался общий план места происшествия. Служебная машина брата, белый «шевроле», одиноко приткнулась в самом углу стоянки. Будка сторожа стояла за ней на невысоком пригорке. Площадка для автомобилей была недавно расчищена и, по-видимому, посыпана солью; со всех сторон ее ограничивали аккуратные снежные брустверы фута в четыре высоты.

Второй снимок был сделан с близкого расстояния, и я смог подробнее рассмотреть ветровое стекло. Последнюю записку Шона едва можно было разобрать, так как капли конденсата уже начали скатываться по стеклу вниз, но она все еще была там, а сквозь стекло я увидел и его самого. Голову Шона отбросило выстрелом назад, но рот был закрыт.

Перейдя к следующему фото, я словно бы очутился вместе с братом в машине. Снимали с переднего пассажирского сиденья, так что я видел все тело целиком. Кровь из раны в затылке, словно ожерелье, застыла на шее и протекла на воротник свитера. Теплая меховая куртка была распахнута. Мелкие капли крови, подобно оспинам, испещрили крышу салона и заднее боковое стекло. Револьвер валялся на сиденье рядом с бедром Шона.

Остальные фотографии были в основном сделаны с близкого расстояния, но под разными углами. Как ни странно, они не произвели на меня столь сильного впечатления, как я опасался вначале. Должно быть, стерильно-яркий свет лампы-вспышки лишил моего брата знакомых и близких черт. Обезличенное тело больше всего походило на манекен, а не на человека, которого я знал.

Как бы то ни было, я не обнаружил в деле ничего особенного, и теперь мне оставалось лишь признать тот страшный факт, что Шон сам лишил себя жизни. Явившись сюда, я лелеял тайную надежду отыскать что-нибудь необычное, что могло бы послужить зацепкой. Теперь, увы, эта надежда исчезла.

Вернулся хозяин кабинета. Когда я встал и положил дело на стол к Гролону, он глянул на меня с любопытством. Открыл коричневый бумажный пакет, достал завернутый в салфетку сэндвич с яичным салатом. И поинтересовался:

- С тобой все в порядке?
- Да.
- Хочешь, поделюсь с тобой сэндвичем?
- Нет.
- Что ты сейчас чувствуешь?

Услышав эти слова, я невольно улыбнулся: сколько раз за свою журналистскую карьеру я сам произносил подобную фразу. Должно быть, моя улыбка озадачила Гролона, и он нахмурился.

– Видишь это? – Я указал на шрам, пересекающий мою щеку. – Его я заработал, когда задал именно такой вопрос.

– Извини. Мне правда очень жаль...

– Ничего. Все нормально.

Глава 5

После того как я ознакомился с делом Шона, мне захотелось узнать подробности следствия по факту гибели Терезы Лофтон. Коль скоро я собирался писать о том, как и почему мой брат решился на такой поступок, то должен был знать все, что знал он. Я должен был понять, к чему в конце концов пришел Шон. Между тем находящиеся в производстве дела об убийствах хранились под замком, и Гролон, обратись я с этим к нему, скорее всего, решил бы, что, добывая для меня досье Лофтон, он рискует большим, чем сможет приобрести.

Проверив на всякий случай рабочую комнату отдела ППЛ и убедившись, что по случаю обеда она пуста, я первым делом отправился в закусочную Пакерда в надежде найти там Векслера. Закусочная эта была излюбленным заведением денверских копов, которые регулярно собирались здесь, чтобы перекусить и пропустить глоток-другой. Как я и рассчитывал, Векслер оказался на месте: я увидел его в одной из кабинок в самой глубине. Главная проблема, однако, заключалась в том, что он был не один – напротив него за столом сидел Сент-Луис. Меня они не заметили, и некоторое время я раздумывал, не стоит ли мне потихоньку убраться отсюда и подловить Векслера попозже, когда представится возможность побеседовать с глазу на глаз. Пока я колебался, Векслер поднял голову, обвел зал взглядом и заметил меня. Я решил подойти. Судя по пустым тарелкам, на которых засыхали мазки кетчупа, копы только что кончили обедать. На столе перед Векслером стоял бокал с чем-то напоминающим «Джим Бим» со льдом.

– О, какие люди! – добродушно приветствовал меня Векслер, и я втиснулся в кабинку рядом с Сент-Луисом. Я специально пристроился напротив Векслера: мне хотелось видеть его лицо.

– В чем дело? – Сент-Луис явно не слишком мне обрадовался.

– Пресса, – отрезал я. – Как дела, парни?

– Не отвечай ему, – быстро сказал Сент-Луис Векслеру. – Он опять хочет выведать нечто такое, чего не может узнать законным путем.

– Безусловно, – заметил я. – Какие новости?

– Ничего нового, Джек, – откликнулся Векслер. – Кстати, Большой Пес верно говорит? Тебе и в самом деле нужно нечто такое, чего ты не можешь достать без нашей помощи?

Это все были па хорошо известного мне танца. Дружеская пикировка, предназначенная для того, чтобы с помощью хитрости и легких намеков добраться до сути интересующей тебя проблемы, не задав ни одного прямого вопроса и не получив ни одного прямого ответа. Векслер употребил прозвище своего напарника, а это лишний раз свидетельствовало, что игра началась. Я исполнял эти танцы уже не раз и не два и достиг высокого уровня совершенства, когда любое движение отточено и рассчитано заранее. Все вместе здорово смахивало на распасовку между тремя баскетболистами во время тренировки: не отрывай глаз от мяча и следи за двумя другими игроками одновременно. Лично я всегда был искусным пасующим, в то время как Шон воплощал силу и напор. Я был прирожденным баскетболистом, а Шон вечно лез напролом, как нападающий в регби.

– Не совсем так, парни, – ответил я. – Большой Пес прав в одном: я снова при исполнении.

– Вот это да! – насмешливо протянул Сент-Луис. – Нам встать по стойке смирно?

– Так что там с делом Терезы Лофтон? – спросил я у Векслера, не обращая на него внимания.

– Скажи-ка, Джек, ты спрашиваешь об этом как репортер? – уточнил Векслер.

– Я ничего не спрашиваю, а просто дружески беседую с вами. Что касается твоего вопроса, то да – как репортер.

– Тогда без комментариев.

– Я так понимаю, что дело застопорилось?

– Я же сказал: без комментариев.

– Послушай, Векс, мне бы только взглянуть разок, что вы там накопили. Этому делу уже почти три месяца. Вскоре оно попадет в шкаф с висяками, если уже не попало, и ты понимаешь это гораздо лучше меня. Я хочу просто взглянуть на материалы дела. Мне важно знать, что в нем могло быть такого, что ранило Шона настолько глубоко.

– Ты кое о чем забываешь, Джек. Твой брат покончил с собой, дело закрыто. Что бы ни задело его в случае с Терезой Лофтон, это больше не имеет значения. К тому же остается недоказанным, что дело Лофтон вообще имело какое-то отношение к... поступку твоего брата. По мне, так оно могло послужить лишь второстепенной причиной или, если хочешь, стать последней каплей. Но наверняка мы этого никогда не узнаем.

– Вот что, не вешай мне лапшу на уши. Я только что читал дело Шона. – Тут мне показалось, что брови Векслера чуть-чуть приподнялись. – У Шона ничего не вышло с поимкой убийцы, он сел в калошу, хотя посвящал этому расследованию все свое время. Он даже посещал мозгоправа – настолько это его уязвило! Так что не говори мне, что мы никогда не узнаем правду.

– Послушай, сынок...

– Ты когда-нибудь называл так Шона?

– Как?

– Сынком. Ты называл когда-нибудь Шона сынком?

Векслер, похоже, смутился:

– Нет.

– Вот и меня тоже так не называй.

Он поднял руки: при желании этот жест можно было истолковать как знак согласия.

– Почему, интересно, я не могу посмотреть дело Лофтон? Ты же все равно не сумеешь довести его до победного конца.

– Кто это сказал?

– Я говорю. Ты боишься этого расследования, приятель: ты видел, до чего оно довело Шона, и не хочешь, чтобы то же самое случилось с тобой. Поэтому папка с документами наверняка валяется в каком-нибудь глухом ящике и даже успела покрыться пылью – готов поспорить на что угодно.

– Эй, Джек, да ты, оказывается, набит дерьмом под самую завязку. Если бы ты не был братом своего брата, я бы уже давно вышвырнул тебя отсюда, да еще наподдал сзади для скорости. Ты действуешь мне на нервы, а я этого не люблю.

– Вот как? Тогда попытайся представить, что чувствую я. Ты совершенно прав, приятель, я – брат своего брата, и мне сдается, что вся эта петрушка касается меня гораздо больше, чем кого бы то ни было.

Сент-Луис издал самодовольный смешок, явно намереваясь меня унизить.

– Эй, Большой Пес, как насчет того, чтобы выйти наружу и поднять ногу на пожарный гидрант или на какой-нибудь столбик? – осведомился я.

Векслер едва не рассмеялся, сдержавшись лишь в последний момент. Лицо Сент-Луиса побагровело.

– Ну ты и дешевка, – сказал он. – Да я тебя...

– Ну хорошо, побузили, и будет! – вмешался Векслер. – Успокойтесь, парни. Кстати, Рэй, может быть, тебе действительно пора пойти покурить? Я только поговорю с Джеком, вправлю ему мозги и догоню тебя.

Я выбрался из тесной кабинки, давая Сент-Луису возможность удалиться. На прощание он наградил меня мрачным взглядом, свидетельствующим о том, что я нажил себе смертельного врага. Я промолчал и вернулся за столик.

– Допивай, Векс. Нечего притворяться, будто перед тобой вовсе не «Джим Бим».
Векслер хмыкнул и отпил большой глоток.

– Ты знаешь, близнецы вы или нет, но в тебе и впрямь очень много от брата. Ты не сдаешься просто так и умеешь вести свои дела довольно хитрым образом. Если сбреешь бороду да подрежешь волосы – а то ты с этой прической смахиваешь на хиппи, – то с расстояния двух шагов запросто сойдешь за Шона. Вот только со шрамом придется что-то сделать.

– Так как насчет досье?

– В смысле?

– Показать его мне – твой долг перед Шоном.

– Не понимаю.

– Все ты понимаешь. Я не смогу забыть о смерти брата до тех пор, пока не увижу материалов дела. Я просто пытаюсь разобраться, что же все-таки такое случилось с Шоном.

– И заодно пытаешься написать об этом.

– Да пойми же ты наконец, что я репортер! Если я смогу написать об этом, значит я смогу это понять. И навсегда похоронить свои сомнения. Это, собственно, все, чего я добиваюсь. Не больше, но и не меньше.

Векслер отвернулся и взял в руки счет, который официантка положила на стол. Потом он одним глотком допил все, что оставалось в бокале, и встал. Глядя на меня сверху вниз, он тяжело вздохнул, и я почувствовал исходящий от него густой запах бурбона.

– Идем в контору, – сказал Векс. – Я дам тебе на все про все ровно час. – С этими словами он поднял вверх указательный палец и повторил, должно быть, на случай, если я плохо его понял: – Один час, не больше.

В рабочей комнате отдела по борьбе с преступлениями против личности я сел за стол, которым пользовался мой брат. Его еще никто не успел занять. Возможно, отныне это место будет считаться несчастливым. Векслер задержался возле стены, вдоль которой выстроились железные шкафы с делами, и теперь рылся в одном из них. Сержанта Сент-Луиса нигде не было видно; судя по всему, он предпочел не иметь к происходящему никакого отношения.

В конце концов Векслер отошел от шкафа, держа в руках две толстые папки. Их он и положил передо мной.

– Это все?

– Все. У тебя час, время пошло.

– Но послушай, это же стопка бумаг чуть не в пять дюймов толщиной! – Я попробовал поторговаться. – Может, я возьму это домой и верну в целости и сохранности через...

– Будешь работать тут, Макэвой. Положи перед собой часы, потому что ровно через шестьдесят минут эти папки отправятся обратно в сейф. Постарайся уложиться в пятьдесят девять. Не теряй времени.

Я решил прекратить бесполезные попытки и открыл первую папку.

Тереза Лофтон, очаровательная юная девушка, была студенткой педагогического факультета. Она поступила в Денверский университет, чтобы получить диплом о высшем образовании и стать учительницей начальных классов. Впрочем, это должно было произойти еще не скоро; пока же Тереза училась на первом курсе, жила в кампусе и подрабатывала воспитательницей в детском саду при семейном общежитии.

По версии следствия, Лофтон похитили на территории самого кампуса или где-то неподалеку от него в среду – в последний учебный день перед рождественскими каникулами. Большинство студентов к этому времени уже разъехались, но Тереза все еще оставалась в Денвере, и тому было две веские причины. Во-первых, ее задерживали служебные обязанности, так как, несмотря на праздники, детский сад работал до конца недели. Во-вторых, девушка дожидалась,

пока на ее старенький «фольксваген-жук» поставят новое сцепление и она сможет отправиться домой.

Об исчезновении Терезы никто не сообщил, так как все ее соседки по комнате и товарищи по учебе уже уехали домой. Никто не знал, что она пропала. Даже когда девушка не вышла на работу в детский сад утром в четверг, заведующий решил, что она просто уехала к себе в Монтану, не доработав неделю до конца, так как после рождественских каникул собиралась уволиться. В конце концов, студенты не раз выкидывали подобные номера, особенно когда экзамены за семестр были позади, а соблазнительный отдых вот-вот должен был начаться. Как бы то ни было, заведующий не стал бить тревогу и обращаться в полицию.

Тело было обнаружено в пятницу утром в Вашингтон-парке. Следствие сумело установить цепочку событий только до полудня среды, когда Тереза позвонила из садика автомеханику в мастерскую – тот показал, что слышал в трубке детские голоса, – и узнала, что ее машина готова. Тереза предупредила, что заберет «фольксваген» сегодня после работы, но сначала заедет в банк. Ни того ни другого она так и не сделала. В среду около полудня девушка попрощалась с заведующим детским садом и ушла. После этого никто больше не видел ее живой. За исключением убийцы, разумеется.

Мне достаточно было одного взгляда на фотографии, чтобы понять, почему погибшая так запала в сердце Шону и почему он отдавал расследованию ее убийства всю свою душу. В дело попали не только посмертные, но и прижизненные снимки. Среди них я обнаружил фото-портрет Терезы, сделанный, должно быть, перед самым выпуском из школы. Со снимка на меня глядела юная привлекательная девушка, у которой вся жизнь была впереди. Темные выющиеся волосы и яркие синие глаза, в каждом из которых блистала искорка – отражение света фотографической лампы. Имелся в деле также и любительский моментальный снимок, на котором Тереза представала в полный рост, в шортах и топики. Улыбаясь, она вытаскивала из какой-то машины большую картонную коробку. Эластичные молодые мускулы на тонких загорелых руках были напряжены, так что казалось, будто ей неудобно или тяжело стоять перед фотоаппаратом с увесистым ящиком в руках. На обороте снимка я прочел несколько слов, написанных довольно небрежным почерком, как я предположил – рукой кого-то из родителей: «Терри в университете! День первый. Денвер, Колорадо».

Все остальные снимки были сделаны уже после смерти. Их было так много, что я удивился: ну зачем копам столько фотографий? Каждая выглядела в моих глазах чем-то сродни бесцеремонному и страшному вторжению в чужую тайну, хотя девушка, конечно, была уже мертва и не могла пострадать от этого еще больше. На полицейских снимках глаза Терезы Лофтон утратили живой блеск, и хотя они оставались открытыми, их радужная оболочка, подернутая молочно-белой пеленой, казалась какой-то мутной и тусклой.

На общих планах я увидел тело жертвы, лежавшее на пологом заснеженном склоне среди низких кустов, которые неряшливыми пучками торчали из-под снега. Газетные статьи не соврали – труп был разрезан поперек. Затянутый вокруг шеи узкий шарф и неестественно большие, выпученные глаза ясно указывали, какой страшной смертью бедняжка умерла. На этом, однако, убийца не успокоился – он рассек труп пополам почти на уровне диафрагмы, после чего водрузил нижнюю часть тела на верхнюю в таком положении, что у всякого, кто видел эту жуткую картину, создавалось впечатление, будто убитая совершает сама с собой половой акт в извращенной форме.

Неожиданно я почувствовал на себе взгляд Векслера, который сидел за соседним столом, наблюдая за моей реакцией, пока я просматривал эти тошнотворные снимки. Я по мере сил постарался скрыть свое отвращение. Или, если угодно, триумф. Теперь я точно знал, почему Шон не хотел говорить со мной на эту тему, от чего он старался меня уберечь. Никогда в жизни я не видел ничего страшнее.

В конце концов я поднял взгляд на Векслера:

– Господи Иисусе!..

– Вот именно.

– Помнится, в газетах писали, что этот случай напоминает дело Черной Делии, которое некогда расследовали в Лос-Анджелесе. Это действительно так?

– Да. Я знаю, что Шон даже купил книгу, посвященную тому старому делу, и звонил в Управление полиции Лос-Анджелеса кому-то из тамошних ветеранов. Кое-какое сходство действительно есть. В обоих случаях поработал настоящий мясник, однако убийство Черной Делии произошло пятьдесят лет назад.

– Возможно, оно вдохновило кого-то из подражателей.

– Возможно. Твой брат думал об этом.

Я спрятал фото в конверт и посмотрел на Векслера.

– Тереза была лесбиянкой?

– Нет. Во всяком случае, насколько нам известно. В Бьютте у нее остался дружок. Вроде бы неплохой парень. Мы тщательно его проверили, но он чист. Кстати, Мак некоторое время разрабатывал эту версию; как и тебя, его навело на мысль положение, в котором убийца оставил части труп. Он считал, что кто-то мог отомстить девчонке за то, что она была лесбиянкой. Или попытаться что-то кому-то доказать подобным мерзейшим способом. Но эта версия ни к чему его не привела.

Я кивнул.

– У тебя осталось сорок пять минут.

– За все это время я в первый раз услышал, как ты назвал его Мак...

– Кончай базар. Не отвлекайся, приятель.

После фотографий читать заключение судмедэкспертизы было намного легче. В первую очередь я обратил внимание на то, что, по оценкам экспертов, смерть наступила в день исчезновения Терезы. К тому моменту, когда тело обнаружили, девушка была мертва уже больше сорока часов.

Следствие отработало значительное число версий, но это ничего не дало. Рутинный опрос членов семьи Терезы, ее бойфренда, однокурсников, коллег по работе и даже родителей воспитанников из ее группы в детском саду также не принес никаких результатов. Почти все, кто попал в этот широкий круг потенциально причастных к преступлению, рано или поздно отпадали: либо благодаря наличию алиби, либо в результате определенных следственных действий.

Все свидетельствовало о том, что Тереза Лофтон не была знакома с убийцей и что их дороги пересеклись, скорее всего, случайно. Иными словами, ей просто не повезло. Во всех докладах неизвестный преступник упоминался только в мужском роде, хотя жертва не подверглась изнасилованию и прямых доказательств его половой принадлежности не было. Предположение это основывалось лишь на том, что все самые жестокие убийства женщин, сопровождавшиеся расчленением, были совершены мужчинами; кроме того, чтобы рассечь хрящи и кости, требовалась немалая физическая сила. Между тем никакого режущего орудия так и не было найдено.

Несмотря на то что бедняжка полностью истекла кровью, экспертиза обнаружила следы нескольких трупных пятен; следовательно, между смертью и расчленением тела прошло некоторое время. В соответствии с заключением экспертов, не больше двух-трех часов.

Любопытным показалось мне время, когда труп был подброшен в парк. Если верить утверждениям специалистов, тело обнаружили почти через сорок часов после того, как Тереза Лофтон была убита, однако Вашингтон-парк слыл довольно людным местом, куда многие приходили погулять или пробежаться перед завтраком. Навряд ли тело, лежа практически на открытом месте, могло оставаться незамеченным так долго, хотя из-за ранних снегопадов

число гуляющих в парке заметно сократилось. Согласно предположению одного из членов следственной группы, труп пролежал на склоне не больше трех часов, прежде чем ранним утром его обнаружил один из любителей бегать трусцой.

Если так, то где же находилась убитая все это время? Следствие так и не нашло ответа на этот вопрос, хотя ему в руки попал один ключ.

Анализ обнаружил значительное количество чужеродных волосков и хлопчатобумажных волокон на теле и в волосах жертвы. Они могли бы помочь установить личность преступника, но, увы, – только после того, как будет определен круг подозреваемых. Мое внимание привлекли несколько строк в рапорте, которые были подчеркнуты. Там говорилось о специфических волокнах растительного происхождения, собранных с тела в значительном количестве и идентифицированных как капок – растительный пух. Тридцать три семечка с длинными легкими ворсинками были найдены на трупе, что указывало на непосредственный контакт с их источником. Из примечаний к рапорту я узнал, что, хотя капок и схож с хлопком, однако встречается он гораздо реже и применяется при изготовлении изделий, основным требованием к которым является способность держаться на поверхности воды: в частности, лодочных сидений, спасательных жилетов и некоторых типов спальных мешков. Непонятно было только, почему это место в рапорте оказалось подчеркнуто, и я спросил об этом у Векслера.

– Шон считал, что эти волокна, не так уж широко распространенные, помогут ему установить, где именно труп пролежал все это время. Если бы мы нашли место, где встречаются такие семена, то его почти наверняка можно было бы считать и местом преступления. Но мы так ничего и не обнаружили.

Доклады и рапорты располагались в досье в хронологическом порядке, и я видел, как одна за другой выдвигались и отбрасывались различные версии. Одновременно я почти физически ощущал, как в сердцах тех, кто вел следствие, нарастают безнадежность и отчаяние. Все их усилия ни к чему не привели. Уверенность моего брата в том, что Тереза Лофтон пала жертвой маньяка-убийцы – преступника, выследить которого практически невозможно, – казалась очевидной. В досье обнаружился даже ответ из Национального центра ФБР по анализу преступлений, совершенных с особой жестокостью: его специалисты составили по запросу Шона предполагаемый психологический портрет преступника. Мой брат сохранил также семнадцатистраничную копию контрольной анкеты, которую он посылал в ФБР для сверки с «Программой по раскрытию тяжких преступлений», однако компьютерный поиск выдал отрицательные результаты. Убийство Лофтон не походило ни на одно убийство в стране; во всяком случае в нем не оказалось достаточного количества типичных деталей, которые позволяли бы ассоциировать его с другими случаями и привлечь особое внимание экспертов.

Психологический портрет преступника, полученный Шоном, был составлен некоей Рейчел Уоллинг, агентом ФБР. Там содержалось множество сведений общего характера, на мой взгляд абсолютно бесполезных: убийца, скорее всего, мужчина и принадлежит к белой расе; возраст от двадцати трех до тридцати лет; страдает комплексом неполноценности и является женоненавистником. Ну и много это, по-вашему, дает следствию? Возможно, злоумышленник рос в семье, где влияние деспотичной матери было доминирующим фактором, в то время как отец либо вовсе отсутствовал, либо был чрезмерно занят добыванием средств к существованию, полностью перепоручив супруге воспитание ребенка и формирование его личности. Кроме того, психологический портрет классифицировал преступника как «организованного», склонного к планированию и приверженного методичности, это означало, в свою очередь, что, осуществив задуманное и избежав ареста, он может пойти на совершение новых злодеяний того же типа.

Последними в первой папке были подшиты краткие выжимки из подробных бесед с теми, кто на первый взгляд мог иметь отношение к преступлению или что-либо о нем знать; све-

дения, полученные в частном порядке (читай: слухи и наветы), но тем не менее тщательно проверенные; прочие мелкие подробности, которые могли не значить совсем ничего в момент записи, но теоретически способны были оказать решающее влияние на ход следствия в перспективе. И, просматривая все эти документы, я видел, как менялось, становилось более личным отношение Шона к Терезе Лофтон. Если на первых страницах дела она фигурировала в основном как «жертва» или изредка «Лофтон», то несколько позднее он начал использовать имя «Тереза», а на самых последних страницах, датированных нынешним февралем, совсем незадолго до трагедии, Шон все чаще и чаще называл убитую «Терри», то ли переняв это уменьшительно-ласкательное обращение у родителей и друзей, то ли позаимствовав его с оборота любительского фотоснимка, который зафиксировал ее первый день в университете. День радостный и счастливый.

У меня оставалось всего десять минут, когда я закрыл первую папку и взялся за вторую. Она была намного тоньше и наполнена всякой всячиной – главным образом материалами, которые следствие еще не проверило до конца ввиду их второстепенного характера и сомнительной ценности. Среди них я обнаружил несколько писем от граждан, выдвигающих различные теории относительно убийства, и пространное послание от одного медиума, который утверждал, что дух Терезы Лофтон якобы все еще кружит где-то чуть выше озонового слоя и вещает с такой скоростью и в таком частотном диапазоне, что для нетренированного уха этот голос звучит как невнятное чириканье. Медиум брался расшифровать сии послания и предлагал, если Шон захочет, задать духу несколько вопросов. Никаких указаний на то, захотел этого Шон или нет, в деле не было.

Дополнительные материалы гласили, что авторемонтная мастерская и банк, в котором Тереза открыла счет, находились совсем недалеко от университета, так что до них вполне можно было добраться пешком. Детективы трижды прошли по маршрутам между общежитием, детским садом, банком и мастерской, но так и не обнаружили никого, кто видел бы Терезу Лофтон в ту злополучную среду после окончания занятий. Несмотря на это, версия, выдвинутая моим братом (и оформленная, кстати, отдельным рапортом), гласила, что Тереза Лофтон была похищена после телефонного звонка автомеханику, так и не успев зайти в банк, чтобы снять со счета деньги для оплаты ремонта.

Уже без особого любопытства я просмотрел ежедневные отчеты о предпринятых действиях, которые позволяли понять, каким порядком двигалось следствие. В первое время сразу четверо детективов из отдела по расследованию преступлений против личности занимались исключительно убийством Лофтон, однако, когда следственная группа покончила с основной массой рутинной работы, да и новых дел тоже поднакопилось, Шону и Векслеру пришлось работать вдвоем. Под конец мой брат остался один. Это расследование он все равно бы не бросил.

Последняя запись в отчетах была сделана в день смерти Шона его рукой. Всего одна строчка: «13 марта. РАШЕР, в „Стэнли“. С/б о Терри».

– Время истекло, Джек.

Я поднял взгляд на Векслера: тот указывал на свои часы. Я не стал возражать и закрыл папку.

– Что такое «С/б»?

– Сообщение. Это значит, что кто-то ему позвонил.

– А кто такой Рашер?

– Этого мы не знаем. В телефонной книге есть два или три человека с такой фамилией. Мы всех их опросили, но ни один из них вроде как не в курсе, о чем мы толкуем. Я, правда, пытался запросить информацию в национальной базе данных, но, располагая одной лишь фамилией, там просто нечего делать. Нам практически ничего не известно об этом чело-

веке, мы не знаем, мужчина это или женщина. Нам неизвестно даже, встретился ли Шон с этим самым Рашером или нет. Во всяком случае, в «Стэнли» твоего брата никто не видел.

– Но почему Шон отправился на встречу с Рашером, ничего не сказав тебе и не оставив о нем никаких сведений? С какой стати он вообще поехал один?

– Кто же знает? – Векслер пожал плечами. – Мы получили так много звонков по этому делу, что только на записи можно было угробить не один день. Может быть, Шон и сам не знал, кто это такой. Может быть, все, что ему было известно, это то, что просто некто хочет поговорить с ним о подробностях преступления. Кстати, твой брат настолько запал на это дело, что готов был встретиться с любым, кто намекнул бы, что знает об убийстве чуть больше, чем он. Выдам один секрет: в досье кое-чего не хватает, но только потому, что Шон не хотел, чтобы ребята решили, будто он спятил. Короче, он съездил к этому придурочному медиуму, о котором упоминается во второй папке.

– Тот сообщил ему что-нибудь путное?

– Нет, конечно: стандартный треп о том, что убийца-де скрывается где-то поблизости и выжидает случая снова совершить какую-нибудь бяку. Шон на полном серьезе поблагодарил медиума за полезные сведения и отчалил, однако вся эта дребедень не для протокола, Джек. Я не хочу, чтобы люди считали, будто Мак съехал с катушек.

Я не стал говорить Векслеру, что его поведение лишено всякой логики. Мой брат покончил с собой, а Векс продолжал оберегать его репутацию: вряд ли она могла пострадать еще сильнее, если бы вдруг стало известно, что Шон консультировался с каким-то психом.

– То, что ты мне рассказал, не выйдет за пределы этой комнаты, – пообещал я. Немного помолчав, я счел возможным спросить: – А сам ты как думаешь, что же все-таки произошло? Разумеется, это тоже не для протокола.

– Что я думаю? Мне кажется, Шон поехал на встречу, а тот, кто ему позвонил, так и не явился. Для твоего брата это был еще один тупик, последняя капля, которая, видимо, и переполнила чашу терпения. Он отправился на озеро и... сделал то, что сделал. Ты собираешься об этом писать?

– Пока не знаю. Скорее всего, да.

– Послушай, я не знаю, как это лучше сказать, но попробую. Шон был не только твоим братом, но и моим другом, и я, возможно, знал его даже лучше, чем ты. Оставь ты это дело в покое. Пусть будет все как есть.

Я пообещал Векслеру, что подумаю, однако сделал это лишь для того, чтобы его задобрить. Для себя я уже все решил. После того как папки вернулись в шкаф, я попрощался и ушел, поглядывая на часы и прикидывая, успею ли засветло попасть в Эстес-парк.

Глава 6

На автостоянке возле Медвежьего озера я оказался только в шестом часу вечера. Она выглядела такой же пустынной и голой, как и в день гибели Шона. Это, впрочем, было понятно: озеро покрылось тонкой коркой льда и температура быстро понижалась. Пурпурно-фиолетовое небо темнело прямо на глазах. В такой поздний час ни местным жителям, ни туристам просто нечего было тут делать.

Разворачиваясь на стоянке, я призадумался: что в тот вечер заставило Шона приехать именно сюда? Насколько я помнил, Медвежье озеро никакого отношения к делу Терезы Лофтон не имело. И все же мне казалось, что я понимаю, почему брат выбрал именно его.

Остановившись на том же самом месте, где когда-то стояла машина Шона, я некоторое время сидел неподвижно и размышлял.

Под навесом возле будки сторожа горела лампочка, и я решил выйти из машины и проверить, на месте ли мистер Пенна, свидетель. Потом мне в голову пришла еще одна мысль. Пересев на пассажирское сиденье своего «темпо», я дважды глубоко втянул воздух в легкие и, резко распахнув дверцу, ринулся к лесу, громко отсчитывая секунды на бегу. На то, чтобы перевалить через снежный бруствер и достичь ближайших к площадке деревьев, мне потребовалось одиннадцать секунд.

Толщина снежного покрова в подлеске достигала одного фута. Я стоял там в легких кроссовках, то есть почти босиком, и, упираясь руками в колени, пытался перевести дух. Одиннадцать секунд... Гипотетический убийца, стрелявший в Шона, ни за что не успел бы добежать до укрытия и спрятаться, если Пенна действительно вышел из своей будки так быстро, как он сообщил полицейским.

В конце концов я перестал хватать ртом морозный воздух и не торопясь направился к сторожке. Теперь я раздумывал, как мне лучше представиться. Братом или журналистом? Журналистом или братом?..

За окошком будки я разглядел самого Пенну – его имя значилось на бейджике, приколотом к лацкану форменной тужурки. Сторож как раз запирал ящики стола, заканчивая рабочий день.

– Чем могу служить, сэр? Я уже закрываю.

– Простите, не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

Пенна вышел наружу и смерил меня подозрительным взглядом, ибо моя одежда – джинсы, кроссовки и вельветовая рубашка под толстым свитером, – безусловно, выглядела не самой подходящей для прогулок по зимнему лесу. Теплую куртку я оставил в машине, и мороз пробирал меня до костей.

– Меня зовут Джек Макэвой.

Назвавшись, я выждал несколько мгновений, надеясь по его реакции прикинуть, как лучше себя вести дальше, но никакой реакции не последовало. Скорее всего, сторож видел фамилию пострадавшего только в протоколах, которые ему приходилось подписывать; произносилась же она несколько иначе, чем писалась.

– Мой брат... – начал я. – Это ведь вы нашли его недели две тому назад, верно?

– А-а-а! – воскликнул Пенна, и в глазах его мелькнуло понимание. – Да-да, тот мужчина в машине...

– Я провел в полиции весь сегодняшний день, – поспешно перебил я. – Просматривал протоколы и тому подобное, и мне захотелось приехать на место самому. Нелегко, знаете ли, принять такое...

Пенна кивнул, пытаясь скрыть нетерпеливый взгляд, брошенный на часы.

– Я задам вам всего несколько вопросов, это не займет много времени. Скажите, вы были у себя, когда слышали звук выстрела? – проговорил я как можно быстрее, чтобы не дать сторожу перебить меня.

– Да. – Пенна снова кивнул, и на лице его появилось такое выражение, словно он долго пытался что-то про себя решить и вот теперь наконец решил. – Я закрывал будку на ночь, в точности как сегодня, – продолжил он. – Собирался идти домой и вдруг услышал хлопок. Я сразу подумал, что это выстрел, хотя и не знаю, почему мне так показалось. Потом я решил, что браконьеры гонят оленя, ну и бросился наружу как можно скорее. Первым делом я поглядел на стоянку и увидел эту машину. Ну, автомобиль вашего брата. Он был внутри. Все окна здорово запотели, но я все равно сумел рассмотреть водителя – он сидел за баранкой. Должно быть, в том, как он откинул голову назад, было что-то такое, что я сразу понял, в чем дело... Простите, может быть, вам тяжело это слушать?

Машинально покачав головой, я оглядел сторожку. Она состояла из небольшой конторы и маленькой холодной пристройки, и мне подумалось, что пяти секунд – именно столько времени, по словам Пенны, понадобилось ему, чтобы выскочить наружу, – было, пожалуй, более чем достаточно. То есть промежуток между выстрелом и тем моментом, когда сторож увидел стоянку, мог оказаться даже еще меньше.

– Он не мучился, – произнес у меня над ухом Пенна.

– Что?

– Вы, наверное, это хотели узнать? Я думаю, он не страдал от физической боли. Когда я подбежал к машине, ваш брат был уже мертв. Смерть наступила мгновенно.

– В полицейских рапортах я прочел, что вы не смогли добраться до него; все двери были заперты.

– Да, я попробовал открыть дверь. Но я видел, что он уже готов, и пошел звонить.

– Как по-вашему, сколько времени он провел на стоянке, прежде чем... решился?

– Понятия не имею. Я уже говорил полицейским, что мне из будки не видать, что делается на стоянке. Примерно за полчаса до того, как раздался этот выстрел, я выходил в сарай – у меня там запасной калорифер... Должно быть, все это время ваш брат находился здесь, думал или чего еще...

Я кивнул.

– Вы ведь не видели, чтобы он выходил из машины и подходил к озеру? – уточнил я. – Перед тем как выстрелить?

– К озеру? Нет. На берегу никого не было.

Я стоял молча, пытаясь придумать еще какой-нибудь вопрос.

– Они там так и не докопались – почему? – неожиданно спросил Пенна. – Какая такая причина заставила его стрелять? Я же знаю – он вроде как был офицером полиции.

Я отрицательно качнул головой. Мне вовсе не хотелось обсуждать подобные вещи, тем более с посторонним. Поблагодарив сторожа, я побрел обратно на стоянку, а Пенна принялся запирать входную дверь. «Темпо» был единственной машиной на этой аккуратно расчищенной площадке.

Неожиданная мысль сверкнула у меня в голове, и я обернулся.

– Как часто здесь чистят снег?

Пенна подергал замок и отступил от двери на пару шагов.

– Да после каждого снегопада.

– А где ваша машина?

– Ниже по шоссе, примерно в полумиле, находится наш хозяйственный двор, где хранится всякий инвентарь. Утром я оставляю там свою тачку и поднимаюсь сюда по тропе, а вечером спускаюсь обратно.

– Может, вас подбросить?

– Спасибо, не надо. По тропе я доберусь туда быстрее вас.

Возвращаясь в Боулдер, я всю дорогу вспоминал тот последний раз, когда был на Медвеьем. Тогда тоже была зима, но озеро не замерзло, во всяком случае – не везде. И, покидая его теперь, я, как и в прошлый раз, чувствовал себя продрогшим и одиноким. И виноватым.

Рили выглядела так, словно со времени нашей последней встречи состарилась лет на десять. Однако, даже несмотря на это, я застыл как громом пораженный, лишь только она отворила дверь, неожиданно осознав то, чего не замечал раньше. Тереза Лофтон была удивительно похожа на девятнадцатилетнюю Рили Макэвой. Интересно, догадался Скалари или кто-нибудь другой довести этот факт до сведения психоаналитиков?

Рили пригласила меня войти. Очевидно, она знала, что выглядит скверно, потому что, открыв дверь, сразу отступила в глубину коридора и подняла ладонь к лицу, надеясь скрыть следы своего горя. Я увидел, что Рили тщетно пытается улыбнуться, и отвел глаза.

Потом мы прошли в кухню, и она спросила, не приготовить ли кофе, но я, по старой привычке опускаясь на стул возле обеденного стола, заверил ее, что зашел ненадолго. Всякий раз, когда мне случалось бывать у брата, мы сидели на кухне; это не изменилось даже с его смертью.

– Я хотел сказать тебе, что собираюсь написать о Шоне.

Рили долго молчала, глядя в сторону. Потом она поднялась со своего места и принялась с отсутствующим видом сливать воду из посудомоечной машины. Я ждал.

– Это... обязательно? – спросила она наконец.

– Да. Думаю, да.

Она ничего не ответила.

– Я должен буду позвонить этому психоаналитику, Доршнеру. Не знаю, станет ли он говорить со мной, однако теперь, когда Шона больше нет, я не вижу, почему бы ему и не ответить на мои вопросы. В любом случае доктор может позвонить и спросить твоего разрешения...

– Не волнуйся, Джек. Я не стану тебе мешать.

Я с признательностью кивнул, хотя и заметил в ее голосе гневные нотки.

– Сегодня я говорил с копами и ездил к озеру.

– Я не желаю слышать об этом, Джек. Если ты намерен написать статью – пиши, это твое дело. Делай, что должен. Но я не хочу ничего слышать об этом – так я решила. И читать твою статью я тоже не буду. Я должна делать то, что должна.

– Понимаю, Рили, но одну вещь мне все-таки придется у тебя спросить. После этого я оставляю тебя в покое и не стану больше впутывать в эти дела. Обещаю.

– Что значит – в покое? – вдруг взвилась она. – Хотела бы я быть ни при чем, да не могу. Я ведь не где-то в стороне нахожусь, я в самом эпицентре этого... этого несчастья, и так будет продолжаться до самой моей смерти. Ты об этом хочешь написать, да? Или ты считаешь, что существует способ как-то справиться с... – Она неожиданно всхлипнула. – Что мне делать, Джек?..

Я устался в пол. Больше всего мне хотелось уйти, но я не мог этого сделать. Боль и гнев Рили жгли меня, словно жар от раскаленной духовки.

– Ты хочешь знать о той девушке, да? – спросила Рили чуть более спокойным голосом. – Об этом спрашивали меня все полицейские.

– Да. Скажи, почему дело Терезы Лофтон... – Я запнулся, пожалуй впервые за свою репортерскую карьеру затруднившись сформулировать свой вопрос.

– Почему это убийство заставило Шона забыть обо всем хорошем, что было в его жизни? – пришла мне на помощь Рили. – Я не знаю – вот мой ответ. Ни черта не знаю и не понимаю!

В ее глазах снова показались слезы гнева, словно ее муж не умер, а ушел к другой женщине. А тут еще я оказался перед ней – самое точное подобие Шона, какое только можно себе представить. Как она вообще может на меня смотреть? Неудивительно, что вдова обрушила свою боль и разочарование именно на меня.

– Он никогда не говорил об этом деле дома? – все же решился я уточнить.

– Ничего конкретного. Шон время от времени рассказывал мне о делах, которые вел, но только в общих чертах. В этом отношении убийство Терезы Лофтон не было исключением, если не считать подробностей того, что с ней случилось. Шон сообщил, что именно сделал с бедняжкой преступник и как ему приходилось принуждать себя к тому, чтобы осматривать тело. Я знаю, это жестокое убийство его беспокоило, но не больше, чем все прочие. Шон всегда думал о том, как лучше провести то или иное расследование, поскольку мысль о том, что злодей может избежать наказания, казалась ему непереносимой. Он сам не раз говорил мне об этом.

– Однако в данном случае он почему-то отправился на прием к врачу. Почему?

– У него начались ночные кошмары, и я посоветовала Шону записаться к психоаналитику. Фактически это я настояла, чтобы он лечился.

– А что это были за сны, которые, гм... преследовали его?

– Шону снилось, что он тоже находится там... Ну, в тот момент, когда все это случилось. Как будто он видит, как совершается убийство, но не может помешать.

Слова Рили заставили меня вспомнить о смерти другого человека, случившейся много лет назад. О гибели Сары. Она провалилась под лед на наших глазах, и я до сих пор помнил ощущение сковавшего меня беспомощного ужаса. Мы с Шоном все видели, но ничем не могли ей помочь.

Подняв глаза на Рили, я спросил:

– Ты знаешь, почему Шон поехал на озеро?

– Нет.

– Может быть, из-за Сары?

– Я же сказала – не знаю.

– Это случилось еще до того, как мы познакомились с тобой. Сара тоже погибла на Медвеьем озере. Несчастный случай...

– Я в курсе, Джек, Шон мне рассказывал. Но не представляю себе, как это может быть связано с его переживаниями из-за нераскрытого преступления.

Я тоже ничего не понимал.

Прежде чем вернуться в Денвер, я завернул на кладбище. Сам не знаю, зачем я туда поехал. Уже совсем стемнело, к тому же накануне был снегопад, и мне понадобилось не менее четверти часа, чтобы найти могилу брата. Над ней еще не было надгробного камня, и я отыскал ее лишь благодаря тому, что прекрасно знал расположение соседней могилы – той, где лежала моя сестра.

На земляном холмике Шона стояли два глиняных горшка с замерзшими цветами да сиротливо торчал из-под снега пластмассовый указатель, на котором черной краской было написано его имя. У Сары никаких цветов не было.

Некоторое время я рассматривал могилу брата. Ночь выдалась ясная, и в лунном свете все было прекрасно видно. Дыхание вырывалось у меня изо рта клубами пара.

– Почему, Шон? – громко спросил я. – Почему ты это сделал?

Внезапно до меня дошло, чем я занимаюсь, и я в испуге огляделся. На кладбище не было никого, кроме меня. Никого из живых. Мне вспомнились слова Рили о том, что Шон не мог допустить, чтобы преступник остался безнаказанным, и я подумал, насколько мало – вплоть до недавнего времени – занимали меня самого подобные проблемы, если только при этом не

светила возможность накатать обзор на полполосы. Когда мы успели так отдалиться друг от друга, ведь мы были родными братьями, близнецами?

Ответа я так и не нашел. В душе моей были только глубокая печаль да смутное ощущение несправедливости, будто в мерзлую землю лег совсем не тот из нас, кто больше этого заслуживал.

Потом я вспомнил, что говорил мне Векслер в самый первый день, когда оба копа заехали за мной в редакцию. Он считал, что того дерьма, которое стекает в городскую канализацию, оказалось для Шона слишком много, но я все еще не верил в это. Должно быть, мне необходимо было прийти к чему-то окончательному и определенному, что помогло бы наконец успокоиться.

Потом я думал о Рили и о снимках Терезы Лофтон. И о сестре, которую на моих глазах затягивало под лед. Наверное, убийство студентки университета заразило Шона вирусом беспомощности и отчаяния, с которыми мой брат уже не сумел справиться. Должно быть, приступы бессилия и разочарования посещали его так же часто, как и видение ясных синих глаз девушки, безжалостно распиленной преступником пополам, и Шон, который не мог пойти к брату за советом и помощью, решил обратиться к своей мертвой сестре. Поэтому он отправился к озеру, которое отняло у него Сару. И там он к ней присоединился.

По пути с кладбища я так ни разу и не обернулся.

Глава 7

На этот раз Глэдден остановился с другой стороны ограды, подальше от девушки, которая проверяла входные билеты. Со своего места она не могла его видеть, а он по-прежнему имел возможность внимательно рассмотреть каждого маленького седока на вращающейся карусели.

Проведя пятерней по обесцвеченным волосам, Глэдден огляделся. Он был уверен, что любой, кто ни взглянет на него, непременно решит, что видит перед собой просто одного из родителей.

Карусель остановилась и, приняв очередную ватагу ребятишек, снова начала раскручиваться. Каллиопа пронзительно заскрежетала, выводя какую-то мелодию, которую Глэдден никак не мог узнать, а крашенные кони, кивая, понеслись вскачь против часовой стрелки. Глэдден никогда не катался на карусели сам, хотя и видел, что многие родители садятся в нарисованные седла вместе с детьми. Для него это было, пожалуй, слишком рискованно.

Потом он заметил девочку лет пяти, изо всей силы вцепившуюся в своего вороного скакуна. Она мчалась, наклонившись вперед, обвив руками карамельно-полосатый поручень, который шел вдоль шеи деревянного животного. Коротенькое платице развевалось на ветру, маленький задик приподнялся, а розовые трусишки задрались с одной стороны и глубоко врезались в промежность. Кожа девочки была кофейного цвета.

Глэдден сунул руку в сумку и достал фотоаппарат. Отрегулировав выдержку таким образом, чтобы снимок не получился смазанным, он направил видоискатель на карусель, навел фокус и стал ждать, пока девочка совершит полный оборот и появится в окошке видоискателя.

Карусель успела дважды повернуться вокруг своей оси, прежде чем Глэдден, уверенный в том, что снимок удался, опустил фотоаппарат. Машинально оглядываясь по сторонам и проверяя, не заметил ли кто его манипуляций, он увидел мужчину, который облокотился на ограду футях в двадцати справа. Всего несколько минут назад его тут не было. Однако особенно насторожило Глэддена то обстоятельство, что незнакомец был одет в спортивную куртку и галстук. Либо извращенец, либо полисмен. Глэдден почел за благо ретироваться.

Яркое солнце на пирсе почти ослепило его. Глэдден положил аппарат обратно в сумку и достал зеркальные солнечные очки. Он собирался пройти чуть дальше – туда, где было больше народу, – надеясь оторваться от преследователя. Если, конечно, этот незнакомец действительно следует за ним. Не торопясь и не нервничая, действуя умело и с ледяным спокойствием, Глэдден преодолел примерно половину расстояния, отделяющего его от скопления людей – рыбаков и гуляющих – на дальнем конце мола. Остановившись у парапета, он повернулся и прислонился к нему спиной, сделав вид, будто подставляет лицо солнечным лучам, однако глаза его, скрытые зеркальными стеклами, быстро оглядели ту часть побережья, откуда он только что пришел.

Сначала он не заметил ничего подозрительного. Человека в галстук и спортивной куртке нигде не было видно. Только несколько мгновений спустя Глэдден обнаружил незнакомца – тот медленно шел вдоль ряда ларьков и крошечных магазинчиков. На носу его красовались черные очки, а спортивная куртка висела на согнутой руке. Мужчина приближался к нему.

– Сволочь! – выругался Глэдден.

Пожилая женщина, сидевшая на ближайшей скамейке вместе с маленьким мальчиком, поджала губы и с осуждением покосилась на Глэддена. Очевидно, его восклицание было услышано.

– Прошу прощения, – бросил Глэдден и отвернулся, внимательно разглядывая толпу отдыхающих. Нужно было соображать быстро. Он знал, что полицейские в патруле обычно работают парами. Где же второй, напарник этого пижона в галстук?

Прошло с полминуты, прежде чем Глэдден заметил женщину в брюках и рубашке поло, которая двигалась ярдах в тридцати позади первого копа. Выглядела она не так официально, как ее напарник, и вполне могла бы сойти за отдыхающую, если бы не рация на боку. Глэдден хорошо видел, как она пытается прикрыть передатчик, и тут на его глазах женщина повернулась к нему спиной и, загораживая рацию корпусом, начала с кем-то переговариваться.

Наверняка она вызывала подмогу. Ничего другого просто не могло быть. Глэддену необходимо было сохранять видимость спокойствия и в то же время придумать какой-нибудь план. Между тем коп в галстук приблизился к нему на каких-нибудь двадцать ярдов.

Глэдден оттолкнулся от парапета и, двигаясь чуть быстрее своего врага, пошел в том направлении, где волнолом заканчивался. На ходу он проделал то же самое, что и женщина-полицейский: загораживая сумку своим телом, словно щитом, он перебросил ее на живот и расстегнул молнию. Потом просунул внутрь руку, схватил фотоаппарат и, не вынимая его, принялся вертеть, пока не нащупал нужный переключатель и не стер все из памяти. Впрочем, там и так почти ничего не было – девчонка на карусели да несколько малолеток в общественном душе. Невелика потеря.

Проделав все необходимые манипуляции, Глэдден пошел дальше вдоль волнолома. Вытащив из сумки сигареты, он сунул одну в рот, остановился и, слегка сутулясь, повернулся спиной вперед, якобы прикрывая от ветра огонек зажигалки. Закурив, он поднял взгляд и увидел, что оба полицейских подошли еще ближе. Очевидно, они считали, что преступник уже у них в руках, ибо Глэдден направлялся как раз в ту сторону, где мол заканчивался и начиналось море. Женщина догнала напарника, и они о чем-то беседовали. Глэдден подумал, что бездействие копов объясняется тем, что они дожидаются подмоги, и быстро зашагал дальше – к закусочной и административному зданию на самом дальнем конце длинного мола.

Он неплохо знал это место – за прошедшую неделю ему дважды приходилось незаметно сопровождать сюда родителей с детьми, идущих от карусели. С другой стороны закусочной имелась лестница, которая вела на крышу, на смотровую площадку.

Скрывшись за углом здания, Глэдден побежал вдоль стены к лестнице. Через считанные секунды он оказался наверху, откуда ему было видно все, что делается на молу. Полицейские остановились прямо под ним, продолжая переговариваться. Потом мужчина последовал за Глэдденом в обход здания, а женщина осталась стеречь фасад. Судя по всему, они были настроены ни в коем случае не упустить свою жертву.

«Но как они узнали? – неожиданно подумал Глэдден. – Как?»

Он еще ни разу не видел на пляже этого копа в галстук. Полицейские появились на побережье не случайно, а наверняка пришли за ним. Но кто навел их на его след?

Ему потребовалось сделать над собой усилие, чтобы отделаться от панических мыслей и вернуться к более насущным проблемам. Необходимо было предпринять отвлекающий маневр. Коп скоро сообразит, что среди рыбаков, облепивших мол, преследуемого нет, и поднимется на смотровую площадку. Что же делать?

Внезапно ему попала в глаза жестяная урна, стоявшая в углу возле ограждения. Глэдден бросился к ней и заглянул внутрь. Там почти ничего не было, и он скинул с плеча сумку, потом поднял урну над головой и, разбежавшись, метнул ее в море. Затормозив у перил, он увидел, как урна пролетела над головами двух рыбаков и с шумом плюхнулась в воду.

– Эй, смотрите! – раздался снизу мальчишеский голос.

– Человек тонет! – во всю силу легких закричал Глэдден. – Человек упал в воду!!!

Потом он подхватил сумку и, в два прыжка преодолев смотровую площадку, заглянул вниз, высматривая женщину. Та все еще загораживала ему путь к отступлению, однако было очевидно, что она слышала всплеск и крик. Двое подростков выбежали из закусочной, чтобы узнать, из-за чего поднялся шум, и сразу же скрылись за углом. Глэдден видел, что женщина колеблется; еще немного, и она, не выдержав, последовала за мальчишками.

Не теряя ни минуты, Глэдден надел сумку через плечо, перекинул ноги через перила, присел и прыгнул. Здесь было невысоко, всего футов пять. Приземлившись, он быстро побежал вдоль мола к берегу.

Примерно на полпути Глэдден встретил двух копов на велосипедах. Оба несли службу на пляже, а потому были одеты в шорты и голубые рубашки поло. Смешно! Он украдкой наблюдал за ними еще вчера, удивляясь, как эти лежебоки вообще могут считаться полицейскими. Теперь же Глэдден, размахивая руками, побежал прямо на них.

– Это вы едете на подмогу? – задыхаясь, крикнул он. – Ваши коллеги в самом конце, у закусочной. И им нужна лодка. Там педик упал в воду, то есть он сам туда прыгнул... Меня послали предупредить вас.

– Езжай вперед! – рявкнул один коп другому.

Тот нажал на педали, а второй полисмен снял с пояса передатчик и принялся вызывать спасательную станцию.

Глэдден взмахом руки поблагодарил блюстителей порядка за быструю реакцию и не торопясь пошел своей дорогой. Выждав несколько секунд, он обернулся и увидел, что и второй коп тоже мчит по дамбе в направлении закусочной. Тогда он снова побежал.

На самой середине горбатого моста, соединявшего побережье и Оушен-авеню, Глэдден позволил себе остановиться и отдышаться. Глядя назад, он рассмотрел небольшую толпу, собравшуюся на дальнем конце волнолома. Сняв солнечные очки, Глэдден закурил.

«Какие же эти копы тупые, – подумал он. – Вот и пусть теперь получают, что заслужили».

Он спустился с моста на городскую улицу, пересек Оушен-авеню и свернул на засаженную деревьями Третью улицу, слышную одним из самых популярных в городе мест, где можно было сделать покупки и перекусить. Затеряться в здешней толпе раз плюнуть.

«Чтоб им пусто было, этим копам. Представился дуракам шанс, но они его профукали. Больше не дождутся...»

Пройдя по Третьей улице, Глэдден свернул на дорожку, которая вела к нескольким ресторанчикам быстрого обслуживания. От переживаний у него разыгрался зверский аппетит, и он зашел в один из них, чтобы купить пиццу и выпить лимонада. Ожидая, пока пиццу разогреют в духовке, Глэдден вспомнил девочку на карусели и пожалел о пропавшем снимке. Но, с другой стороны, разве мог он знать, что ему удастся так легко ускользнуть от полиции?

– А следовало бы знать, – сказал он громко и чуть сердито, и тут же со страхом оглянулся, надеясь, что девушка за прилавком не слышала его восклицания. Некоторое время Глэдден рассматривал ее, но в конце концов не нашел в ней ничего привлекательного.

«Слишком старая, – решил он. – У нее самой небось уже дети».

Наблюдая за официанткой, Глэдден не мог не заметить, как она выталкивает горячую пиццу на бумажную тарелку, осторожно действуя пальцами. Потом девица облизала их – все-таки обожглась! – и поставила заказ на прилавок. Глэдден перенес тарелочку на свой столик, но есть не стал. Ему не нравилось, когда другие люди трогали его еду.

В данный момент его интересовало, как долго придется ждать, прежде чем он сможет без опаски вернуться на побережье и забрать машину. Хорошо еще, что он на всякий случай оставил ее на ночной стоянке. Теперь, как бы ни развивались события, копы не доберутся до его авто. Если бы ему не повезло и это случилось, копы первым делом полезли бы в багажник, нашли компьютер, а уж тогда ему ни за что не отвертеться.

Чем больше Глэдден думал о недавнем инциденте, тем сильнее становился его гнев. Карусель была теперь потеряна. Возвращаться туда, во всяком случае в ближайшее время, нельзя ни под каким видом. К тому же необходимо отправить предупреждение другим членам их сети.

И все же он никак не мог взять в толк, как такое могло случиться. Его разум беспокойно перебирал самые различные варианты развития событий; Глэдден даже заподозрил, что утечка

информации могла произойти из самой сети, однако в конечном итоге блестящий шарик его воображаемой рулетки остановился на девушке, проверявшей билеты. Должно быть, это она заявила в полицию. За всю неделю никто другой не мог видеть Глэддена изо дня в день. Да, это она, больше некому...

Он закрыл глаза и, откинувшись назад, прислонился затылком к прохладной стене. В своем воображении он вернулся к карусели и теперь приближался к билетерше. В руке у него был зажат нож. Он должен преподать ей урок и навсегда отучить совать нос не в свое дело. Маленькая сучка небось думала, что она...

Глэдден почувствовал, что кто-то стоит рядом. Стоит и смотрит прямо на него.

Он медленно открыл глаза. Полисмены с мола. Мужчина в галстук, с лицом, блестящим от пота, махнул рукой, приказывая Глэддену встать:

– Идем, гнида...

По пути в участок копы не сообщили Глэддену ничего полезного. Разумеется, они забрали спортивную сумку и обыскали его самого, потом надели наручники и объявили, что он арестован, однако не сказали, за что. Сигареты, бумажник и сумка были в их руках, но Глэдден по-настоящему беспокоился только за свой фотоаппарат. К счастью, сегодня он не взял с собой книги.

Прикрыв веки, Глэдден вспоминал, что же лежало у него в бумажнике. Пожалуй, ничего такого, что могло бы ему повредить. Водительское удостоверение, выданное в штате Алабама, было выписано на имя Гарольда Брисбейна. Поддельный документ он достал через сеть, выменяв корочки на фото. В машине лежало еще одно фальшивое удостоверение личности, поэтому с Гарольдом Брисбейном можно будет навеки распрощаться, как только его отпустят.

Ключи от автомобиля копам не достались; Глэдден довольно предусмотрительно спрятал их на заднем правом колесе. Хорошо все-таки, что он подумал о возможном провале и подготовился. Главное, не подпускать копов к машине. Опыт подсказывал ему никогда не пренебрегать мерами предосторожности и всегда быть готовым к худшему. Именно этому Гораций учил его по ночам в Рейфорде все то время, что они провели вместе.

В полицейском участке Глэддена довольно грубо, но без лишних слов втолкнули в комнату для допросов размером шесть на шесть футов. Там его усадили на серый металлический стул, освободили одну руку и тут же пристегнули наручники к стальному кольцу, которое было привинчено к середине стола. Потом детективы ушли, оставив арестованного одного почти на час.

На стене, лицом к которой он сидел, было зеркальное окно, и Глэдден понял, что находится в комнате для опознания, однако ему никак не удавалось сообразить, кто может стоять с другой стороны. После того как он приехал в Лос-Анджелес, его личность никоим образом нельзя было связать с событиями в Финиксе и Денвере, так что в этом отношении он, пожалуй, мог не волноваться.

Один раз ему показалось, будто он слышит голоса, доносящиеся из смежной комнаты за стеклом. Определенно там кто-то был, какие-то люди рассматривали его и перешептывались.

Глэдден закрыл глаза и уперся подбородком в грудь, чтобы скрыть свое лицо. Потом он неожиданно вскинул голову и, растянув губы в злобном оскале, заорал:

– Ты еще пожалеешь об этом, сука!

Он рассчитывал, что его неожиданный угрожающий выпад создаст психологическое торможение в мозгах свидетеля, кого бы копы сюда ни приволокли.

«Наверняка это та сука-билетерша», – снова подумалось ему.

И Глэдден опять погрузился в грезы о том, как он отомстит ей.

Примерно через полтора часа дверь в комнату наконец-то распахнулась, и в нее вошли двое уже знакомых ему полицейских. Мужчина опустился на стул слева, а женщина села прямо напротив Глэддена и положила на стол его сумку и магнитофон.

«Ничего у них нет, – снова и снова, словно заклинание, твердил про себя Глэдден. – Меня отпустят еще до захода солнца».

– Простите, что заставили вас ждать, – вежливо сказала женщина.

– Ничего страшного, – откликнулся Глэдден. – Могу я получить обратно свои сигареты?

И он кивнул в сторону спортивной сумки. На самом деле курить ему не хотелось, но он рассчитывал узнать, на месте ли фотоаппарат. Копам нельзя доверять – эту истину Глэдден усвоил твердо, еще до того, как начал брать уроки у Горация. Не доверять, никогда и ни за что!

Женщина-детектив проигнорировала его просьбу и включила магнитофон. Потом она назвала свое имя – детектив Констанция Делпи, и представила напарника, которого звали Рон Свитцер. Оба оказались сотрудниками ОЗД – отдела по защите детей от преступных посягательств.

Глэддена удивило, что женщина, судя по всему, была здесь главной, хотя и выглядела лет на пять или даже восемь моложе Свитцера. Ее светлые волосы были подстрижены коротко, так, чтобы их можно было поддерживать в порядке, не тратя слишком много времени. Фигура Делпи не отличалась изяществом – у нее было по меньшей мере фунтов пятнадцать лишнего веса, главным образом на бедрах и на плечах. Глэдден предположил, что она, должно быть, пробивалась к своему теперешнему положению с самого низа. К тому же ему казалось, что Делпи – лесбиянка; он всегда мог определить подобные вещи благодаря какому-то особому чутью.

Свитцера отличали невыразительное лицо, немногословность и сдержанная манера поведения. Он был почти лысым, если не считать узкой полоски редких волос на затылке. В конце концов Глэдден решил сосредоточиться на женщине. Ему казалось, что именно она представляет главную опасность.

Делпи достала из кармана какую-то бумажку и зачитала Глэддену его конституционные права.

– Зачем мне это? – спросил Глэдден, когда она закончила. – Я не совершил ничего противозаконного.

– Вы поняли, что я только что вам прочитала?

– Да. Я только никак в толк не возьму, за что меня привезли сюда.

– Повторяю вопрос: мистер Брисбейн, поняли ли вы, что я вам...

– Да.

– Вот и хорошо. Кстати, ваше водительское удостоверение было выдано в Алабаме. С какой целью вы приехали в наш город?

– Это мое дело. А сейчас я хотел бы связаться с адвокатом. Ни на какие вопросы я пока отвечать не буду. Не зря же вы зачитали мне мои права.

Глэдден понимал, что сейчас полицию в первую очередь интересуют местонахождение его машины и адрес отеля, где он остановился. У них по-прежнему не было ничего серьезного против него, однако уже сам факт его бегства от патрульных мог оказаться вполне достаточным основанием, чтобы выдать ордер на обыск его комнаты и машины. Если только копы узнают, где находится либо то, либо другое. Допустить этого нельзя было ни в коем случае.

– Об адвокате мы поговорим чуть позже, – миролюбиво произнесла Делпи. – Я хочу дать вам возможность объясниться. Не исключено, что ваши доводы убедят нас и вы выйдете отсюда в ближайшие полчаса. В этом случае вам не придется тратить деньги на адвоката.

С этими словами она расстегнула лежащую на столе сумку и достала фотоаппарат и пакетик конфет «Старберст», которые так нравятся детям.

– Что это такое?

– Мне кажется, вы и сами знаете.

Делпи взвесила фотоаппарат на руке и воззрилась на него с таким видом, словно никогда в жизни не встречала ничего подобного.

– Для чего вы это использовали?

– Чтобы фотографировать.

– Детей?

– Я хочу увидаться с адвокатом.

– А конфеты для чего? Что вы с ними делали? Угощали детей?

– Мне нужен адвокат.

– Забодал ты уже со своим адвокатом! – неожиданно вступил в беседу Свитцер. – Не трепыхайся, Брисбейн, мы взяли тебя за задницу. Ты фотографировал детей в душе, маленьких голеньких ребятишек и их матерей. Меня тошнит от таких типов, как ты, Брисбейн!

Глэдден откашлялся и посмотрел на Делпи мертвыми, ничего не выражающими глазами.

– Я ничего об этом не знаю, однако мне хотелось бы уточнить: а в чем здесь преступление? Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду? Я не утверждаю, что занимался тем, о чем вы говорите, но даже если бы и так, то, скажите, разве противозаконно фотографировать детей на пляже? Лично я такого закона не знаю. – И Глэдден замотал головой, изображая недоумение.

Женщина так и передернулась от отвращения и негодования. Но он гнул свое:

– Уверяю вас, детектив Делпи, существует значительное количество вполне законных случаев, когда общество приемлет наготу и не связывает ее с эротикой или извращениями. В данном случае матери мыли своих маленьких детей на пляже, что же тут такого? И если фотограф, случайно сфотографировавший их, совершает преступление, тогда вам следовало бы задержать и этих женщин тоже – за то, что они сделали это возможным. Впрочем, это вы должны были бы знать и сами. Я уверен, что один из вас потратил как минимум полчаса на консультацию с городским прокурором.

Свитцер наклонился к нему через стол, и Глэдден почувствовал, как у него изо рта пахнет табаком и жареными картофельными чипсами. Должно быть, коп специально наелся их, чтобы во время допроса его дыхание стало труднопереносимым.

– А теперь послушай меня, умник, – сказал Свитцер. – Мы точно знаем, кто ты такой и чем занимался на берегу. Я работал в отделе по расследованию убийств и изнасилований, но ты... такие, как ты, – самая низшая форма жизни на планете. Ты не хочешь с нами говорить? Прекрасно. Все, что нам нужно сделать, это отвезти тебя в тюрьму Бискайлус и хотя бы на одну ночь запереть там в общей камере. Я знаю кое-кого в Бискайлусе, Брисбейн, и собираюсь шепнуть тамошним ребятам пару слов. Ты ведь в курсе, что случается с педофилами в тюрьмах?

Глэдден медленно повернул голову и впервые встретился взглядом со Свитцером.

– Не знаю, как насчет тюрем, детектив, однако даже запах, что исходит из вашего рта, представляется мне слишком жестоким и незаслуженным наказанием. Если я, по чистой случайности, буду осужден за то, что фотографировал на пляже, то я могу подать апелляцию и пожаловаться, что ко мне применяли недозволенные меры воздействия.

Свитцер взмахнул кулаком.

– Рон!

Детектив застыл на месте, потом посмотрел на Делпи и медленно опустил руку. Глэдден даже не поморщился. Пожалуй, он был бы не против, если бы Свитцер его ударил – это могло здорово помочь на суде.

– Умница, – похвалила Делпи. – Я вижу, перед нами опытный камерный юрист, который воображает, будто знает все лазейки. Очень хорошо, Брисбейн. Думаю, после сегодняшней ночи вам придется нацарапать несколько апелляций. Надеюсь, понятно, что я имею в виду?

– Могу я позвонить адвокату? – скучным голосом повторил Глэдден.

Он отлично знал, чего добиваются эти двое. У них не было ни одного доказательства, ни единой зацепки, и они рассчитывали запугать его и вынудить совершить ошибку. Но он не поддастся, он слишком умен, и им его не перехитрить. И видимо, оба детектива в глубине души сознавали это.

– Послушайте, – сказал Глэдден, – ни в какой Бискайлус я не поеду, и мы все прекрасно это понимаем. У вас в руках мой фотоаппарат, но им – я не знаю, проверили вы его или нет, – не было сделано ни одного снимка. Еще у вас есть показания какого-нибудь билетера, спасателя, или уж не знаю кого, кто утверждает, будто я фотографировал. И никаких доказательств – только мое слово против его слова. Даже если ваш свидетель опознал меня, глядя в зеркало, то и это не дает вам никакого преимущества, поскольку я был в комнате один. При таких условиях опознание не может считаться законным.

Глэдден подождал, но детективы молчали.

– И наконец, самое главное заключается в том, что, кто бы ни стоял там, за вашим зеркальным стеклом, он – или она – стал свидетелем деяния, которое не является преступлением, и я не представляю себе, почему это должно привести меня в тюрьму округа хотя бы на одну ночь. Может быть, детектив Свитцер попробует объяснить это? Хотя мне кажется, что для его мозгов подобная задача слишком трудна.

Свитцер вскочил так резко, что его стул опрокинулся и стукнулся о стену. Делпи протянула руку, чувствуя, что, сдерживая напарника, она на сей раз одними словами не обойдется.

– Спокойнее, Рон, – резко приказала она. – Сядь на место! Сядь, тебе говорят!

Свитцер подчинился, и Делпи перевела взгляд на Глэддена.

– Если вы намерены продолжать в том же духе, мне придется позвонить адвокату как можно скорее, – сказал он. – Будьте добры, проводите меня к телефону.

– Ты получишь право на звонок. Сразу после того, как тебя зарегистрируют. А вот о сигаретах можешь забыть: местная тюрьма – государственное учреждение, в котором курить запрещено. Мы заботимся о твоём здоровье.

– Но по какому обвинению меня задерживают? Вы не имеете права.

– По обвинению в загрязнении окружающей среды и вандализме по отношению к муниципальной собственности. Ну и плюс еще неподчинение офицеру полиции.

Брови Глэддена изумленно поползли вверх.

– Ты кое-что забыл, умник, – пояснила Делпи, радушно улыбаясь ему. – Я имею в виду урну с мусором, которую ты бросил в залив.

Она победоносно кивнула и выключила магнитофон.

В камере предварительного заключения местного полицейского участка Глэддену наконец разрешили позвонить. Прижимая трубку к уху, он почувствовал резкий запах дешевого хозяйственного мыла, которое ему дали, чтобы смыть краску с пальцев. Этот запах послужил ему напоминанием, что он должен выбраться отсюда до того, как его отпечатки будут сверены с общенациональной компьютерной картотекой.

Глэдден набрал номер, который заучил наизусть в первый же день после приезда в Санта-Монику. Адвокат Краснер значился в списке абонентов их сети.

Поначалу секретарша упорно не хотела соединять Глэддена с боссом. Стоило, однако, намекнуть, что звонящему рекомендовал Краснера мистер Педерсен, как отношение к нему тотчас изменилось. Упомянутое имя означало, что звонит не простой клиент, а один из своих. Через секунду Глэдден уже разговаривал с адвокатом.

– Артур Краснер слушает. Чем могу быть полезен?

– Здравствуйте, мистер Краснер. Меня зовут Гарольд Брисбейн. Я тут столкнулся кое с какими проблемами.

И Глэдден принялся подробно рассказывать юристу все, что с ним приключилось. Говорить ему приходилось тихо, потому что в камере он был не один. В КПЗ обретались еще двое задержанных, ожидавших отправки в тюрьму округа, тот самый Бискайлус. Один из них – наркоман, судя по некоторым признакам, – спал, растянувшись на полу. Второй сидел у противоположной стены камеры и, уставившись на Глэддена, от нечего делать прислушивался к разговору. Впрочем, он вполне мог быть подсадной уткой – полицейским, которого специально заперли в камере, чтобы подслушать разговор Глэддена с адвокатом.

Объясняя ситуацию, Глэдден не упустил ничего, разве что так и не назвал своего настоящего имени. Когда он закончил, Краснер долго молчал.

– Что там у вас за шум? – спросил он наконец.

– Это храпит парень из местных... завсегдатаев. Он спит на полу.

– Вы не должны находиться среди подобных людей, Гарольд, – заявил Краснер покровительственным тоном, от которого Глэддена перекосило. – Необходимо срочно что-то предпринять.

– Именно за этим я и звоню.

– Мои услуги за два дня – за сегодня и завтра – обойдутся вам в одну тысячу долларов, – объявил адвокат. – Я делаю вам значительную скидку, которой обычно пользуются клиенты, относящиеся, гм... к друзьям мистера Педерсена. Если мое вмешательство потребует также и послезавтра, то условия мы обсудим дополнительно. Вы сумеете достать деньги?

– Никаких проблем.

– Как насчет залога? Кроме оплаты моего гонорара, вам потребуется еще некоторая сумма. Судя по тому, что вы мне рассказали, добиваться имущественного залога бесполезно. Поручитель обычно получает в качестве вознаграждения десять процентов от суммы залога, назначенного судьей. Эти деньги к вам не вернутся.

– Хорошо, забудьте об имущественном залоге. Кроме оплаты ваших услуг, я, наверное, наскребу еще тысяч пять. Во всяком случае – сразу. Можно было бы достать и больше, но на это потребуется время. Я хотел бы обойтись пятью «косыми» и выйти отсюда как можно скорее.

– Значит, пять тысяч, я правильно понял? – уточнил адвокат.

– Да. Пять тысяч. Чего вы сможете добиться, располагая такой суммой?

Глэдден подумал, что Краснер, наверное, рвет на себе волосы с досады, что запросил так мало.

– С пятью, как вы выразились, «косыми» в кармане можно рассчитывать на залог в пятьдесят тысяч. Думаю, что этого будет вполне достаточно. Вас задержали по уголовной статье, однако обвинения в загрязнении окружающей среды и неподчинении требованиям полиции можно трактовать совершенно по-разному, например как административные правонарушения. Думаю, мне удастся этого добиться. Ваше дело вообще яйца выеденного не стоит, просто копы раздули его до черт знает каких размеров. Необходимо только скорее доставить вас в суд, а там не успеете оглянуться, как выйдете на свободу.

– Понятно.

– Возможно, пятидесяти тысяч залога окажется даже многовато, однако давайте пока не будем рисковать. Кто знает, сумею ли я продать вашего кота в мешке окружному прокурору, от которого зависит, по какой статье вас судить, уголовной или административной. В общем, там будет видно. Кстати, как я понял, вы не собираетесь сообщать им адрес, по которому проживаете?

– Совершенно справедливо. Мне необходимо что-нибудь новое.

– Тогда, боюсь, придется использовать всю сумму. Впрочем, пока у меня есть время, я попробую подобрать вам адрес. Возможно, это выльется в некоторые дополнительные траты, но совсем небольшие. Обещаю вам...

– Согласен. Только сделайте все как надо. – Глэдден покосился через плечо на человека, сидящего у стены. – А как насчет того, чтобы выйти отсюда сегодня? – спросил он, понизив голос до еле слышного шепота. – Я же говорю, эти копы не прочь со мной расправиться.

– Я думаю, они просто блефуют, однако...

– Легко вам говорить, – перебил Глэдден.

– ...Однако, – продолжил Краснер, – я не собираюсь рисковать. Слушайте меня, мистер Брисбейн, вот как мы поступим. Я не могу вытащить вас прямо сегодня, но попробую сделать несколько звонков и постараюсь добиться для вас статуса К-девять. С вами все будет в порядке.

– Это еще что за штука?

– Это особый режим заключения, который используется в отношении информаторов и в случаях особой важности. Я позвоню в тюрьму и скажу, что вы – информатор в одном деле федерального значения в Вашингтоне.

– Неужели это не станут проверять?

– Разумеется, станут, но сегодня уже слишком поздно, чтобы докопаться до истинного положения вещей. Вам дадут статус К-девять и поместят в отдельную камеру, а завтра, когда обнаружится, что произошла ошибка, вы будете уже в суде или, смею надеяться, на свободе.

– Отличный ход, мистер Краснер.

– Да, Гарольд, но, к сожалению, впредь я не смогу больше пользоваться этой возможностью. Так что, боюсь, мне придется увеличить сумму гонорара, о которой мы только что договаривались, чтобы компенсировать потерю.

– По рукам, и пусть деньги вас не беспокоят. Я могу без задержки достать шесть «косых». Если вытащите меня, то все, что останется после расчета с поручителем, – ваше. По-моему, это справедливо.

– Договорились. А теперь еще один момент. Вы упомянули о необходимости задержать проверку отпечатков пальцев. Я должен знать об этом как можно больше, чтобы с чистой совестью делать перед судом любые заявления.

– Я мог бы сообщить кое-какие сведения, если вы будете настаивать, однако не думаю, что нам стоит вдаваться в подробности.

– Понимаю.

– Когда состоится слушание моего дела?

– В первой половине дня, ближе к обеду, но не беспокойтесь. Сразу после звонка в тюрьму насчет вашего статуса я договорюсь, чтобы вас отправили в Санта-Монику с первым же автобусом. Лучше ждать в суде, чем в Бискайлусе.

– Я впервые в этих местах и не знаю...

– Простите, мистер Брисбейн, я вынужден вновь поднять финансовый вопрос. Боюсь, что вся сумма будет нужна мне до того, как я завтра попаду в суд.

– У вас есть счет в банке?

– Да.

– Тогда скажите мне его номер, и утром я переведу деньги по телеграфу. Кстати, смогу ли я звонить по межгороду из камеры, если мне присвоят этот самый статус К-девять?

– Нет, вам придется позвонить ко мне в контору. Я предупрежу Джуди, чтобы она ожидала вашего звонка. Секретарша наберет номер, который вы укажете, и соединит вас с абонентом напрямую. Это непременно сработает. Не беспокойтесь, я так делал уже не раз.

Потом Краснер продиктовал номер своего счета для телеграфных переводов, и Глэдден зафиксировал его в памяти, используя специальную методику запоминания, которой обучил его Гораций.

– Вам будет гораздо спокойнее, мистер Краснер, если вы уничтожите все записи об этом телеграфном переводе и зарегистрируете деньги, как если бы они были внесены наличными на ваш банковский счет.

– Понимаю. Так и поступим. Что-нибудь еще?

– Да. Войдите в сеть и оставьте сообщение о том, что случилось. Пусть остальные держатся от карусели подальше.

– Будет сделано.

Повесив трубку, Глэдден прислонился спиной к стене и стал медленно сползать вниз, пока не оказался сидящим на полу. Смотреть на заключенного напротив он избегал. Неожиданно Глэдден обратил внимание, что наркоман на полу перестал храпеть, и подумал, уж не помер ли тот от передоза, но спящий вдруг шевельнулся. Несколько минут Глэдден обдумывал, не обменяться ли с ним пластмассовыми браслетами. Тогда утром его спокойно выпустят и не придется тратить на адвоката и вносить залог.

Нет, решил он. Пожалуй, риск чересчур велик. Во-первых, сидевший напротив него парень действительно походил на переодетого копа, а во-вторых, разлегшийся на полу наркоман мог оказаться постоянным нарушителем порядка и частым гостем в суде. Никогда нельзя знать заранее, что скажет судья. Лучше положиться на Краснера, тем более что пройдоха-адвокат, похоже, знает, что делает. К тому же фамилию и телефон он выбрал не из справочника, а из списков абонентов их сети.

И все же шесть тысяч долларов не давали Глэддену покоя. Судебная система таки доведет его до разорения. Шесть тысяч долларов, и за что? Что он такого сделал?

Глэдден машинально сунул руку в карман в поисках сигарет, но вспомнил, что курево у него отобрали. Это обстоятельство заставило его почувствовать еще более сильный гнев, к которому примешивалась непреодолимая жалость к себе. На каком основании общество преследует его, ведь он нисколько не виноват в том, что его инстинкты и желания не такие, как у всех? Почему же никто не хочет этого понять?

Глэдден пожалел, что у него нет с собой портативного компьютера. Его тянуло пообщаться сейчас с кем-нибудь в сети – с человеком, который бы его понимал. В камере ему было одиноко и неудобно. Если бы не парень, который продолжал пялиться на него от противоположной стены, он бы, наверное, заплакал. Нет, он не станет показывать свою слабость: ни перед ним, ни перед кем-либо другим.

Глава 8

Просмотрев оба дела, я долго потом не мог заснуть. Фотографии с места происшествия не давали мне покоя. Тереза и Шон – оба они навечно застыли в жутких позах, и оба оказались в конце концов в серых казенных конвертах. Мне хотелось вернуться назад, выкрасть снимки и сжечь их. Я не мог допустить, чтобы их увидел кто-нибудь еще.

Утром я сварил кофе и, включив компьютер, соединился с корпоративной сетью «Роки-Маунтин ньюс», чтобы узнать, нет ли каких сообщений для меня лично. Ожидая, пока система примет пароль, я проглотил пригоршню кукурузных хлопьев из пакета. Надо сказать, что я держу ноутбук и принтер на обеденном столе не только для удобства, хотя довольно часто использую их во время еды; сидеть за столом, двигая челюстями и размышляя, сколько лет я уже обедаю в одиночестве, бывает порой невыносимо тяжело.

Квартирка у меня совсем маленькая и скромная, с одной спальней. Я обитаю в ней вот уже десятый год и за это время ни разу не менял мебель. В целом неплохо, жить можно, хотя и не бог весть что.

Кто был у меня в гостях в последний раз (за исключением, разумеется, Шона), я вспомнить не мог. Случается, конечно, что я провожу время с женщинами, но никого из них я сюда не приводил. Впрочем, и женщин у меня тоже было немного.

Когда я только въехал в эту квартиру, мне казалось, что я проживу тут года два, не больше, а потом непременно куплю дом, женюсь и, может быть, даже заведу кошку или собаку, однако планам этим сбыться было не суждено, уж и не знаю почему. Должно быть, во всем виновата моя работа. Во всяком случае так я объясняю это самому себе. Вся моя энергия и силы уходят на репортерскую деятельность, и свидетельством тому могут служить кипы газет, в которых печатались мои статьи, сложенные в каждой комнате. Мне нравится перечитывать их, и я берегу старые пожелтевшие выпуски «Роки-Маунтин ньюс». Если мне случится отдать концы дома, то те, кто придет за мной и отыщет меня среди бумажного хлама, решат, что перед ними один из старьевщиков, о которых я сам когда-то писал. Эти типы умирают в своих каморках, до потолка забитых старыми газетами, на матрасах, куда зашты их сбережения. И наверняка никто даже не догадается порыться в газетах в поисках моих сочинений.

На экране компьютера наконец появилась пара сообщений. Самое последнее было от Грегга Гленна – главный интересовался, как идут у меня дела. Послание было отправлено вчера в 18:30, и я почувствовал нарастающее раздражение. Только в понедельник утром Гленн утвердил тему, а в тот же день вечером уже торопился узнать, есть ли у меня что-нибудь стоящее. В переводе с редакторского языка вопрос «Как дела?» означал «Где статья?».

«Да пошел он к черту», – решил я и отстучал ответ, в котором извещал шефа, что понедельник провел в полиции и убедился: мой брат действительно совершил самоубийство. Таким образом я обосновывал запланированный мною переход к исследованию причин самоубийств среди копов и того, насколько часто это случается.

Сообщение, предшествовавшее посланию Гленна, было из нашей редакционной библиотеки от Лори Прайн. Оно также было отправлено в понедельник, но на пару часов раньше и состояло из единственной строчки: «Нарыла любопытную информацию и оставила ее на столе».

Лори я послал подробный ответ: поблагодарил за оперативность, извинился – сославшись на неотложные дела в Боулдере – за то, что не смог приехать, и заверил, что непременно постараюсь забрать материал как можно скорее. В глубине души я подозревал, что Лори испытывает ко мне определенный интерес, хотя наше с ней общение никогда не выходило за рамки служебных отношений. Мне казалось, что в подобных случаях необходимо быть уверенным, и если действовать, то предельно осторожно. Раздавая авансы направо и налево, можно быстро остыть

к своему предмету, особенно если тебя встречают с распростертыми объятиями. Если же ты ошибся, то можешь ожидать как минимум жалобы в отдел кадров, и иди потом доказывай, что ты не верблюд. По мне, так лучше и вовсе избегать любовных походов по месту работы.

Покончив с неотложными делами, я просмотрел последние сообщения «Юнайтед пресс интернэшнл» и Ассошиэйтед Пресс, надеясь узнать, что у нас новенького. В глаза мне бросилась статья о враче, которого подстрелили у дверей женской консультации в Колорадо-Спрингс. Активист движения против абортот был задержан, но доктор пока жив. Я сделал себе электронную копию этой статьи и занес файл в каталог перспективных тем, хотя уже знал, что вряд ли стану ее разрабатывать, если только пострадавший не скончается в мучениях.

Кто-то постучал в дверь, и я глянул в глазок, прежде чем отпереть замок. Это была некая Джейн, жившая этажом ниже. Мы познакомились примерно год назад, когда она переезжала в наш дом и попросила меня помочь внести мебель. Мой рассказ о том, что я работаю репортером в газете, явно впечатлил Джейн: ха, знала бы она, что это такое на самом деле! Потом мы дважды сходили в кино, один раз вместе поужинали и еще как-то провели день в Кейстоуне, катаясь на лыжах; однако это были все наши совместные вылазки за тот год, что она жила рядом со мной, и я сомневался, что из этого выйдет что-нибудь путное. В данном случае, однако, нерешительность проявлял именно я. Джейн казалась привлекательной девушкой, но ее красота как-то не вязалась с домашним уютом. Я же был в достаточной степени бродячим котом, чтобы это могло понравиться мне в ком-нибудь еще.

– Привет, Джек. Увидела в гараже твою машину и поняла, что ты вернулся. Как поездка?

– Неплохо. Во всяком случае я рад, что вырвался из Денвера.

– Небось на лыжах катался?

– Немного. Главным образом в Теллурайде.

– Звучит неплохо. Кстати, хотела тебе предложить, но не успела: если опять куда-то соберешься, я могла бы поливать твои комнатные растения или забирать почту. Только скажи.

– Спасибо за предложение, только у меня нет никаких комнатных растений. Я не держу цветов, потому что довольно часто не ночую дома. Работа такая.

Сказав это, я обернулся через плечо, словно для того, чтобы удостовериться в правильности своих слов. Наверное, мне следовало пригласить Джейн на чашечку кофе, но вместо этого я спросил:

– Ты, наверное, торопишься на службу?

– Да.

– Я тоже, так что извини – мне нужно бежать. Давай как-нибудь, когда все утрясется, сходим в кино или пообедаем вместе?

Мы оба любили фильмы с участием Де Ниро. Это была единственная вещь, которая нас объединяла.

– Отлично. Позвони мне, когда будешь свободен.

– Обязательно.

Закрыв дверь, я вернулся на кухню, упрекая себя за то, что не пригласил девушку войти. Когда я закрывал крышку ноутбука, на глаза мне попала стопка бумаги толщиной с дюйм, лежавшая рядом с принтером, – мой неоконченный роман. Я начал работать над ним больше года назад, однако конца ему все еще не было видно, и я сомневался, допишу ли я его вообще. Предполагалось, что роман будет о литераторе, который попадает в аварию на мотоцикле и, получив паралич всех четырех конечностей, нанимает на средства от страховки прелестную молодую женщину, студентку местного университета, чтобы она печатала на машинке текст, который он будет ей надиктовывать. Вскоре, однако, горе-писатель обнаруживает, что машинистка по своему усмотрению редактирует и перекомпоновывает все сказанное им. Кроме того, ему открывается нелицеприятная правда: молодая женщина пишет гораздо лучше, чем он. Проходит некоторое время, и бедняга уже ничего не диктует, а только молча сидит и слушает,

как стучит печатная машинка. Из творца он становится пассивным наблюдателем, и ему все сильнее хочется задушить девицу своими собственными руками, но руки не слушаются. Словом, сущий ад...

Так или иначе, черновики оставались на столе, и время от времени я испытывал искушение взяться за них снова. До сих пор не понимаю, почему я не убрал их в нижний ящик стола, где пылился еще один незаконченный роман, начатый несколькими годами раньше и тоже брошенный на полпути. Наверное, подсознательно мне хотелось, чтобы рукопись лежала на видном месте, стимулируя новые позывы к творчеству.

Когда я пришел на работу, отдел новостей «Роки-Маунтин ньюс» был еще пуст и безлюден. Разумеется, утренний редактор и пара ранних пташек из числа хроникеров уже торчали за своими столами, однако, кроме них, я никого не встретил. Большинство наших сотрудников обычно начинают подтягиваться часикам к девяти, а то и позже.

Первую остановку я сделал в кафетерии, подкрепившись там еще одной чашечкой кофе, а затем заглянул в библиотеку, где меня ожидал толстый конверт с моим именем, небрежно написанным сверху. Вознамерившись поблагодарить Лори, я обнаружил, что ее стол пуст; очевидно, мисс Прайн тоже пока не прибыла на работу.

Вернувшись в отдел новостей, я бросил взгляд через прозрачную стенку в кабинете главного. Гленн был уже на месте и, как всегда, говорил по телефону. В общем-то, он не был мне нужен, и я взялся за свою обычную рутину, просматривая поочередно свежие номера «Роки-Маунтин ньюс» и «Пост».

Мне всегда нравилось наблюдать перипетии борьбы двух ведущих денверских газет. Если бы я вел статистику, то перевес по очкам давали бы, наверное, только эксклюзивные статьи и обзоры, так как в остальном наши гиганты писали, как правило, об одном и том же (и почти одними и теми же словами). Образно говоря, это была затяжная позиционная война, хотя в реальности ее сомневаться не приходилось.

Обычно я читал нашу статью, потом статью конкурентов и пытался разобраться, чья написана лучше, кто сумел копнуть глубже и добыть больше информации. При этом я старался судить беспристрастно, и по большей части это удавалось мне без особого труда. Кое-кто из тех, кто работал рядом со мной, еле-еле тянул ляжку, и я только радовался, когда «Денвер пост» удавалось лягнуть их в жирный зад. Впрочем, в подобных мыслях я вряд ли когда-нибудь признался бы добровольно.

Таков был характер нашего соперничества и самого газетного бизнеса. Мы конкурировали не только с другими изданиями, но и друг с другом в пределах «Роки-Маунтин ньюс»; именно этим, кстати, и объяснялось повышенное внимание к моей персоне, которое я ощущал всякий раз, заходя в отдел новостей. Конечно, для некоторых молодых репортеров я был почти героем, обладающим незаурядным талантом, написавшим кучу статей и всегда имеющим наготове пару-тройку сенсаций. Для других же я, несомненно, оставался бельмом на глазу, таким зарвавшимся наемным писакой, незаслуженно занимающим тепленькое местечко под крылом редактора. Или динозавром, которого давным-давно пора завалить. Я нисколько не обижался на коллег: такие чувства были мне понятны и, окажись я на их месте, навряд ли и сам бы думал иначе.

Денверские газеты поставляли материал более крупным ежедневным изданиям в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Чикаго и Вашингтоне, и я, наверное, слишком засиделся на одном месте. Правда, несколько лет назад меня пригласили в «Лос-Анджелес таймс», но я отказался, правда не раньше, чем использовал сей факт в качестве инструмента давления на Гленна, желая получить свое нынешнее место обозревателя криминальной хроники и специалиста по убийствам. Гленн тогда решил, что мне предлагают горячую работенку по полицейским материалам, и с перепугу пообещал ввести такую же штатную единицу в «Роки-Маунтин ньюс», если

я останусь. Он не знал, что мои перспективы в «Лос-Анджелес таймс» были куда скромнее: там мне светило всего лишь место в еженедельном приложении, которое называлось «Новости долины».

Иногда мне казалось, что, поддавшись на уговоры Гленна, я совершил ошибку. Возможно, начав с нуля где-нибудь в другом месте, я поступил бы правильнее.

Как бы то ни было, но сегодняшним утром поле боя осталось за нами, и, отложив газеты, я взялся за чтение полученных из библиотеки материалов. Лори Прайн разыскала для меня несколько обзорных статей в газетах, где анализировались самоубийства среди полицейских, а также несколько информационных сообщений об отдельных случаях, имевших место в разных штатах. При этом я отметил, что Лори хватило такта не включать в распечатку сообщение «Денвер пост» о смерти Шона.

В большинстве аналитических статей самоубийство рассматривалось как профессиональный риск, как неотъемлемая составляющая работы полицейского. Каждая из них начиналась с описания какого-то конкретного случая и постепенно превращалась в дискуссию между врачами-психиатрами и полицейскими экспертами о том, что же заставляет копов время от времени хвататься за револьвер и дырявить себе башку. Выводы везде были примерно одинаковыми: существует причинно-следственная связь между профессиональными стрессами и определенного рода событиями, глубоко травмирующими психику копов, с одной стороны, и их самоубийствами – с другой.

Эти статьи представляли определенную ценность, так как в них были упомянуты все специалисты, которые могли понадобиться мне в качестве авторитетных источников информации. Кое-где я также нашел упоминание о специальном исследовании случаев суицида среди сотрудников правоохранительных органов, проводившемся под эгидой ФБР в Вашингтоне в некоем НИИ под названием Фонд поддержки правопорядка. Я сделал себе соответствующие пометки, рассчитывая либо в этом фонде, либо в самом Федеральном бюро раздобыть последнюю и самую полную статистику, которая надлежащим образом освежит мою статью и придаст ей солидность.

Зазвонил телефон. Это была мама, с которой мы ни разу не общались с самых похорон. После нескольких вежливых вопросов о моей поездке в горы и о том, как вообще идут дела, она наконец перешла к тому, ради чего ей пришлось совершить над собой усилие и набрать мой служебный номер.

– Рили сказала, что ты собираешься писать о Шоне.

Это не был вопрос, однако я ответил на него:

– Да, собираюсь.

– Но зачем, Джон?

Пожалуй, она одна звала меня Джоном.

– Потому что я должен это сделать. Видишь ли... я не могу продолжать жить спокойно, делая вид, будто ничего не случилось. Мне необходимо, по крайней мере, попытаться понять...

– Помнишь, ты всегда разбирал свои игрушки, когда был маленьким? Не осталось ни одной целой, все разломал.

– Ну ты и вспомнила! Это ведь когда было...

– Я хотела только сказать, что, разобрав игрушку, ты не всегда мог собрать ее. И что в результате у тебя осталось? Ничего, Джонни, ни-че-го...

– Но, мама, как ты не понимаешь? Я обязан это сделать.

Просто удивительно: ну почему, разговаривая с матерью, я всегда так легко выхожу из себя?

– А тебе не пришло в голову подумать и о других, не только о себе? Неужели не ясно, что если эта история попадет в газеты, то кое-кому будет очень и очень больно?

– Ты имеешь в виду папу? По-моему, такая статья, наоборот, сможет даже помочь ему.

В трубке воцарилась тишина, и я представил, как мать сидит на кухне и прижимает к уху мокрую от слез телефонную трубку. Отец, наверное, сидит напротив и смотрит на нее испуганными глазами, боясь разговаривать со мной.

– Полагаешь, мне следует действовать как-то иначе? – спросил я спокойно. – У тебя есть какие-то другие предложения?

– Разумеется, нет, – грустно отозвалась мама.

Снова последовало молчание, и наконец я услышал ее последнюю мольбу:

– Сперва хорошенько подумай, Джон. Не стоит выставлять наши раны напоказ.

– Как в случае с Сарой?

– Что ты хочешь сказать?

– Вы оба носили это в себе и никогда ни с кем не обсуждали то, что произошло... Даже со мной.

– Джон, я не могу говорить об этом сейчас.

– Ты никогда не можешь. Это продолжается вот уже двадцать два года.

– Прошу тебя, не надо иронизировать над такими вещами.

– Прости. Не буду.

– Подумай над тем, о чем я тебя просила.

– Хорошо, – сказал я. – Я вам позвоню.

Она повесила трубку, злясь на меня почти так же сильно, как я на нее. То, что мать возражала против статьи о Шоне, раздражало меня: она вела себя так, словно бы продолжала любить его сильнее меня и оберегать. Но Шон умер, а я был еще жив.

Я выпрямился на стуле и заглянул за звукопоглощающие перегородки, окружавшие мой стол. Помещение начинало постепенно наполняться сотрудниками. Гленн вышел из своего кабинета и теперь беседовал с дежурным редактором из отдела городских новостей по поводу первой полосы, где должна была появиться статья, посвященная злосчастному абортмахеру. Я поспешно пригнулся, чтобы меня не заметили и не посадили обрабатывать это сообщение. У нас это называлось «расписывать», и я по мере возможности уклонялся от подобных заданий, хотя технология была довольно простой. На место происшествия или в район катастрофы выпускали целую свору репортеров, каждый из которых потом звонил мне и сообщал, что ему конкретно удалось узнать. А потом я садился за работу и начинал срочно создавать для газеты нечто сенсационное, одновременно ломая голову, чьим именем все это подписать. Строго говоря, я не знаю других примеров, где суть газетного бизнеса – быстрота и натиск – представляла бы более отчетливо и ясно, однако сам я на такой работе выгорал буквально дотла. Гораздо больше мне нравилось писать свои собственные обзоры, где я был сам себе хозяин.

Я готов был уже спуститься со своей распечаткой в кафетерий – лишь бы скрыться с глаз начальства, – однако в конце концов решил рискнуть и остался на месте, снова погрузившись в чтение.

Самым интересным оказался материал, который пять месяцев назад опубликовали в «Нью-Йорк таймс». Удивляться тут не приходится: эта газета всегда была для журналистов эталоном и примером для подражания. Я даже, начав читать статью, отложил ее в сторону, приберегая на десерт, словно сладкое. Проглядев все остальные источники, я сходил за еще одной чашечкой кофе и только потом – с удовольствием и не спеша – принялся перечитывать материал из «Нью-Йорк таймс».

Опорной конструкцией, на которой все держалось, были суициды трех лучших нью-йоркских полицейских, произошедшие один за другим в течение полутора месяцев. На первый взгляд могло показаться, что все они абсолютно не связаны между собой. Самоубийцы даже не были знакомы, однако все трое пребывали в угнетенном состоянии, которое в газете было метко названо «полицейской депрессией». Двое застрелились у себя дома, а третий повесился

на темной аллее городского парка, причем проделал он это буквально на глазах у шестерых обширившихся наркош, едва не откинувших со страха копыта.

В статье подробно освещался ход каждого дознания, которое производилось полицией с привлечением возможностей ФБР, в частности отдела по психологическому моделированию поведения, а также Фонда поддержки правопорядка, который уже упоминался прежде в других материалах. Несколько раз я наткнулся на цитаты, приписывавшиеся директору данного НИИ, некоему Натану Форду, и занес это имя в свою записную книжку, прежде чем двигаться дальше. Форд утверждал, что его организация изучила все случаи самоубийств среди полицейских за последние пять лет, пытаясь вычленить то общее, что их объединяет. По его мнению, основной проблемой была невозможность заранее определить, насколько психологически устойчив тот или иной человек, дабы противостоять «полицейской депрессии». К сожалению, это заболевание можно диагностировать только в случае, если сотрудник сам обратится за помощью, и тогда курс психокоррекции наверняка поможет ему вернуться в строй. Форд заявил также, что целью всего проекта является создание обширной статистической и информационной базы и разработка методических указаний и тест-таблиц, с помощью которых руководители на местах смогут выявлять страдающих депрессией полицейских до того, как будет слишком поздно.

Статья в «Таймс» состояла из двух частей, и во второй рассказывалось о случае годичной давности, происшедшем в Чикаго. Тогда офицер полиции сам обратился за помощью, однако спасти его не удалось.

С тяжелым сердцем читал я этот материал: полицейский Джон Брукс, детектив из Чикаго, начал посещать врача-психотерапевта после того, как следствие по делу, которым он занимался, зашло в тупик. Расследовал же он похищение и убийство двенадцатилетнего мальчика по имени Бобби Сmaterс, чей изуродованный труп после двух дней поисков был обнаружен на заснеженной лесной поляне неподалеку от зверинца в Линкольн-парке. Мальчик был задушен, а на руках у него не хватало восьми пальцев.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что пальцы были отрублены до того, как наступила смерть. Очевидно, именно это обстоятельство, равно как и собственная неспособность установить и обезвредить преступника, слишком сильно повлияли на Брукса.

Детектив Джон Брукс, опытный следователь, воспринял смерть голубоглазого, не по годам развитого мальчугана необычайно тяжело. Когда коллеги и начальство заметили, что состояние Брукса начинает сказываться на качестве его работы, ему было предложено взять месячный отпуск и начать лечение у доктора Рональда Кантора, врача-психоаналитика, которого рекомендовал штатный психолог Управления полиции Чикаго.

Согласно заявлению доктора Кантора, на первых сеансах мистер Брукс открыто говорил о желании покончить с собой и упоминал о преследовавших его кошмарах, когда ему снилось, будто он слышит, как несчастный мальчик кричит от боли и ужаса.

После четырех недель лечения (за это время в общей сложности состоялось двадцать психотерапевтических сеансов) доктор Кантор одобрил возвращение Брукса на работу в отдел по расследованию убийств. По всем признакам психика детектива вполне восстановилась и функционировала нормально: во всяком случае он без труда справился с несколькими новыми делами об убийствах, которые были возбуждены в его отсутствие. В беседах с друзьями Брукс утверждал, что кошмары, преследовавшие его, прекратились. Казалось, все вернулось в норму, и Попрыгунчик Джон – такое прозвище Брукс получил в управлении благодаря своей неумной энергии – возобновил попытки найти убийцу Бобби Сmaterс.

Однако долгой и холодной чикагской зимой в душе полицейского произошел надлом, который проглядели и коллеги, и врачи. Тринадцатого марта – в день, который мог стать тринадцатым днем рождения Бобби, – Брукс сидел дома в своем любимом кресле и сочинял стихи: он не раз говорил, что это хобби помогает ему отвлечься от работы. Как было установлено впоследствии, перед этим он принял две таблетки перкоцета, остававшиеся в его домашней аптечке после лечения ранения, которое детектив получил год назад. Однако в своей тетради Брукс написал только одну строчку; затем он вставил в рот ствол табельного пистолета и нажал на спусковой крючок. Тело детектива обнаружила вернувшаяся с работы жена.

Смерть мистера Брукса отняла его у близких и друзей, но многочисленные вопросы остались. Как это могло произойти? Почему никто не заметил никаких признаков надвигающейся беды? Даже доктор Кантор в ответ только сокрушенно качал головой, не в силах что-либо объяснить.

«Человеческий разум, – сказал врач-психоаналитик, оставшись в тиши своего кабинета наедине с нашим корреспондентом, – это удивительный, непредсказуемый и подчас опасный механизм. Я уверен, что мы вместе с Джоном продвинулись в лечении довольно далеко, однако теперь становится очевидным, что до конца мы так и не добрались».

Психоаналитик прав: гибель Брукса в определенной степени остается для окружающих загадкой. Удивительной была даже его прощальная записка – последняя в его жизни строчка не проливает почти никакого света на причины, которые заставили детектива выстрелить в себя.

«Сквозь бледную дверь, за которой Беда...» – вот каковы были последние написанные им слова, однако мистер Брукс не сам придумал их, но позаимствовал у Эдгара Аллана По. В своем стихотворении «Заколдованный замок», которое впервые появилось в одном из самых известных рассказов По «Падение дома Ашеров», знаменитый американский поэт писал:

И путники видят в том крае туманном,
Сквозь окна, залитые красною мглой,
Огромные формы в движении странном,
Диктуемом дико звучащей струной.
Меж тем как, противные, быстрой рекою,
Сквозь бледную дверь, за которой Беда,
Выносятся тени и шумной толпою,
Забывши улыбку, хохочут всегда³.

Неизвестно, что означали эти строки для мистера Брукса, однако даже людям, далеким от психиатрии, очевидно, что в них содержится меланхолический императив, возможно подтолкнувший детектива завершить последний акт трагедии выстрелом.

Между тем убийство Бобби Сматерса остается нераскрытым. Коллеги Джона Брукса из отдела по расследованию тяжких преступлений продолжают работу в этом направлении, считая, что отныне их долг добиваться справедливости в отношении уже не одной, а двух жертв.

³ Перевод К. Бальмонта.

«Я уверен, что это двойное убийство, – заявил нашему корреспонденту Лоренс Вашингтон, детектив, который вырос вместе с Бруксом и был его напарником по службе. – Кто бы ни прикончил мальчишку, он же разделался и с Попрыгунчиком Джоном. И никто не убедит меня в обратном».

Я выпрямился и огляделся. Никто не обращал на меня внимания. Тогда я еще раз просмотрел вторую часть статьи. Я был потрясен едва ли не больше, чем в тот день, когда Векслер и Сент-Луис приехали за мной в редакцию. Сердце оглушительно стучало, грудь сковало холодом, а желудок словно бы наполнился колотым льдом. Впившись глазами в одну фразу, я снова и снова перечитывал ее: Эдгар Аллан По, рассказ «Падение дома Ашеров»... Я хорошо помнил содержание, поскольку читал его и в школе, и в колледже. Одного из героев этого произведения звали Родерик Ашер.

Я открыл записную книжку и просмотрел немногочисленные заметки, которые сделал в понедельник, после того как расстался с Векслером, ознакомившись с делом Терезы Лофтон. Это имя мне уже определенно встречалось, Шон занес его в хронологические отчеты о следственных мероприятиях. Последняя запись, сделанная его рукой, гласила: «РАШЕР».

Я быстро набрал номер редакционной библиотеки и спросил Лори Прайн.

– Лори, это...

– Да, Джек. Я тебя узнала.

– Слушай, мне необходимо кое-что срочно выяснить. Правда, я даже не знаю, как правильно сформулировать запрос...

– Тогда просто объясни, в чем дело. Что именно тебя интересует?

– Эдгар Аллан По, – выпалил я. – Есть у тебя что-нибудь о нем?

– Конечно. Я уверена, что у нас полно биографических сведений, и я могла бы...

– Нет, меня интересуют его стихи и рассказы. Особенно «Падение дома Ашеров». И прости, что я тебя перебил.

– Ничего страшного, Джек. Гм... Затрудняюсь сказать насчет его произведений. По моему, все, что у нас есть, это биографический очерк, но я должна посмотреть. Если ничего нет, не расстраивайся. Ты найдешь все необходимое в ближайшем книжном магазине.

– Спасибо. Тогда я сейчас сбегаю в «Рваную обложку».

Я готов был уже положить трубку, когда Лори вдруг сказала:

– У меня только что появилась идея. Если тебе нужна цитата или что-то в этом роде, то у нас в архиве есть справочник на лазерном диске. Я могла бы посмотреть там, это не займет много времени.

– Отлично.

Она положила трубку рядом с аппаратом, и мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем я снова услышал ее голос. В ожидании я снова перечитал статью «Таймс». Мысль, пришедшая мне в голову, выглядела довольно смелой, однако не могло же все это быть простыми совпадениями: сходные обстоятельства смерти моего брата и Джона Брукса, а также фамилия «РАШЕР» и имя персонажа известного рассказа – Родерик Ашер.

– В общем, так, Джек. – Лори Прайн вновь взяла трубку. – Я только что проверила картотеку. У нас, к сожалению, нет ни одной книги Эдгара По. Остается только лазерный диск, поэтому давай попробуем обойтись им. Итак, что ты ищешь?

– По написал стихотворение «Заколдованный замок», которое включил в свой рассказ «Падение дома Ашеров». Ты можешь его найти?

Лори не ответила, но я слышал, как она стучит по клавиатуре компьютера.

– Имеется подборка избранных цитат из рассказа и из стихотворения. Но объем довольно большой. Что конкретно тебя интересует?

– Есть там строчка «Вне границ и вне времен»?

– Вне границ? Вне времен?

- Да, только я не уверен насчет знаков препинания.
- Это не важно.
- Я снова услышал в трубке потрескивание клавиатуры.
- Нет, Джек. В этой подборке такой строки нет.
- Черт!
- Я не знал, почему вдруг сорвался, и это обеспокоило меня.
- Но это строка из другого стихотворения!
- Что? И его тоже написал По?
- Да. Стихотворение называется «Страна снов». Хочешь, прочту? Компьютер выдал целые строфы, в которые входит твоя цитата.
- Читай.
- Хорошо. Правда, я не очень хорошо умею декламировать, но слушай. Сам попробуйся... Итак:

Дорогой мрачной, одинокой,
Лишь ангелам больным знакомой,
В тот край, где правит ночью черной,
Воссев на троне, Эйдолон,
Явился я, пришелец ранний,
Из мира странной, дикой тайны,
Из отдаленных и великих
Пределов сумрачных и тихих,
Что вне границ и вне времен.

Вот так. Ага, здесь есть еще примечание редактора: Эйдолон – это значит «фантом», «призрак».

Я утратил дар речи.

– Эй, Джек? Ты там, случайно, не умер?

– Прочитай, пожалуйста, еще раз. Только помедленнее.

Я переписал стихотворение в свою записную книжку. Можно было, конечно, попросить Лори распечатать его, а потом прийти и забрать, однако мне не хотелось трогаться с места. Хоть на несколько минут, но мне необходимо было остаться наедине с тем, что мне открылось.

– А в чем дело, Джек? – спросила меня Лори, дочитав строфу до конца. – Мне кажется, это стихотворение тебя очень взволновало.

– Я еще и сам не знаю, в чем дело. Извини, мне нужно бежать. – И я дал отбой.

В следующее мгновение я почувствовал, как меня словно бы обволакивает горячим паром. Окружающее давило, стены смыкались, я почти задохнулся, хотя помещение отдела новостей было довольно просторным. Сердце захлебывалось тягучей кровью, а сквозь розовый пузырящийся туман перед глазами пронеслось видение – Шон на залитом кровью переднем сиденье «шевроле».

Гленн снова разговаривал с кем-то из своего кабинета, и я, без церемоний зайдя внутрь, уселся напротив него. Шеф указал мне глазами на дверь и дернул головой, очевидно намекая, чтобы я подождал снаружи, пока он закончит. Но я не двинулся с места. Главный снова кивнул в сторону выхода, и я отрицательно покачал головой.

– Послушай, у меня тут возникло одно срочное дело, – проговорил он в трубку. – Может быть, я перезвоню попозже? Отлично. Ну пока.

Он повесил трубку и повернулся ко мне.

– Что стряслось?

– Мне нужно поехать в Чикаго, – нагло заявил я. – Лучше всего – прямо сегодня. Потом, вероятно, придется слетать в Вашингтон и еще в Куантико, что в штате Виргиния. Я хочу установить контакт с ФБР и запросить у них кое-какую информацию.

На Гленна мой рассказ не произвел никакого впечатления.

– «Вне границ и вне времен»? – переспросил он. – Послушай, Джек, подобные слова вполне могут возникнуть в мозгу у каждого, кто решается на самоубийство. Тот факт, что аналогичная строчка встретила в стихотворении, написанном каким-то психически больным малым сто пятьдесят лет назад, еще ничего не означает. Как и то, что еще один коп-самоубийца процитировал в последнем письме строки того же поэта, взятые из другого стихотворения. Пойми меня правильно, но это, скорее всего, простое совпадение. В любом случае обнаруженные тобой факты вряд ли указывают на то, что ты вот-вот разоблачишь заговор врагов Отечества.

– А как насчет Рашера и Родерика Ашера? Налицо тройное совпадение, а ты считаешь, что это не стоит даже проверять.

– Я не сказал, что это не стоит проверять, – возразил Гленн, повысив голос, что не сулило ничего хорошего. – Разумеется, ты должен проверить это, и тщательно. Но – по телефону. Я не могу отправить тебя в командировку по всей стране на основании того, что ты тут наплел.

Он раздраженно крутанулся на своем кресле, чтобы проверить, нет ли каких срочных сообщений на экране его персонального компьютера. Но монитор оказался пуст, и Гленн снова повернулся ко мне.

– Что ты скажешь о мотивах?

– В смысле? – растерялся я.

– Кому потребовалось убивать сначала того парня в Чикаго, а потом и твоего брата? Я не вижу в этом смысла. И как вышло, что полиция проглядела улики?

– Этого я не знаю.

– Но ты же провел в полицейском управлении почти целый день, ты изучал досье. Как получилось, что убийца провернул все так, что о его участии в этом деле никто даже не догадался? К тому же мне сдается, что когда ты приходил сюда вчера, ты тоже был убежден, что имеет место суицид. Неужто копы в обоих случаях абсолютно ничего не заподозрили?

– Я пока не могу ответить на эти вопросы. Чтобы во всем разобраться, мне нужно слетать в Чикаго и зайти в ФБР.

– Послушай, Джек, по-моему, ты и так неплохо устроился. Я даже не могу сосчитать, сколько раз репортеры приходили ко мне сюда и заявляли, что хотят занять твое место. Ты...

– Кто?

– О чем ты говоришь?

– Кто именно нацелился на мое место?

– Какая разница? В данный момент речь идет о другом. Давай поставим вопрос так: если ты сумеешь разобраться во всем здесь и выкопаешь что-нибудь убедительное – можешь ехать в любое место, куда тебе понадобится. Ты сам должен понимать, что я не имею права послать тебя в такую командировку, не согласовав ее с руководством в лице Неффа. Кроме того, у меня целый отдел репортеров, которые, глядя на тебя, тоже захотят отправиться в турне за счет фирмы, как только получат новое задание. Лично я, может, и не против, чтобы они иногда путешествовали по стране – это помогает поддерживать в сотрудниках заинтересованность, – однако в данном случае необходимо получить одобрение бухгалтерии, и я не могу санкционировать все командировки, которые кажутся моим подчиненным необходимыми и важными.

Я терпеть не мог подобные проповеди, к тому же мне казалось, что руководству в лице Неффа, то есть нашему генеральному директору, глубоко начхать, кого и куда именно Гленн

пошлет в командировку. Главное, чтобы материал в результате получился качественный. Моя статья обещала быть отличной. Гленн нес чушь и сам это прекрасно понимал.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда я возьму отпуск и слетаю в Чикаго за свой счет.

– После похорон ты уже использовал все, на что имел право по условиям контракта. Кроме того, ты не можешь болтаться по всей стране в качестве корреспондента «Роки-Маунтин ньюс», если у тебя не будет редакционного задания.

– А как насчет неоплачиваемого отпуска? Кто вчера говорил, что если мне необходима еще одна неделя, то это можно устроить?

– Я имел в виду время, чтобы прийти в себя, а не для того, чтобы мчаться через весь континент не пойми зачем. Кроме того, тебе известны правила. Я не смогу долго удерживать для тебя место. Если возьмешь отпуск за свой счет, то по окончании его может оказаться, что твое место криминального обозревателя уже занято кем-то другим.

Я хотел прекратить обсуждение на этой высокой ноте, но у меня не хватило смелости. Кроме того, я знал: для доступа к полицейским, научно-исследовательским, статистическим и прочим материалам необходимо, чтобы за моей спиной стояла газета. Без удостоверения представителя прессы я производил бы впечатление слегка спятившего родственника, на которого можно не обращать внимания.

– Для того чтобы оправдать твою поездку, Джек, мне нужно нечто большее, чем ты способен предъявить мне сейчас, – продолжил Гленн. – Газета не может оплачивать рыбалку на берегу Атлантики, нам нужны факты. Будь у тебя что-нибудь существенное, я, возможно, и разрешил бы тебе прокатиться в Чикаго. Что касается ФБР и этого НИИ, то данные вопросы ты определенно можешь решить по телефону. Если ничего не выйдет, то я попробую договориться со знакомым из вашингтонского пресс-бюро, чтобы он сходил туда вместо тебя.

– Но это мой брат погиб и это должна быть моя статья! Ты не можешь отдать ее никому другому.

Гленн поднял руку, успокаивая меня. Он и сам понимал, что его предложение несколько выходит за рамки журналистской этики.

– Тогда поработай пока с телефонами и приходи ко мне с чем-нибудь существенным.

– Ты соображаешь, что говоришь? Фактически ты сказал, что я никуда не поеду, пока не представлю тебе доказательств. Но ведь именно затем, чтобы добыть их, мне и нужна эта командировка!

Вернувшись на рабочее место, я открыл на компьютере новый файл и принялся заносить туда все, что мне было известно о смерти Терезы Лофтон и Шона. Все мельчайшие подробности из полицейских досье, которые только сумел припомнить. Телефон несколько раз принимался звонить, но я не брал трубку, а продолжал печатать. Если уж начинать, то с создания широкой информационной базы, которая со временем поможет мне оспорить выводы следствия. Гленн в конце концов заключил со мной сделку: если мне удастся убедить копов снова взяться за дело Шона, я поеду в Чикаго. Что касается визита в округ Колумбия, он предложил обсудить это позднее, но я знал: где Чикаго, там и Вашингтон.

Пока я печатал, посмертная фотография брата то и дело вставала перед моим мысленным взором. Это стерильное, лишенное всех признаков жизни лицо. Я поверил в невозможное, я почти предал Шона, и теперь мое ощущение вины стало еще острее. В машине был не манекен, а мой брат-близнец. В машине был я сам.

Глава 9

В конце концов мне удалось накопать четыре страницы отрывочных сведений, после чего я раздумывал над ними около часа. Мои умственные усилия вылились в шесть коротеньких строчек – вопросов, на которые нужно было найти ответы. Попутно я обнаружил одно любопытное обстоятельство: все зависит от точки зрения. Полиция, уверенная, в отличие от меня, в том, что произошло самоубийство, попросту не обратила внимания на некоторые детали. Хорошо зная Шона, копы решили, что дело Терезы Лофтон оказалось для него непосильным грузом. Люди, которые осматривали место происшествия и вели следствие, навиделись за свою карьеру всякого, а потому думали, что понимают, почему мой брат решил наложить на себя руки; небось у них и самих мелькали порой подобные мысли. Главная ошибка копов заключалась в том, что они изначально не сомневались в суициде. Но стоило лишь пройтись по обстоятельствам смерти Шона скептическим оком, как мне сразу бросилось в глаза все, что пропустили они.

Итак, я сидел за рабочим столом и в задумчивости изучал свои записи. Вот какие моменты меня заинтересовали.

Пенна: его руки?

Сколько времени прошло потом?

Векслер, Скалари – машина?

Обогреватель?

Замок?

Рили: перчатки Шона?

Рили можно было позвонить прямо сейчас. Я набрал номер и, когда после шести гудков никто не подошел, собирался уже положить трубку на рычаг, но тут она наконец ответила.

– Рили? Это Джек. Как твои дела? Может быть, я выбрал неудачное время?

– А когда оно было удачным? – Голос ее звучал так, как будто она выпила.

– Хочешь, чтобы я заскочил? Могу прямо сейчас.

– Нет, Джек, не надо. Я в порядке. Просто у меня сегодня выдался тяжелый день. Грустный... один из многих. Никак не могу избавиться от тягостных мыслей.

– Я тоже думаю о Шоне, Рилси.

– Тогда почему тебя не было рядом с ним, когда он... Прости, я и сама не знаю, что несу. Я некоторое время молчал.

– Трудно сказать, Рилси. Незадолго до этого мы вроде как поспорили, и я наговорил брату лишнего. А Шон... он тоже не остался в долгу. После той встречи мы некоторое время избегали друг друга. А потом... потом это произошло. Мы просто не успели восстановить наши отношения.

Мельком я подумал, что вот уже бог знает сколько времени я не называл невестку домашним прозвищем Рилси. Интересно, заметила она или нет?

– А из-за чего вы поспорили? Из-за той убитой девушки? Терезы Лофтон?

– Почему ты так думаешь? Шон тебе что-нибудь говорил?

– Нет, я просто предположила. Шон только о ней и думал, и мне показалось, что ты, возможно, тоже. Вот и все.

– Послушай, Рили, тебе лучше бы... Ты не должна заикливаться на своем горе. Постарайся думать о чем-нибудь хорошем, отвлечься.

– Это будет нелегко.

Я чуть не раскололся и не сказал ей, что у меня есть нечто, что могло бы облегчить ее боль, но сдержался. Слишком рано.

– Я понимаю, Рили, и, поверь, мне очень жаль... Эх, если бы я только знал, как тебе помочь.

Мы долго молчали. На том конце провода не слышно было вообще никаких звуков. Ни музыки, ни включенного телевизора. Интересно, что Рили делает дома одна?

– Мне сегодня звонила мама. Это ты рассказала ей о том, что я собираюсь сделать?

– Да. Мне показалось, она имеет право знать.

Я замолчал, не находя слов, чтобы поддержать разговор.

– Так что ты хотел, Джек? – спросила наконец Рили, первой прервав затянувшуюся паузу.

– Хотел задать один вопрос. Возможно, он покажется тебе неуместным, но все-таки...

Скажи, полицейские показывали тебе перчатки Шона? Или, может, они их не вернули?

– Перчатки?

– Да. Те, что он надел в тот день.

– Нет, я их не видела. Меня никто о них не спрашивал.

– А какие перчатки были у Шона?

– Кожаные. А почему тебя это интересует?

– Просто так. У меня тут возникли кое-какие идеи. Если это к чему-нибудь меня приведет, я расскажу тебе позже. Кстати, какого они были цвета? Черного?

– Да, черной кожи. Насколько я помню, внутри они были на меху.

Ее описание вполне соответствовало перчаткам, которые я видел на фотографиях с места происшествия. Однако это еще ничего не доказывало. Просто один из пунктов, которые следовало проверить. Звено в цепи.

Мы проговорили еще несколько минут, и я спросил, не хочет ли она развяться и поужинать сегодня вечером, поскольку мне все равно нужно в Боулдер. Рили отказалась, и на этом мы расстались. Я беспокоился за нее и надеялся, что мой звонок – просто беседа с живым человеком – поможет ей немного приободриться и почувствовать себя не такой одинокой. В конце концов я решил, что в любом случае загляну к невестке, как только покончу с остальными делами.

Проезжая по улицам Боулдера, я поглядывал на тяжелые снеговые тучи, которые начинали скапливаться над плоскими вершинами Железной гряды. Мое детство прошло здесь, и я прекрасно знал, как мало времени может потребоваться облакам, чтобы спуститься вниз и засыпать городок снегом. Мне оставалось только надеяться, что в багажнике редакционного «темпо» найдется комплект цепей, хотя особо рассчитывать на это не приходилось.

У Медвежьего озера я сразу увидел Пенну: стоя возле дверей сторожки, он беседовал о чем-то с группой туристов-лыжников, которые, видно, решили покататься в парке. Ожидая, пока он освободится, я выбрался из машины и подошел к озеру. С берега я увидел несколько мест, где снег был расчищен до самого льда. Что-то потянуло меня туда, я сделал несколько осторожных шагов и, приблизившись к одному такому участку, посмотрел сквозь черно-синий лед, пытаясь представить толщу воды под ним. На сердце сразу стало тяжело. Двадцать два года назад моя сестра провалилась здесь под лед и утонула. Совсем недавно мой брат застрелился в своей машине всего в пятидесяти футах от береговой линии. Разглядывая толстый, неподатливый лед, я вспомнил, как где-то слышал, что якобы некоторые озерные рыбы, вмерзшие в лед зимой, по весне оттаивают и выбираются из своего холодного плена.

«Жаль, что люди так не могут, – подумал я. – Хотя не исключено, что это просто байки».

– А-а-а, это снова вы!

Я обернулся и увидел Пенну.

– Да, это я, добрый день. Ужасно неловко, что приходится вас беспокоить, но у меня появилось еще несколько вопросов.

– Ничего страшного. Я очень сожалею, что не смог ничего предпринять тогда. Ну, до того, как все случилось. Заметь я вашего брата раньше – когда он еще только подъехал, – я, наверное, понял бы, что ему нужна помощь. Не знаю... может быть, все и обошлось бы.

Мы медленно пошли к сторожке.

– Не представляю, что тут можно было сделать, – ответил я, чувствуя, что надо сказать хоть что-нибудь.

– Так что там у вас за вопросы?

Я достал из-за пазухи записную книжку.

– Скажите, когда вы подбежали к машине и заглянули внутрь, не обратили ли вы внимания на его руки? В каком они были положении?

Пенна некоторое время шагал молча, и мне показалось, что он пытается вызвать в памяти картину происшедшего.

– Знаете, – произнес он в конце концов, – вроде бы я посмотрел на его руки. Да, точно, потому что когда я увидел в машине лишь одного человека, то сразу подумал о самоубийстве. Именно поэтому я так уверен. Я искал взглядом оружие.

– Шон держал его в руке?

– Нет. Я увидел револьвер рядом на сиденье. Наверное, ваш брат уронил его.

– Вы не помните, он был в перчатках?

– Перчатки... перчатки... – пробормотал Пенна, словно пытаясь вызвать ответ из кладовых памяти. Потом он ненадолго замолчал. – Не знаю, – сказал он наконец. – Никак не могу восстановить всю картину. А что говорит полиция?

– Я хотел удостовериться, насколько вы помните такие детали.

– Извините, но я что-то никак не припомню.

– А если у полиции возникнет тот же вопрос, согласитесь ли вы на допрос под гипнозом? Может быть, хотя бы таким способом им удастся выяснить, как все было на самом деле.

– Под гипнозом? А разве копы проделывают такие штуки?

– Иногда. Когда дело особенно важное.

– Ну, если это так важно, то я, пожалуй, не буду против.

За разговором мы незаметно дошли до дверей сторожки. Я посмотрел на «темпо», припаркованный на том же самом месте, что и в прошлый раз. Там, где стояла машина Шона.

– Еще я хотел спросить вас о времени. В полицейском рапорте я прочел, что вы увидели автомобиль пострадавшего через пять секунд после того, как слышали выстрел. За пять секунд никто не успел бы незамеченным выбраться из машины и добежать до леса. Это верно?

– Совершенно верно. Если бы там кто-то был, я бы его увидел.

– А потом?

– Что – потом?

– Что вы предприняли после того, как подбежали к машине и увидели, что человек внутри мертв? В прошлый раз вы сказали мне, что вернулись на пост и сделали два телефонных звонка. Вы подтверждаете это?

– Да, я сперва набрал девять один один, а затем позвонил своему начальству.

– Следовательно, все это время вы не могли видеть, что происходит на площадке?

– Угу.

– Сколько времени это заняло?

Пенна сообразил, чего я от него добиваюсь.

– Но какое это имеет значение, раз ваш брат был в машине один?

– Я знаю, но попробуйте вспомнить. Сколько?

Сторож пожал плечами, как бы говоря: «Какого черта!», и снова надолго замолчал. Задумчиво шевеля губами, он вошел в хижину и сделал рукой движение, словно берясь за телефонную трубку.

– До Службы спасения я дозвонился сразу. Да и поговорили мы быстро. Там записали только мое имя и должность – вот, собственно, и все. Потом я позвонил в нашу головную контору и спросил Дуга Пакина, это мой непосредственный начальник. Меня моментально соединили, потому что я сказал, что дело срочное. Когда я доложил о происшествии, босс велел мне присматривать за машиной, пока не прибудет полиция. Вот и все. После этого я снова вышел наружу.

Обдумав его слова, я прикинул, что «шевроле» Шона оставался без надзора как минимум секунд тридцать.

– Хочу уточнить насчет машины... В первый раз, когда вы выбежали, услышав выстрел, вы пробовали открыть все дверцы?

– Нет, только водительскую. Но они были заперты все.

– Откуда вы знаете?

– Когда копы приехали, они попробовали открыть двери, но ни одна не поддавалась. Им пришлось использовать отмычку, чтобы вскрыть машину.

Я кивнул и продолжил свои расспросы:

– А что скажете о заднем сиденье? Вчера вы упомянули, что стекла в машине запотели. Может быть, вы прислонялись лицом к окну, когда заглядывали внутрь? Не заметили ли вы чего-нибудь на полу?

Теперь Пенна понял, куда я гну. Несколько мгновений он раздумывал, потом отрицательно покачал головой.

– Полиция задавала вам этот вопрос?

– Нет, ничего такого они не спрашивали. Кажется, я начинаю улавливать ход ваших мыслей...

Я еще раз кивнул:

– И последний вопрос. Когда вы набрали девять один один, вы сказали диспетчеру, что произошло самоубийство, или упомянули только о выстреле?

– Я... – Пенна попытался вспомнить, задумчиво скользя взглядом по снеговым облакам над озером. – Да, я сообщил Службе спасения, что неизвестный мне человек застрелился на автостоянке. Что-то в этом роде. Да вы можете проверить, там наверняка осталась запись.

– Наверняка. Все равно спасибо вам.

Когда я шел обратно к машине, в воздухе закружились первые снежинки. Неожиданно Пенна окликнул меня:

– Эй, мистер, а как насчет гипноза?

– Если копы надумают сделать это, они вам позвонят.

Прежде чем забраться на водительское сиденье, я заглянул в багажник. Разумеется, никаких цепей там не было.

На обратном пути, проезжая через Боулдер, я остановился у книжного магазина «Улица Морг»⁴ – вполне подходящее название для моего случая. Там я приобрел толстый том, в который вошли самые известные рассказы и стихи Эдгара По, намереваясь изучить его творчество сегодня же вечером. По дороге в Денвер я все прикидывал, вписываются ли ответы Пенны в разработанную мною теорию, вертел их так и сяк и в конце концов пришел к выводу, что ни один из фактов нисколько не противоречил версии, которая понемногу складывалась в моей голове.

⁴ Имеется в виду знаменитый рассказ Эдгара Аллана По «Убийство на улице Морг».

Когда я добрался до полицейского управления и поднялся в спецотдел, мне сказали, что детектива Скалари нет на месте, и я вынужден был спуститься этажом ниже, в отдел ППЛ. Векслер сидел за рабочим столом и явно скучал. Сент-Луиса нигде видно не было.

– Черт побери, – приветствовал меня Векслер. – Опять хочешь испортить мне обед?

– Отнюдь, – отвечивал я. – Неужели ты не рад меня видеть?

– Все зависит от того, что тебе надо.

– Где служебная машина Шона? Ее уже отдали кому-нибудь другому?

– Какого хрена ты приперся со своими вопросами?! Или считаешь, что мы не знаем даже, как правильно проводить расследование?

В сильнейшем раздражении Векслер швырнул карандаш, который держал в руке, прямо в стоявшую у входа корзину для бумаг. И только потом сообразил, что наделал. В результате он вынужден был встать и разыскивать свою принадлежность для письма среди обрывков конвертов и оберточной бумаги.

– Послушай, Векслер, я не собираюсь никого тыкать носом в ошибки и создавать людям трудности, – произнес я ровным голосом. – Просто мне хотелось раз и навсегда кое-что прояснить, однако чем сильнее я старался, тем больше вопросов у меня возникало.

– Например?

Я рассказал о своем разговоре с Пенной, и Векслер едва вновь не вскипел. Я заметил, как кровь бросилась ему в лицо и как дергается мускул на левой скуле.

– Послушай, – напомнил я ему, – полиция закрыла дело, и никто не имеет права запретить мне беседовать с Пенной. Кроме того, мне все чаще кажется, что вы со Скалари проглядели кое-что важное. Ведь машина Шона оставалась без присмотра больше чем полминуты, пока Пенна ходил звонить.

– Ну и что нам это дает?

– А то, что ваши парни интересовались прежде всего временем, которое прошло между выстрелом и тем моментом, когда сторож увидел автомобиль. Чтобы выскочить на улицу, ему потребовалось всего пять секунд; за это время никто не успел бы добежать до деревьев и спрятаться – это очевидно. Всем все ясно, дело закрыто и сдано в архив. Но Пенна сказал, что стекла в машине запотели. Это было необходимо тому, кто писал на ветровом стекле предсмертную записку, кто бы это ни был. В первый раз Пенна не заглянул назад и не видел, есть ли кто-нибудь позади переднего сиденья. Он сразу кинулся звонить и отсутствовал как минимум тридцать секунд. Кто-то мог спрятаться в машине – просто лечь на пол и затаиться, а когда сторож ушел, у этого человека было вполне достаточно времени, чтобы выбраться из автомобиля и добежать до леса. Все могло произойти именно так.

– Ты, часом, не головой ли стукнулся? А записка? А следы пороха на перчатке?

– Надпись на лобовом стекле мог сделать кто угодно. Перчатка со следами пороха может принадлежать убийце. Он выстрелил, потом снял ее и надел на руку Шона. Тридцать секунд – это немало, к тому же на самом деле могло пройти намного больше времени. Даже наверняка больше, ведь Пенна звонил в два места, Векс, в два!..

– Ну, все это очень неопределенно, Джек. Ведь не мог же преступник с самого начала рассчитывать на то, что сторож будет так долго названивать в инстанции?

– Почему бы и нет? В крайнем случае он мог убить и Пенну – только и всего. Случись это, и вы, парни, решили бы, что Шон застрелил сначала сторожа, а потом себя. Судя по тому, как вы провели расследование смерти моего брата, от вас можно ожидать и не такого.

– Брось, Джек! Я любил Шона как родного. Ты думаешь, мне очень хочется верить, что он сам себя прикончил?

– Скажи мне еще одну вещь, Векс. Где ты был, когда узнал о его смерти?

– Здесь, вот за этим самым столом. Мне позвонили и... А что?

– Кто рассказал тебе об этом? Ты сам ответил на звонок?

– Разумеется. Это был наш капитан. Парковая служба связалась с начальником линейного отдела, а их начальник позвонил нашему.

– Что именно он тебе сказал? Ты можешь вспомнить все в точности?

Прежде чем ответить, Векслер немного помолчал.

– Не помню. По-моему, он просто сообщил, что Мак мертв.

– Он упомянул про самоубийство?

– Не знаю, Джек. Возможно, капитан и говорил, что Шон застрелился. А какое это имеет значение?

– Сторож, который позвонил в полицию, сказал им, что мой брат покончил с собой. С этого все и началось. Следственная бригада отправилась на место, заранее зная, что имеет дело с самоубийством, и неудивительно, что вы нашли только то, что искали. Каждую мелочь, которую там увидели, подгоняли под общую картину, которая уже сложилась в ваших головах. Кроме того, любому из вас было известно, как сильно Шон переживал из-за дела Терезы Лофтон...

Собственно говоря, я вот к чему клоню: следователи прибыли на место в твердой уверенности, что Шон покончил с собой. Мало того, пока мы ехали к Рили в Боулдер, вы с Сент-Луисом сумели убедить в этом и меня.

– Все это чушь собачья, Джек. У тебя нет никаких доказательств, одни только умопостроения, а я не расположен выслушивать сумасшедшие теории, которые сочиняют те, у кого не хватает мужества примириться с фактами.

Я молчал, давая Векслеру возможность остыть.

– Где его машина, Векс? – снова спросил я, когда прошло достаточно времени. – Если ты дашь мне осмотреть машину, то, возможно, я сумею представить тебе доказательства. Поверь, я знаю, что делаю.

Теперь настала очередь Векслера замолчать. Впрочем, прочесть его мысли было нетрудно. Детектив прикидывал, стоит ли ему ввязываться в это сомнительное дело или нет. Ведь, решившись показать мне машину Шона, он тем самым признает, что мне удалось заронить в нем искру сомнения.

– Она все еще на стоянке, – неохотно произнес он наконец. – Я вижу ее каждый день, когда прихожу на работу.

– Ее еще не чистили с того дня?

– Нет, автомобиль покамест никто не трогал. Он опечатан. Каждый день, приходя сюда, я вижу на стекле кровь Шона.

– Пойдем взглянем на машину, Векс. Мне кажется, я сумею убедить тебя.

В воздухе кружились мохнатые снежинки – снеговые тучи, пришедшие из Боулдера, готовы были вот-вот накрыть и Денвер. На стоянке полицейских машин Векслер взял ключи у начальника гаража и проверил по журналу, кто еще, кроме следователя, мог воспользоваться ключом и попасть в салон. Таковых не оказалось. «Шевроле» оставался в том же состоянии, в каком его притащили на стоянку.

– Чтобы отправить машину на мойку, необходимо официальное предписание начальника полиции, – пояснил Векслер. – Ее ведь придется отсылать в город. Ты знаешь, что существуют фирмы, которые специализируются на уборке домов и салонов автомобилей после того, как там кого-нибудь убили? Та еще работенка...

Что-то Векс разболтался... Очевидно, его многословие объяснялось растущим нервным напряжением, ибо мы уже стояли возле «шевроле» Шона и рассматривали его в упор. Снег повалил гуще, и снежинки проносились мимо нас маленькими белыми вихрями. Высохшие пятна крови на заднем и боковом стеклах казались темно-коричневыми.

– Там внутри, должно быть, здорово воняет, – сказал Векслер. – Господи Иисусе, неужели мне придется это терпеть? Вот что, Джек, выкладывай-ка все, что у тебя на уме, прямо сейчас, иначе я никуда не поеду.

– Хорошо, – согласился я. – Мне необходимо знать две вещи. Во-первых, я хотел удостовериться, что переключатель обогревателя установлен на полную мощность, а во-вторых, необходимо узнать, был ли заблокирован замок задних дверей.

– И что это тебе дает? – подозрительно осведомился Векслер.

– В деле записано, что окна запотели изнутри. В тот день действительно стояла холодная погода, но не настолько. На фотографиях я видел, что Шон одет достаточно тепло – в меховую куртку, – поэтому ему не было необходимости устанавливать подогрев на максимум. В каком случае стекла могут запотеть, если машина стоит с неработающим двигателем?

– Я что-то никак...

– Вспомни практику наружного наблюдения, Векс. Шон рассказывал мне, как однажды вы с ним провалили дело только потому, что стекла запотели и вы не заметили, как объект вышел из дома. Отчего стекла в машине покрываются конденсатом?

– От разговоров, конечно! Это было ровно через неделю после Суперкубка, и мы говорили о том, что эти чертовы «Бронкос» опять продули. Пар от нашего дыхания осел на стеклах и...

– Вот именно! А насколько мне известно, у Шона вроде как не было привычки разговаривать с самим собой. Таким образом, если обогреватель выключен, а стекла тем не менее запотели настолько сильно, что на них можно было писать, значит в салоне находился кто-то еще, с кем Шон беседовал.

– Ну, это просто догадка, которая ничего не доказывает. А что насчет замков?

Я выложил ему свою теорию:

– Допустим, в машине, кроме моего брата, кто-то есть. Каким-то образом этому человеку удастся заполучить оружие Шона; например, он пришел со своим собственным пистолетом и разоружил его. Потом этот неизвестный приказывает Шону снять перчатки и отдать их ему. Шон подчиняется. Преступник надевает эти перчатки и убивает Шона из его собственного револьвера, а затем перелезает на заднее сиденье и ложится на пол, выжидая, пока Пенна придет и снова уйдет. После этого он нагибается вперед, пишет на стекле записку, надевает перчатки на руки Шона – вот, кстати, как объясняется наличие на них следов пороха, – а потом выбирается через заднюю дверцу, запирает ее снаружи и бежит к деревьям. Никаких отпечатков на снегу не остается, потому что стоянка расчищена и посыпана солью. И к тому времени, когда Пенна возвращается стеречь машину, как велел ему начальник, злоумышленника уже и след простыл.

Векслер долго молчал, пытаясь осмыслить все сказанное.

– Что ж, история довольно складная, – объявил он наконец. – Теперь попробуй объяснить про замки.

– Пожалуйста. Ты знал моего брата, работал с ним. Какие существуют правила относительно замка безопасности для задних дверей? Всегда держать их запертыми, верно? Таким образом можно избежать различных осложнений с задержанными, которых нужно доставить в участок. Никаких побегов, никаких неприятностей. Если же везешь на заднем сиденье нормальных граждан, то для них двери всегда можно отпереть. Помнишь тот вечер, когда вы заехали за мной в редакцию? Меня затошнило, но замок был заперт. Тебе пришлось отключить блокировку, чтобы я открыл дверь и не заблевал весь салон.

Векслер ничего не сказал, но по его лицу я видел, что мои слова не пропали втуне. Если замок в «шевроле» Шона окажется выключен, это нельзя будет считать бесспорным доказательством чего бы то ни было, однако для человека, близко знавшего моего брата, этого будет вполне достаточно, чтобы не сомневаться – в тот вечер он находился в машине не один.

Векслер сказал:

– Внешний осмотр ничего не даст: снаружи дверь можно отпирать и запираť обычным ключом, а замок отключается простым нажатием кнопки. Кому-то придется перебраться на заднее сиденье и попробовать открыть дверь изнутри.

– Хорошо, давай я полезу.

Векслер отпер правую переднюю дверцу, я быстро шмыгнул внутрь салона и перевалился через спинку сиденья. Сладковатый, тошнотворный запах свернувшейся крови тут же ударил мне в ноздри, да так, что закружилась голова. Каким-то чудом я нашел в себе силы протянуть руку и закрыть дверь.

Довольно долго я сидел неподвижно. Фотографии не смогли подготовить меня к тому, что я увидел в действительности. Тяжелый трупный запах, пятна засохшей крови на стекле, на крыше и подголовнике водительского сиденья. Это была кровь Шона.

Тошнота подкатила к горлу, и я едва сдержался. Стараясь отвлечься, я быстро поглядел через спинку сиденья на приборную доску и панель управления обогревателем. Так, первая моя догадка подтвердилась. Потом сквозь правое окно увидел Векслера. На мгновение наши глаза встретились, и я спросил самого себя, так ли уж мне хочется, чтобы замок на двери не был заблокирован. Не проще ли будет выбраться обратно и оставить все как есть?

Но я быстро изгнал эту трусливую мыслишку; если я брошу все сейчас, то сомнения станут преследовать меня до конца жизни, превратив ее в ад. Целая жизнь бессонных ночей...

Протянув руку, я вытянул рычажок пассажирского замка, повернул ручку и надавил. Дверь распахнулась. Выбравшись наружу, я посмотрел на Векслера, плечи и голову которого уже припорошил снег.

– Обогреватель тоже выключен. Стекла не могли запотеть. Я уверен, что с Шоном был кто-то еще. Они разговаривали, а потом этот гад убил моего брата.

У Векслера было такое лицо, словно он увидел привидение. Я чуть ли не слышал, как у него в голове крутятся колесики и шестеренки. Мои слова перестали быть просто теорией, и Векслер знал это. В какой-то момент мне даже показалось, что он сейчас заплачет.

– Черт побери... – медленно произнес он. – Черт побери...

– Не расстраивайся, мы все проглядели это.

– Дело не в этом. Коп не имеет права так подводить своего напарника. Какая от нас польза другим, если мы не в состоянии добросовестно отнестись к одному из своих? Какой-то вшивый репортеришка...

Он не договорил, но и так было ясно, что он чувствует. Векслеру казалось, что он каким-то образом предал Шона. То же самое ощущал и я.

– Еще не все потеряно, – заметил я. – Мы еще можем исправить свою ошибку.

Векслер по-прежнему выглядел так, словно мысли его были где-то далеко. В этот момент я не смог бы его утешить, да и никто другой тоже.

Тем не менее я сказал:

– Векс, мы всего лишь упустили немного времени. Давай вернемся в управление, а то становится холодно.

Когда я подъехал к дому Шона, чтобы рассказать о нашем открытии Рили, во всех окнах было темно. Прежде чем постучаться, я немного помедлил, неожиданно подумав о том, с чего это мне пришло в голову, будто я смогу облегчить невестке страдания. «Хорошие известия, Рили! Оказывается, Шон не застрелился, как мы все думали. Оказывается, его прикончил какой-то подонок или псих, который убивал полицейских и раньше и, скорее всего, вряд ли сам остановится!» Чертовски приятно ей будет об этом узнать.

Впрочем, отступать было все равно поздно, и я постучал, ясно представляя себе, как бедная девочка сидит в полной темноте в гостиной или в спальне, откуда наружу не проникает свет. Но я ошибся. Над моей головой вспыхнул фонарь, и дверь немедленно распахнулась.

– Джек?

– Привет, Рили! Можно мне зайти и поговорить с тобой?

Я знал, что Рили еще ничего не известно. Мы с Векслером договорились, что я обо всем расскажу ей сам. Векс не возражал; он и так был слишком занят тем, что заново открывал дело, составлял списки возможных подозреваемых и организовывал повторную проверку машины Шона на предмет обнаружения посторонних отпечатков и тому подобное. О том, что случилось в Чикаго, я пока не стал ему рассказывать – это я решил оставить для себя, хотя и не совсем понимал почему. Вероятно, из-за статьи. Она должна была быть только моей.

Это был самый простой ответ, который первым пришел мне на ум, когда я попытался справиться с беспокойством, охватившим меня при мысли, что я обманываю Векслера. Однако в глубине души я сознавал: что-то другое помешало мне сообщить ему все до конца. Нечто такое, что я боялся пока извлекать из тьмы на свет.

– Входи, – сказала Рили. – Что-нибудь случилось?

– Нет. То есть да. Вернее, не совсем.

Я прошел за ней в дом и очутился на кухне. Рили включила лампу над столом. Она была одета в застиранные голубые джинсы, заправленные в толстые шерстяные гетры, и в блейзер с эмблемой «Колорадо Баффалос».

– Открылись кое-какие новые обстоятельства, касающиеся смерти Шона, и мне захотелось самому рассказать тебе о них. Но не по телефону, а лично.

Мы оба сели на стулья возле стола. Черные круги у Рили под глазами еще не исчезли, и я не заметил, чтобы она пыталась замаскировать их при помощи косметики. Чувствуя, как ее подавленность начинает понемногу распространяться и на меня тоже, я поспешно отвернулся, но это не помогло. Должно быть, сами стены в этом доме успели пропитаться горем и болью, которые теперь окружили меня со всех сторон.

– Может быть, я тебя разбудил?

– Нет, я читала. В чем дело, Джек?

И я рассказал ей, однако, в отличие от Векслера, Рили я выложил все: о Чикаго и о Джоне Бруксе, о стихотворениях Эдгара По и о своих планах. Пока я говорил, Рили время от времени кивала, давая понять, что слушает. Не было ни слез, ни вопросов, и я решил, что это еще ожидает меня впереди.

– Вот как все было, – закончил я. – Я решил заехать и поговорить с тобой, прежде чем уеду в Чикаго.

Рили долго молчала.

– Может быть, это выглядит глупо, – медленно проговорила она, – но я чувствую себя ужасно виноватой.

Мне показалось, что в глазах Рили блеснули слезы, но ни одна капля так и не сползла по ее щеке. Наверное, у бедняжки просто не осталось слез.

– Виноватой? В чем?

– Все это время я была в ярости, даже в бешенстве. Я страшно злилась на Шона за то, что он совершил, словно он сотворил это не с собой, а со мной. Я ненавидела не только Шона, но и саму память о нем. А теперь оказалось, что...

– Мы все чувствовали примерно одно и то же. Наверное, это единственный возможный способ пережить подобное.

– Ты уже рассказал тете Милли и дяде Тому?

Милли и Том – так звали моих родителей. Рили чувствовала себя неловко, если ей приходилось обращаться к ним по-другому.

– Нет еще, но обязательно расскажу. Попозже.

– А почему ты скрыл от Векслера информацию о Чикаго?

– Не знаю. Должно быть, мне хотелось иметь небольшую фору. Копы узнают все завтра.

– Но, Джек, если все это правда, то полицию обязательно нужно держать в курсе. Я не хочу, чтобы тот, кто это сделал, ушел от наказания только потому, что тебе захотелось написать отличную статью.

– Послушай, Рили, – заметил я, изо всех сил стараясь сдерживаться, – тот, кто убил Шона, уже благополучно скрылся, и тем бы все и закончилось, если бы не я. Сейчас мне нужно только одно – пообщаться с полицейскими из Чикаго раньше Векслера.

Мы оба замолчали, потом я продолжил:

– Я не должен ошибиться, Рили. Мне нужен материал – это верно, но речь идет не только о статье. Это нечто большее, потому что касается Шона... и меня самого.

Рили кивнула, и я замолчал, не в силах объяснить ей свои побудительные причины так, чтобы она поняла. Ремесло журналиста, в котором я достиг определенных высот, предполагает искусство отыскивать подходящие слова и складывать из них предложения и фразы так, чтобы текст выглядел понятным и читаемым, но сейчас я не нашел внутри себя таких слов, чтобы выразить все, что чувствовал. Пока не нашел. Вместе с тем я сознавал, что Рили хочет услышать нечто большее, и попытался растолковать ей то, чего не понимал сам.

– Помнится, когда мы с Шоном окончили школу, то оба хорошо представляли себе, чего каждый из нас намерен добиться в жизни. Мне хотелось писать толстые книги, стать богатым и знаменитым. Шон же мечтал стать главой криминального отдела денверской полиции и раскрыть все городские тайны и преступления... Ни один из нас так и не достиг своей цели. Впрочем, Шон подошел к своей мечте ближе, чем я.

Рили попыталась улыбнуться, но остановилась, поняв, что на фоне черных кругов под глазами любая улыбка будет выглядеть как минимум неуместной.

– Тем летом, – продолжал я, – я собирался уехать в Париж, чтобы написать величайший роман в истории американской литературы, а Шон дожидался начала армейской службы. Прощаясь, мы заключили сделку, которая теперь может показаться банальной и даже глупой. Условия договора были следующие: когда я разбогатею, то куплю Шону «порше» с багажником для лыж – такой, как был у Редфорда в фильме «Бегущий по холмам». Вот так. Это было все, чего он хотел. Помнится, я тогда еще заметил, что эта сделка мне не выгодна, потому что ему нечего предложить взамен. Знаешь, что ответил Шон? Брат поклялся, что если со мной что-нибудь случится – например, если меня ограбят, покалечат или убьют, – он обязательно найдет того, кто это сделал. Он пообещал, что никто не сможет сотворить такое и остаться безнаказанным. И я поверил ему, поверил даже тогда. Я не сомневался, что брат обязательно сдержит свое слово, и, признаться честно, порой это меня утешало.

В этой истории – особенно в том, как я ее рассказал, – не было никакого особенного смысла. Даже сам я не совсем понимал, с чего это меня вдруг потянуло на воспоминания.

– Но это же было его обещание, не твое, – тихо произнесла Рили.

– Да, я знаю... – Она смотрела на меня, а я молчал. – Просто отчего-то я не могу сидеть на месте, наблюдать и ждать. Я должен, просто должен... – Мне не хватило слов, чтобы объяснить ей, и я умолк.

– Должен что-то сделать? – подсказала мне невестка.

– Не знаю, наверное. Мне трудно говорить об этом, Рили. Не могу я сидеть сложа руки, и все тут. Поэтому мне и надо срочно поехать в Чикаго.

Глава 10

Глэддена вместе с пятью другими задержанными поместили в самом углу просторного зала судебных заседаний, за барьером, со всех сторон огороженным стенами из прозрачного пластика. В пластике, на высоте человеческого лица, была проделана щель в фут шириной, сквозь которую подсудимые могли слышать все, что происходит снаружи, и отвечать на вопросы прокурора, судьи и своих адвокатов.

После бессонной ночи Глэдден чувствовал себя нелучшим образом. Правда, как и обещал Краснер, его поместили в одиночную камеру, но неумолчный шум тюрьмы не давал ему сомкнуть глаз, напоминая о Рейфорде.

Оглядев собравшихся в зале людей, Глэдден не заметил ни одного знакомого лица. Даже Делпи со Свитцером и те отсутствовали. К тому же, и это обрадовало Глэддена больше всего, он не обнаружил ни телевизионщиков, ни направленных на него камер скрытого наблюдения под потолком. Следовательно, его личность до сих пор так и не удалось идентифицировать. Пожалуй, пока все складывалось удачно.

Маленький человечек с рыжими кудрявыми волосами и в сильных очках пробрался вдоль столов присяжных поверенных и приблизился к застекленной скамье подсудимых. Из-за маленького роста ему приходилось запрокидывать голову, чтобы доставать до переговорной щели, и оттого казалось, будто бы он стоит по горло в воде.

– Мистер Брисбейн? – спросил коротышка, глядя на все еще сонного давешнего наркомана, которого охранник только что втолкнул за барьер.

Глэдден шагнул вперед и посмотрел на рыжего сквозь прорезь.

– Краснер?

– Да, это я. Как поживаете, мистер Брисбейн?

Он протянул руку, и Глэдден неохотно пожал ее. Ему не нравилось, когда к нему прикасались посторонние, если только это не были маленькие дети. Вопрос Краснера он предпочел проигнорировать. Как может поживать человек, прошедший ночь в тюрьме?

– Вы уже встречались с прокурором? – поинтересовался он вместо ответа.

– Да, встречался. Нам не повезло, мистер Брисбейн. Дело попало к заместителю окружного прокурора – к женщине, с которой мне уже приходилось сталкиваться в суде. Это настоящая мужененавистница, к тому же детективы, арестовавшие вас, уже успели поделиться с ней своими... э-э-э... представлениями о том, чем вы занимались на побережье.

– То есть она лоб расшибет, но постарается выжать из дела максимум?

– Совершенно верно. К счастью, судья вполне подходящий, и с этой стороны нам опаса́ться нечего. Насколько я знаю, он единственный из здешних судей, кто не работал прокурором перед тем, как его избрали на эту должность.

– Счастлив мой бог. Кстати, вы получили деньги?

– Разумеется. Все, как мы и договаривались, так что никаких препятствий нет. Кстати, вы собираетесь сделать заявление об отрицании вины сегодня или отложить его на потом?

– А что это дает?

– Строго говоря, ничего. Просто небольшая хитрость или, если хотите, психологический прием. Во время обсуждения суммы залога судья может немного уступить нам, если будет знать, что вы отрицаете свою вину и готовитесь оспаривать обвинения.

– Хорошо, скажите им, что я не виновен. Только вытащите меня отсюда.

Гарольд Найберг, муниципальный судья Санта-Моники, вызвал Гарольда Брисбейна, и Глэдден подошел ближе к прорези в пластике. Краснер тоже поднялся из-за стола и встал рядом, чтобы иметь возможность в случае необходимости совещаться с подзащитным. Как и

заместитель окружного прокурора, которую звали Тамара Фейнсток, Краснер представился и, не дожидаясь, пока будет оглашен длинный список предполагаемых обвинений, заявил суду, что его клиент считает себя невиновным. При этих его словах судья Найберг заколебался: столь раннее заявление об отрицании вины явно его озадачило.

– Вы уверены, что мистер Брисбейн желает выдвинуть протест именно сегодня? – переспросил он.

– Да, ваша честь. Мой клиент стремится поскорее покончить с этим досадным недоразумением, так как не чувствует за собой абсолютно никакой вины.

– Понятно. – Судья замолчал, читая одну из лежащих перед ним бумаг. Пока что он еще ни разу не посмотрел на Глэддена. – Если я правильно понял, вы хотите воспользоваться десятью днями?

– Один момент, ваша честь, – сказал Краснер, поворачиваясь к Глэддену.

И зашептал своему клиенту:

– У вас есть право на предварительные слушания по обвинениям в течение десяти судебно-присутственных дней. Вы можете отказаться, и тогда судья перенесет заседание и только в следующий раз назначит предварительные слушания. Если вы подтвердите свое право, то дата предварительного рассмотрения будет определена сейчас – ровно через десять дней от сегодняшнего числа. Я рекомендую вам не отказываться, это будет еще одним признаком того, что вы готовы защищаться и не нуждаетесь в официальном предписании окружного прокурора. То есть мы опять-таки можем выиграть в залоге.

– Хорошо, так и поступим.

Адвокат вновь повернулся к судье:

– Благодарю вас, ваша честь, мой клиент не хочет отказываться от десяти дней. Он считает, что обвинения будут сняты еще в ходе предварительного слушания, и потому обращается к суду с просьбой назначить дату как можно скорее, чтобы он мог...

– Минуточку, мистер Краснер. Возможно, мисс Фейнсток и не возражает против ваших комментариев, но я вынужден сделать вам замечание. В данном случае речь не идет о предъявлении обвинения, и мы пока еще даже не начали обсуждать дело.

– Согласен, ваша честь.

Судья обернулся и принялся изучать календарь, висевший позади него на стене. Выбрав дату, отстоящую от текущей на десять судебно-присутственных дней, он назначил предварительные слушания в Сто десятом округе. Краснер тут же открыл ежедневник и сделал в нем пометку. Глэдден заметил, что то же самое сделала и заместитель прокурора. Несмотря на молодость, Тамара Фейнсток не была сколько-нибудь привлекательной особой. За три минуты, прошедшие с начала слушаний, она еще не произнесла ни одного слова.

– Хорошо, – кивнул судья. – Что насчет залога?

– Вы позволите, ваша честь? – подала голос Фейнсток, вставая. – Обвинение настаивает, чтобы суд отступил от своей обычной практики и назначил сумму залога в двести пятьдесят тысяч долларов.

Судья Найберг оторвался от бумаг и сначала посмотрел на Фейнсток, а потом впервые за все время перевел взгляд на Глэддена, словно пытаясь по внешнему виду ответчика определить, почему при таких смехотворных обвинениях он заслуживает столь внушительного залога.

– Поясните свою мысль, мисс Фейнсток, – попросил судья. – У меня нет никаких материалов, на основании которых я мог бы назначить столь большую сумму в нарушение существующих правил.

– Обвинение уверено, что ответчик попытается скрыться, ваша честь, – заявила Фейнсток. – При аресте он отказался сообщить полиции свой адрес и номер личного автомобиля. Водительская лицензия ответчика зарегистрирована в Алабаме, и законность ее выдачи до сих

пор не установлена. Иными словами, на данный момент нельзя утверждать с уверенностью, что Гарольд Брисбейн – настоящее имя этого человека. Нам не известно ни кто он такой, ни где живет, ни есть ли у него семья или постоянное место работы; пока все это остается невыясненным, ответчик, будучи отпущенным под залог, имеет возможность скрыться от правосудия.

– Ваша честь! – Краснер даже подпрыгнул от возмущения. – Мисс Фейнсток подтасовывает факты! Имя моего клиента известно полиции, так как он предъявил вполне законное водительское удостоверение, выданное в штате Алабама; подлинность документа, кстати, не подвергалась сомнению вплоть до начала судебного заседания. Мистер Брисбейн только недавно прибыл в Санта-Монику в поисках работы и по этой причине еще не имеет места постоянного проживания. Как только у него появится адрес, мой подзащитный, как и всякий законопослушный гражданин, будет рад сообщить его властям. До той поры с ним, в случае необходимости, можно будет связаться через мою контору, так как мистер Брисбейн любезно согласился дважды в день выходить на контакт либо со мной, либо с любым другим представителем закона, которого суду угодно будет назначить. Кроме того, вашей чести, несомненно, известно, что в соответствии с законом отступление от правил назначения суммы залога допускается только в том случае, если ответчик склонен к побегу. Мистер Брисбейн, напротив, заявил о своей невиновности и отказался от всех отсрочек при рассмотрении его дела. Налицо желание ответчика поскорее опровергнуть выдвинутые против него обвинения и восстановить свое доброе имя.

– Связь через вашу контору – это хорошо, но как все-таки насчет адреса? – спросил судья. – Где будет ваш клиент все это время? Кроме того, в своей речи вы, похоже, намеренно опустили тот факт, что мистер Брисбейн пытался скрыться от полиции во время задержания.

– Это обвинение довольно просто опровергнуть, ваша честь. Полицейские были одеты в гражданскую одежду; они не представились моему клиенту и не предъявили никаких документов, удостоверяющих их личности вплоть до самого ареста. Вполне естественно, что, опасаясь за свою собственность, мистер Брисбейн, у которого было при себе весьма дорогостоящее фотооборудование, не понял намерений преследовавших его людей и, не желая быть ограбленным, постарался оторваться от них.

– Все это очень любопытно, – прервал его судья. – Так как же быть с адресом?

– Мистер Брисбейн снимает номер в отеле «Холидей-инн» на бульваре Пико, но постоянно выходит в город в поисках работы. По роду занятий мой клиент относит себя к свободным фотографам, а его специальностью является графический дизайн. Будучи совершенно уверенным в своем ближайшем будущем, он не собирается никуда переезжать. Как я уже упоминал ранее, мистер Брисбейн намерен опровергнуть выдвинутые против него...

– Да, мистер Краснер, мы уже слышали об этом. Какой суммы залога добиваетесь вы для своего клиента?

– Видите ли, ваша честь, на мой взгляд, четверти миллиона долларов будет, пожалуй, слишком много за проступок, который совершил мой клиент, бросив в воду урну. Я думаю, что пяти – десяти тысяч долларов было бы в данном случае вполне достаточно; во всяком случае, эта сумма гораздо лучше согласуется с обвинением. К тому же в настоящее время мистер Брисбейн стеснен в средствах, и, если он истратит на залог все имеющиеся у него деньги, ему не на что будет жить и оплачивать судебные издержки.

– Почему вы опускаете обвинения в неподчинении требованиям полиции и вандализме?

– Ваша честь, мой клиент убегал от преследовавших его незнакомцев, не зная, что они полицейские. Он считал, что...

– Приберегите ваши аргументы до суда, мистер Краснер.

– Прошу прощения, ваша честь, однако взгляните на обвинения еще раз. Совершенно очевидно, что это административные правонарушения, и залог должен быть соответствующим.

– Что-нибудь еще?

– Пока нет, ваша честь.

– Мисс Фейнсток?

– Да, ваша честь. Обвинение настаивает на том, чтобы суд отступил от обычной практики и назначил большой залог. Два главных обвинения против мистера Брисбейна основываются на уголовных статьях и классифицируются как общественно опасные деяния. Несмотря на заверения мистера Краснера, мы склонны думать, что ответчик попытается скрыться, а также сомневаемся в том, что этого человека действительно зовут Гарольд Брисбейн. Детективы, задержавшие его на пляже, сообщили мне, что у ответчика крашенные волосы и что именно в таком виде он фотографировался на водительскую лицензию. Этого вполне достаточно, чтобы предположить: возможно, он намеренно пытался изменить свою внешность. Обвинение надеется сегодня же связаться с дактилоскопической базой данных лос-анджелесского полицейского управления и проверить...

– Ваша честь, – перебил Краснер. – Я вынужден заявить протест на основании...

– Мистер Краснер, – осадил его судья, – подождите своей очереди. Вам, кажется, никто не мешал.

– Кроме того, – продолжала Фейнсток, – мистер Брисбейн был задержан на пляже по подозрению в противозаконной деятельности, что выразалось...

– Протест!

– ...В фотосъемке несовершеннолетних детей, в том числе и обнаженных, производившейся без их ведома и без ведома и согласия их родителей. Эпизод...

– Я протестую, ваша честь!

– ...Эпизод с неподчинением властям, в чем ответчик также обвиняется, имел место именно тогда, когда мистер Брисбейн пытался скрыться от офицеров полиции, проверявших поступившую жалобу.

– Ваша честь! – громко заявил Краснер. – Мой клиент не обвиняется ни в каких общественно опасных деяниях. Окружной прокурор просто пытается настроить суд против этого человека, опорочив его в ваших глазах. Я считаю это не только неэтичным, но и в высшей степени недопустимым. Если мистер Брисбейн совершил то, в чем его только что обвинили, то где же официальное заявление прокуратуры?

В просторном зале для заседаний мгновенно наступила гнетущая тишина. Выступление Краснера заставило других адвокатов, шептавшихся со своими клиентами, попридержаться языки. Судья медленно переводил тяжелый взгляд с Краснера на Глэддена, с Глэддена на Фейнсток и обратно. Наконец он остановился на зампрокурора и сказал:

– Мисс Фейнсток, готовы ли вы в настоящий момент выдвинуть против этого человека обвинения, о которых только что говорили? Я подчеркиваю: именно в настоящий момент?

Фейнсток некоторое время молчала, колеблясь, потом неохотно произнесла:

– На данный момент в деле нет никаких иных данных, однако полиция, как я сказала, продолжает поиск сведений, которые помогли бы установить личность ответчика и род его занятий.

Судья посмотрел на лежавшую перед ним стопку бумаг и начал что-то писать. Краснер открыл было рот, собираясь что-то добавить, но в последний момент передумал. Похоже, судья уже принял решение.

– Правила требуют, чтобы в данном случае сумма залога составила десять тысяч долларов, – зачитал судья Найберг. – Однако, учитывая аргументы обвинения, суд счел возможным сделать небольшое отступление от существующей практики и назначить залог в размере пятидесяти тысяч долларов. Что касается вас, мистер Краснер, то я был бы рад обсудить этот вопрос с вами несколько позднее и, возможно, снизить размер залога в случае, если ваш клиент сумеет успокоить окружного прокурора, сняв подозрения относительно своего имени, адреса и тому подобного.

– Я приму это к сведению, ваша честь, благодарю вас.

Судья объявил о рассмотрении следующего дела. Фейнсток закрыла папку с делом Глэддена и, отложив ее на левый край стола, взяла новую папку из стопки справа.

Краснер повернулся к Глэддену с легкой улыбкой:

– Вот как бывает, мистер Брисбейн. Я-то рассчитывал, что судья назначит залог в двадцать пять тысяч. Что касается нашей красоты, то она должна быть счастлива, как говорится, выше крыши. Запросив четверть миллиона, она в глубине души не рассчитывала получить ни гроша сверх установленной правилами суммы. Так что ей повезло.

– Ну и ладно. А сколько еще придется ждать, прежде чем я выйду отсюда?

– Посидите пока здесь и не волнуйтесь. Я устрою так, что через час вы будете на свободе.

Глава 11

Недавний шторм вздыбил коварный ломкий лед, образовавшийся вдоль берегов озера Мичиган, заставив его принять самые удивительные и причудливые формы. Верхние этажи небоскреба Сирс-тауэр были совсем не видны, скрытые грязно-серым покрывалом облаков, что низко повисли над городом. Все это я наблюдал, подъезжая к Чикаго по автостраде. Стояло позднее утро, и мне подумалось, что днем наверняка снова пойдет снег. Ну и погодка! А я еще сетовал, что у нас в Денвере холодно. Однако, выйдя на улицу в чикагском аэропорту Мидуэй, я понял, что такое настоящая зима.

В последний раз я был в Чикаго три года назад и, несмотря на суровый климат, до сих пор иногда скучал по этому городу. В начале восьмидесятых годов я учился тут в школе журналистики и именно тогда полюбил Чикаго. Одно время я даже надеялся, что мне удастся остаться здесь и пристроиться в одну из местных газет, однако ни в «Трибьюн», ни в «Санди таймс» мною не заинтересовались: редакторы, к которым я обращался, посоветовали сначала набраться опыта и приходить, уже имея в портфолио хотя бы несколько опубликованных статей.

До сих пор помню, какое горькое разочарование я тогда испытал. И дело было не только в том, что меня отвергли, но и в необходимости уехать из Чикаго. Разумеется, я мог бы зацепиться в службе городских новостей, где подрабатывал студентом, однако это был совсем не тот опыт, который ценили редакторы крупных газет, да и перспектива службы в телетайпном агентстве, где платят столько, что это может привлечь лишь студентов, для которых возможность публикации гораздо важнее денег, нисколько меня не прельщала. Вот как случилось, что я вернулся домой и поступил на работу в «Роки-Маунтин ньюс».

Много воды утекло с тех пор. В первое время я ездил в Чикаго как минимум дважды в год – повидаться со старыми друзьями и посетить наши любимые бары и кафе, однако теперь это осталось далеко в прошлом. В последний раз я был здесь три года назад, когда один из моих друзей, Ларри Бернар, обосновался в «Трибьюн», проработав несколько лет за границей и приобретя тот самый опыт, что в свое время требовали от меня. Тогда я отправился в Чикаго, чтобы встретиться и поговорить с ним. Наверное, сейчас и у меня набралось бы достаточно хороших статей, чтобы претендовать на место в «Трибьюн», но я так и не собрался отослать их.

Таксист высадил меня на набережной, возле отеля «Хайатт». Редакция «Трибьюн» находилась как раз напротив него, на другом берегу реки. Поскольку я не мог заселиться до трех часов, то оставил вещи у дежурного, а сам направился к платным телефонам. Порывшись в справочнике, набрал номер Третьего участка Управления полиции Чикаго и попросил позвать детектива Лоренса Вашингтона, но, как только он отозвался, тут же повесил трубку. Я отнюдь не собирался беседовать с ним по телефону; все, что мне было нужно, это узнать, на месте ли детектив. Мой личный опыт общения с копами подсказывал, что договариваться о встрече заранее не имеет смысла. Совершая подобную глупость, вы лишь любезно сообщали человеку, какого места ему следует всячески избегать в ближайшее время. Многие полицейские не любили общаться с репортерами, а абсолютное большинство стремилось к тому, чтобы их даже не видели в компании представителей прессы. Даже с теми немногими, кто соглашался на беседу, приходилось вести себя предельно осторожно, так что я предпочитал устраивать на нужных мне людей засаду. И относился к этому как к своего рода игре.

Повесив трубку, я посмотрел на часы. Время неудержимо летело к полудню, а это означало, что на все про все остается около двадцати часов.

У дверей гостиницы я остановил такси и попросил отвезти меня в Белмонт, заехав по пути в Линкольн-парк, где в свое время и был обнаружен труп Бобби Сmaterса. На днях испол-

нился ровно год со дня смерти мальчугана, и мне отчего-то казалось, что место его гибели должно выглядеть так же, как в тот трагический день.

Устроившись на заднем сиденье такси, я включил компьютер и открыл файл с заметками из «Трибьюн», которые загрузил в память еще вчера. Просматривая статьи, посвященные ходу расследования, я быстро нашел искомый материал – подробный отчет о том, как научный сотрудник расположенного неподалеку зоосада, возвращаясь от своей подружки напрямик через парк, нашел изуродованное тело. Труп мальчика лежал посреди заснеженной поляны, на которой летом проводились соревнования по игре в бочке⁵. В статье утверждалось, что упомянутая поляна находится неподалеку от Кларк-стрит, оттуда хорошо видно выкрашенное в красный цвет здание конюшни, принадлежащее этому самому зоопарку.

Движение в городе в этот час не было интенсивным, и мы добрались до парка за десять минут. Я велел водителю ждать меня на Кларк-стрит, а сам вышел из машины.

На чистом белом снегу вокруг не было почти никаких следов. Снежные шапочки на сиденьях и спинках скамеек, выстроившихся вдоль аллеи, достигали трех дюймов в толщину. Эта часть парка почему-то показалась мне заброшенной, здесь даже птиц не было.

Я прошел несколько ярдов по аллее и увидел поляну. Разумеется, рассчитывать на то, что мне удастся обнаружить что-то новое, было бы глупо, и все же я чего-то ждал, хотя и не мог сказать, чего именно. Возможно, надеялся на внезапное озарение.

Почти на середине поляны я наткнулся на чужие следы, ясно отпечатавшиеся в глубоком снегу. Они пересекали мой путь слева направо. Я зашагал дальше, но вскоре наткнулся на еще одну цепочку следов, которая шла в обратном направлении. Очевидно, одна и та же группа людей возвращалась туда, откуда пришла.

«Дети, – подумал я. – Должно быть, это дети ходили в зоопарк».

Зоопарк, кстати, был еще открыт. Глядя в ту сторону в надежде увидеть упомянутую в статье конюшню, я заметил цветы у подножия корявого толстого дуба, росшего в двадцати ярдах от меня.

Приблизившись к дереву, я догадался, что это может означать, – цветы были оставлены здесь в годовщину смерти Бобби Сmaterса. Ярко-алые розы, выглядевшие на снегу, словно пятна свежепролитой крови, были сделаны из древесной стружки.

Подняв голову, я увидел, что кто-то вставил в расщелину ствола явно не любительскую, а сделанную в студии фотографию улыбающегося мальчишки, который сидел, упершись локтями в стол и подперев кулаками щеки. Бобби Сmaterс. На нем были красный пиджак и белая рубашка, на шее повязан крохотный голубой галстучек. Цветы, должно быть, оставили его родители, но я недоумевал, почему в годовщину смерти они не поехали на кладбище, а пришли сюда. Впрочем, возможно, на кладбище они тоже побывали.

Потом я огляделся по сторонам. Пруд около конюшни замерз, по его поверхности скользила парочка конькобежцев. И все, больше никого вокруг не было.

Такси дожидалось меня на Кларк-стрит, приткнувшись к тротуару возле массивной кирпичной башни. Над входной дверью болталась вывеска с надписью «Хемингуэй-хаус». Именно из этого здания вышел в то утро сотрудник зоопарка, чтобы вскоре наткнуться на труп.

Еще раз посмотрев на снимок, я без колебаний вытащил его из щели в коре. Фотография оказалась закатана в тонкий пластик, предохранявший ее от снега и дождя; на обратной стороне было написано имя мальчика. Я сунул фото в карман куртки: пригодится для статьи.

После прогулки по заснеженному, торжественно-неподвижному парку салон автомобиля показался мне уютным и теплым, словно гостиная, где в камине пылает огонь. Захлопнув за собой дверцу и устроившись на заднем сиденье, я продолжил просматривать материалы «Трибьюн». Такси, набирая скорость, везло меня к Третьему участку.

⁵ *Бочке* – итальянская игра, напоминающая игру в шары, которая проводится на земляной или травянистой площадке.

Обстоятельства дела, которые я смог узнать из статьи, были не менее жуткими, чем подробности убийства Терезы Лофтон. Мальчишку выманили со школьного двора на Дивижн-стрит. Собственно говоря, Бобби и два его приятеля сами выбрались за ограду, чтобы поиграть в снежки. Когда учитель заметил, что троих учеников недостает, он сразу понял, где они могут быть, и отправился на поиски. Но к этому времени Бобби Сматерс уже бесследно исчез, а оба двенадцатилетних свидетеля так и не смогли сообщить полиции ничего конкретного. По словам одноклассников выходило, что Бобби просто пропал, словно бы сквозь землю провалился. Они втроем увлеченно строили снежную крепость, и, только закончив, мальчики обратили внимание, что Бобби с ними нет. Но это их не насторожило, так как ребята решили, что он нарочно спрятался, рассчитывая застать товарищей врасплох. Именно по этой причине никто из них не стал искать Бобби.

Пропавший мальчик, вернее, его окоченевший труп был найден только на следующий день на заснеженной поляне в Линкольн-парке. Расследование, которое возглавил детектив Брукс, продолжалось несколько недель, но так и не продвинулось ни на йоту дальше того, что уже было известно со слов двух соучеников жертвы: Бобби Сматерс таинственным образом исчез со школьного двора.

Просматривая статьи, я искал некие обстоятельства, которые роднили бы убийство мальчика с делом Лофтон, однако не слишком преуспел. Тереза была взрослой белой женщиной, а Бобби – двенадцатилетним темнокожим мальчишкой – иными словами, они были слишком разными, чтобы оказаться жертвами одного и того же маньяка. Тем не менее после своего исчезновения каждый из них больше суток находился неизвестно где, а изуродованные тела обоих были подброшены в городские парки и оставлены практически на самом виду. И наконец – это показалось мне самым существенным, – и Сматерс, и Лофтон накануне своего исчезновения находились в местах скопления детей: мальчик в школе, а Тереза – в садике, где подрабатывала воспитательницей. Я еще не знал, имеет ли данное обстоятельство какое-либо значение, однако больше ничего определенного у меня не было.

Третий полицейский участок был похож на небольшую средневековую крепость, сложенную из желтого кирпича. В этом же приземистом двухэтажном здании помещался и Первый муниципальный окружной суд, поэтому широкие двери из дымчатого стекла, в которые вливался постоянный поток посетителей, несмотря на холодную погоду, почти все время оставались открытыми. Зайдя внутрь, я оказался в вестибюле, выглядевшем крайне неопрятно из-за тающего снега на полу. Стойка в вестибюле была сложена все из того же желтого кирпича; если бы кто-то въехал в стеклянные двери на машине, он все равно не добрался бы до копов, находившихся за этой баррикадой. Так что простые граждане выстроились вдоль барьера, терпеливо ожидая своей очереди.

Поглядев на лестницу справа, которая, как я догадывался, вела в криминальный отдел, я подумал, не подняться ли прямо по ней, в обход существующего бюрократического порядка, но передумал. Когда имеешь дело с копами, не стоит нарушать даже самые глупые правила; полицейские умеют сделать слона из самой крохотной мухи.

Когда я подошел к одному из копов за стойкой, он с подозрением уставился на сумку с компьютером, висевшую у меня через плечо, и ворчливо поинтересовался:

– Пришли у нас поселиться?

– Нет, это всего лишь компьютер, – объяснил я как можно вежливее. – Мне нужен детектив Лоренс Вашингтон. Я хотел поговорить с ним о важном деле.

– А вы кто будете?

– Мое имя Джек Макэвой. Детектив Вашингтон меня не знает.

– Вам назначено?

– Нет. Но я по поводу убийства Бобби Сматерса. Можете прямо так и сказать.

Брови полицейского подскочили вверх чуть ли не на дюйм.

– Вот что, приятель, открой-ка сумку и покажи, что там у тебя за компьютер, а я пока позвоню.

Я сделал, как мне было велено: достав ноутбук, открыл его, включил, выключил и снова убрал. Подобная процедура была мне хорошо знакома; то же самое меня попросили бы сделать в любом аэропорту. Коп следил за мной, прижимая трубку к уху и обмениваясь с кем-то негромкими фразами. Должно быть, он беседовал с секретарем. Впрочем, я надеялся, что упоминание имени Сматерса избавит меня от предварительных переговоров.

– Тут пришел один парень, он хочет встретиться с Безногим Ларри. Говорит, по делу того мальчугана...

Выслушав ответ, коп положил трубку на рычаг.

– Ступайте на второй этаж. По лестнице налево, последняя дверь по коридору. Там написано – «Отдел по расследованию убийств». Вашингтон чернокожий, сразу его увидите.

– Благодарю.

Шагая к лестнице, я вспомнил, как коп назвал Сматерса «мальчуганом», а человек, с кем он говорил, сразу понял, о ком идет речь. Одно это уже способно было рассказать мне гораздо больше, чем можно было прочесть в газетах. Обычно полицейские стараются обезличить, деперсонифицировать жертву дела, которое ведут. В этом отношении они мало чем отличаются от убийц, на счету которых по несколько трупов. Если погибший представляется тебе безликой абстракцией, а не человеком, который жил, дышал, смеялся и чувствовал боль, ты не станешь потом думать о нем до конца своих дней. В таком контексте называть погибшего «мальчуганом» было совершенно против правил, и я мог не сомневаться: даже спустя год в Третьем участке все еще хорошо помнят дело Сматерса.

Комната, в которой помещался отдел по расследованию убийств, была величиной с половину теннисного корта, да к тому же еще выстлана казенного вида темно-зеленым ковром. Рабочие столы оказались составлены тремя группами по пять в каждой – четыре стола попарно друг напротив друга, а пятый, сержантский, с торца. Слева от меня выстроились вдоль стены закрытые шкафы картотеки, а в дальнем конце находились два кабинета, отделенных от общего зала прозрачными стенами. Один из них, очевидно, принадлежал лейтенанту, а другой служил комнатой для допросов. В этом последнем помещении я рассмотрел стол, за которым удобно устроились мужчина и женщина. Они обедали: брали с картонных тарелок сэндвичи, а оберточную бумагу использовали в качестве скатерти. Кроме них, я увидел еще троих копов, работавших за столами в общей комнате, а за отдельным столиком у дверей сидела секретарша.

– Это вы ищете Ларри? – спросила она.

Я кивнул, и девушка указала мне на детектива, который низко склонился над самым дальним от входа столом. Он был один. Я направился к нему, но полицейский не поднял головы от бумаг, даже когда я остановился прямо напротив него.

– Снег еще не пошел? – спросил он неожиданно.

– Пока нет, но, похоже, скоро пойдет.

– Ясно... Я Вашингтон. Ну, что у вас за дело?

Я покосился на двух других полицейских за соседними столами. Ни один из них даже не посмотрел в мою сторону.

– Я хотел бы поговорить наедине, если возможно. У меня есть информация насчет того убитого парнишки, Сматерса.

Даже не оборачиваясь, я почувствовал, что полицейские оторвались от бумаг и уставились на меня во все глаза. Вашингтон тоже не выдержал и, отложив ручку, глянул на меня снизу вверх. На вид ему было лет тридцать с небольшим, однако в коротко подстриженных волосах уже проглядывала седина. Тем не менее он был в прекрасной форме – я понял это еще до того, как детектив встал. Кроме того, Вашингтон показался мне энергичным и неглупым.

Коричневый костюм и белоснежная сорочка с галстуком в полоску сидели на нем превосходно, хотя и не могли скрыть его массивной грудной клетки.

– Поговорить наедине? Что же вы такое хотите мне сообщить?

– Именно об этом я и собираюсь рассказать, как только мы останемся вдвоем.

– Надеюсь, вы не из числа психов, что являлись по этому делу с повинной?

Я улыбнулся как можно более непринужденно:

– Даже если и так, разве не может статься, что на сей раз к вам пришел тот, кого вы давно ищете?

– Это, пожалуй, был бы настоящий праздник. Ладно, идем. – Детектив перешел на «ты». –

Только не вздумай зря тратить мое время, я этого не люблю. Кстати, тебя как зовут?

– Джек Макэвой.

– Хорошо, Джек. Но имей в виду: если ты не расскажешь ничего путного, и я, и та парочка, которая сейчас обедает в комнате для допросов, – мы все будем очень недовольны.

– Я почти уверен, что у вас будет повод отнестись ко мне со снисхождением.

Только теперь Лоренс наконец поднялся, и я увидел, что он намного ниже ростом, чем я думал. Казалось, его нижняя часть принадлежит другому человеку. Короткие, крепкие, чуть-чуть кривые ноги поддерживали великолепный торс атлета.

«Отсюда и прозвище Безногий Ларри, – догадался я. – Как бы тщательно он ни одевался, этот изъясн внешности не скроешь».

В молчании я последовал за ним к двери, за которой двое детективов доедали свой обед. Вашингтон обернулся только один раз, да и то не на меня, а на сумку, которую я держал в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.